

8-е издание

КОНАН

КОНАН И КРУТ ВРЕМЕН

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЫМЫ 2	КОНАН И МЕР КОЛАУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЪЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛЕНИЕ ПОНДЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕИ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ КОИ 9
КОНАН И КАРУСТА БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КАНИКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАНОМЫ 13	КОНАН И ПРКАЛО ГЛУДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЮЩИХ СТРА 15	КОНАН И ПЕСИ ВОИНЫ 16	КОНАН И ТАЛАНСМАН ЗАА 17	КОНАН И ДЕР ПЕРТАА 18
КОНАН И ГОРОД ПАЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ОСТАТОК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАД АРМАНА 21	КОНАН И БАТРОНОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИБРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСКОЕ МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИИ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПАЛЕННЫЕ ВЕДАН 27
КОНАН И ЗАТОРОП ТЕНИ 28	КОНАН И КОНЫ КРОМА 29	КОНАН И РРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И МАМАНЫ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И КОМОТЫИ НАД 32	КОНАН И ЧАША ИССМЕГНИ 33	КОНАН И АБАНЮИ СТРАЖ 34	КОНАН И ТРОРОВОИ ГРЕЗАМИ 35	КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ОБЖИВАЮЩИЕ ПАУТИ 38	КОНАН И БЕРЕ ПРОКАТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИИ 40	КОНАН И МАМАНИЦА НУБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОАЛЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ АРЕВНИХ 44	КОНАН И ТРОРОК ТЫМЫ 45
КОНАН И ПНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ ПОЧЫ 47	КОНАН И КОРОЛЬ БОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗАННЫ ОГОНЬ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕЛЫРЕХ 50	КОНАН И КАБМО ЗАМЛ 51	КОНАН И ХОВНИ ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И КОСАЛЕННИК СВЕТА 54
КОНАН И СПЯЩИЕ ЗАО 55	КОНАН И ЛЕЗДЫ ШАДИЗАРА 56	КОНАН И СКАПТ ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И ОБЖИВАЮЩИЕ ПЕКТОР 59	КОНАН И ПОВЕЛЕНИЕ МОАНИИ 60	КОНАН И ТЫГРЫ ХАРИБОРИИ 61	КОНАН И ВСАЛНИИ БУТИ 62	КОНАН И САДА ИСПОМИНА 63
КОНАН И АНК ТУМАНА 64	КОНАН И АНК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛИ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСАДИИ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И КАК ПРОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСАЛЕННИК МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72

Дуглас Брайан, Терри Donovan,
Мартин Шерр, Керк Монро

КОНАН И КРУГ ВРЕМЕН

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К64

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 02.07.07. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 6000 экз. Заказ № 5491 Э.

Конан и круг времен : [сборник] / Дуглас Брайан, Тер-
ри Донован, Мартин Шерр, Керк Монро. — М.: АСТ;
СПб.: Северо-Запад Пресс, 2007. — 382, [2] с. — (Конан).

ISBN 978-5-17-038566-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-93698-353-5 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-кимммериец скитается по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и искромантами от Вендии до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невинных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2007
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2007

Глава первая Городок, где царит высокомерие

Название города — Рамбха — Конан выяснил только на третий день своего пребывания в нем. Вендия не слишком нравилась киммерийцу. И дело было не в жаре: несмотря на то, что Конан родился среди ледяных гор Киммерии, и холод навсегда запечатлелся в его ярко-синих, словно бы источающих лед, глазах, он без особенного труда переносил жаркий климат. Черные Королевства, Куш, Кешан хорошо помнили пирата Амру, черноволосого варвара с чертами белого человека под бронзовым загаром, окруженного ордой чернокожих пиратов.

Но в Вендии все обстояло иначе.

Жара усугублялась влагой, постоянно висящей в воздухе. Смуглые гибкие вендийцы с большими, томными глазами вовсе не были дикарями, какими считались обитатели джунглей

Черных Королевств. И Конан, соответственно, не являлся для них «высшим существом», человеком с белой кожей, который умел все то же, что умели они, и еще обладал иными умениями, свыше обычного.

Нет, для утонченных вендийцев, взрощенных в лоне древней, изысканной цивилизации, Конан был самым обычным варваром-северянином, человеком, не имеющим ни надлежащих познаний, ни соответствующего воспитания. Что с того, что он — непревзойденный воин? Здесь такие имеются! Что с того, что он обошел пешком и на коне весь Хайборийский мир, все изведal, везде побывал? Путешественниками Вендию, страну купцов, не удивишь!

Сказать, что Конан «страдал» от высокомерия вендийцев, было бы неверно. Менее всего суровый киммериец расположен был «страдать» по какому-либо поводу — кроме, разве что, собственных промашек, которые подчас вызывали у него бешеную досаду.

Нет, находясь в Вендии Конан испытывал постоянный щекочуший зуд: ему хотелось взять какого-нибудь высокомерного, задрапированного в цветастые шелка смуглого красавца и как следует отмутузить его. Просто ради того, чтобы испытать удовлетворение при виде того, как он утратит все свое высокомерие, забудет и о культуре, и о хороших манерах, и начнет скулить, умолять, пускать юшку из носа и обильные слезы из глаз.

Увы, эти варварские порывы ему приходилось сдерживать и с притворным спокойствием сносить косые, насмешливые взгляды вендийцев, пожимание плечами и неуловимые жесты, которыми те выражали свое недоумение: дескать, что это тут сидит и делает вид, будто имеет на это право?

В больших городах дело обстояло лучше: там все-таки привыкли к пришельцам из далеких, не похожих на Вендию стран. Но в этой забытой богами Рамбхе чужаков видели крайне редко, поэтому северянин мгновенно превратился там в диковину.

Дела у Конана шли из рук вон плохо. Караван, в который он нанимался охранником, дошел до Аграпура, и там выяснилось, что у караванщика закончились деньги.

Он даже не расплатился толком со своими охранниками. Если говорить точнее, то попросту в одно прекрасное утро он скрылся с наиболее ценным и наименее громоздким из своего товара. Вскочил на коня и удрал — только его и видели.

Прочие, проклиная хитреца, поделили оставшееся. Конан не стал обременять себя товарами. Даже в кошмарном сне, под воздействием ядовитых паров черного лотоса, Конан не мог бы представить себя продающим на рынке все эти шаровары, женские украшения, покрывала и серебряные колокольчики для верблюдов, несущих на своей спине богатых и знатных господ.

Поэтому варвар взял горсть медяков, излил душу в долгом проклятии, адресованном коварному караванщику, и отправился в путь пешком. Он немного сбился с пути; пару раз пытался заработать — и в результате злой рок занес его в Рамбху.

Это место выглядело как конец любого пути, как воплощенное крушение всякой надежды. Конан не переставал удивляться тому, что здесь живут какие-то люди. Живут долго, поколение за поколением, и даже как будто довольны своим существованием.

Рамбха представляла собой небольшой городок, выросший в окружении влажных джунглей. Здесь даже имелся дворец правителя. Но — какой дворец и какого правителя! Все дело в деталях, как, бывало, говорил Конану один его приятель, кхитаец-философ. Возведенный из белого камня, привезенного издалека специально для этой цели, дворец был весьма высок — его центральная витая башня изначально вздымалась на двадцать человеческих ростов, никак не меньше. Башен было две, центральная и левая, чуть пониже. Правой не возвели вовсе — видимо, не хватило камня.

Стены дворца были украшены богатой резьбой. Вдоль всего фасада тянулся широкий барельеф, изображающий полногрудых полубогинь, убегающих от демонов. Демоны с клыкастыми мордами и вытянутыми вперед руками с когтистыми пальцами, мчались по воздуху следом за

пленительными женщинами. Те, с неправдоподобно тонкими талиями, с большими округлыми грудями и пышными бедрами, стремительно улетали от преследователей. Их тела соблазнительно изгибались, а на губах застыла сладострастная улыбка: казалось, полубогини готовы попасть в руки своих дьявольских поклонников и отдаться им — только прежде, чем позволить себя поймать, этим лицемерным красоткам требовалось соблюсти некоторые приличия.

Вокруг дворца был разбит сад с гранатовыми деревьями; для украшения и оживления пейзажа туда поселили несколько павлиньих и фазаньих семейств. В глубине сада имелась беседка с витыми колоннами, деревянными, но расписанными под золото и лазурь весьма искусно; там, как говорили, обитала священная белая кобра, которую кормили молоком из хрустального блюда.

Все это выглядело великолепно... много столетий назад.

Теперь и дворец, и сад, и обитатели этого сада пришли в полное запустение и вернулись, кто как мог, к изначальной дикости. Павлины расплодились и с важным видом ходили повсюду по дорожкам, как будто осознавали, что весь этот дворец принадлежит исключительно им. Из-за ограды то и дело доносились пронзительные птичьи крики. Белая кобра не то сдохла, не то пряталась где-то; давным-давно уже перестали приносить ей молоко, хотя хрустальное блюдо

все еще существовало. Правда, трудно было разглядеть хрусталь в этой круглой плошке, облепленной глиной после многочисленных дождей.

Правители Рамбхи, впрочем, существовали и обитали они именно в этом полуразвалившемся дворце. Обе его башни были надломлены и раскрошились. Чудесный округлый барельеф с изображением полубогинь и демонов осыпался, и фигуры местами приобрели отталкивающий вид. Тем не менее последние потомки древнего рода повелителей Рамбхи даже и не думали покидать свое обиталище.

С какой стати? Их вовсе не смущало то обстоятельство, что повелевают они не великим и богатым городом, который основали их предки. Они как будто не замечали того несомненного обстоятельства, что караванные пути сместились к югу, и Рамбху начали покидать жители. К тому времени, как неудачи и дурное стечение обстоятельств занесли туда Конана, в городке осталось всего пять улиц, застроенных глинобитными домами. Скорее деревенька, нежели город. Если не считать амбиций, разумеется.

Дворец-то здесь сохранился, династия правителей насчитывала несколько десятков поколений знатных предков, поэтому высокомерие жителей Рамбхи не ведало границ. Еще бы! Они ведь хранили древнейшую традицию и считали себя избранными!

Запущенный сад с его одичавшими обитателями привлекал Конана. Киммерийцу уже на

второй день пребывания в Рамбхе начало казаться, что здесь, несомненно, припрятаны несметные богатства. «С этих вендийцев станется, — угрюмо размышлял он, даже не пытаясь пересчитать убогое содержимое своего тощего кошелька, — они ведь будут спать на золотом ложе и мочиться в горшок, вырезанный из цельного изумруда, потому что все это досталось им от предков. Нет чтобы продать всю эту рухлядь и возродить город. Понастроить здесь кабаков, домов с веселыми девицами, учинить — ну хотя бы ежегодную конскую ярмарку или там рынок рабов на худой конец... До таких низменных идей здешний люд не опускается. Они предпочитают чахнуть среди обветшавшей роскоши и даже не получают удовольствия от предметов, которыми владеют. Надо бы помочь им и хотя бы отчасти рассеять их заблуждения».

Пробраться в сад и пошарить по дворцу, который давно уже никто не охранял, не составляло большого труда. Конан предпринял эту вылазку на вторую ночь, проведенную им в Рамбхе.

Увы, его ожидало сильное разочарование! Большинство залов дворца стояли пустые, здесь не осталось даже крыш. Лианы свободно обвивали колонны и опутывали большие статуи. Конан на всякий случай отодрал пару листьев, рассчитывая увидеть блеск золота. Однако и здесь его надежды не оправдались. Статуи эти, искусной работы древних мастеров, были сделаны из камня

или бронзы. Никакого золота не оказалось и в помине.

Полы, некогда украшенные великолепными мозаиками, были густо загажены птицами. Никто не спорит, у павлина роскошный хвост, особенно когда самец этой птицы намерен произвести впечатление на даму своего маленького, быстро колотящегося сердечка... Однако пачкают полы и мебель эти красавцы не хуже, чем любая ворона.

«Таково свойство всего живого, — думал Конан, ухмыляясь. — Увы! Как бы чудно это живое ни выглядело, оно бывает на диво неприглядно. С другой стороны, оно все-таки живое. Что-то есть во всех этих застывших статуях такое, что заставляет меня содрогаться. Магия? Вероятно, магия... Древняя, спящая под листьями... — Он поежился. Конан ненавидел магию во всех ее проявлениях. От нее бесстрашного киммерийца бросало в дрожь. — Нет уж, пусть себе спит. Не буду я тревожить эти статуи...»

Только один раз он встретил во дворце человека. Это был какой-то вендиец в длинном парчовом халате, рваном, но все же сияющем под лучами луны. Путаясь в полах длинного одеяния, человек шел по обваливающимся ступеням. Он поднимался в одну из башен дворца. Вероятно, оттуда намеревался наблюдать за звездами или творить какие-нибудь чары. Конана он не заметил. Ничего удивительного. Все эти люди столетиями привыкли жить среди призраков.

Призраков своего прошлого, призраков былых воспоминаний — собственных и чужих. Еще одна тень, встреченная в переходах дворца-руины, ничего не меняла.

Оставшись ни с чем, варвар не мог даже найти себе в Рамбхе подходящего ночлега, не говоря уж о нормальной пище. Не считать же «трактиром» то место, куда обитатели Рамбхи являлись каждый вечер, чтобы поболтать и промочить горло! Это был навес из пальмовых листьев, сооруженный над большим костром — очаг, выложенный закопченными камнями, помещался прямо в земле. Хозяйское место отгораживала «стойка» — небольшое ограждение, сделанное из бамбука. Хозяин, очень смуглый, почти черный человечек с выпирающим над набедренной повязкой животом, выпуклыми черными глазами и очень кудрявыми волосами, целый вечер суетился и колдовал над своим костром.

Он подавал посетителям напитки, обжигающе-горячие и к тому же сдобренные перцем. Конан так и не понял, имелся ли в составе этого пойла алкоголь: после первого же глотка горло чувствовало себя так, словно злобные палачи содрали с него последнюю кожу. Глаза вылезали на лоб после второго глотка, а третий заставлял даже такого нечувствительного к выпивке человека, как киммериец, ощущать себя близким родственником огнедышащего дракона.

И тем не менее утонченные жители Рамбхи, выродившиеся потомки знатных вендийских родов,

последние в череде славных предков, глотали эти напитки кувшин за кувшином, и только чуть смуглее делалась их кожа, чуть более блестящими становились зрачки томных, подернутых влагой глаз, да зубы начинали посверкивать в слишком широких улыбках. И — все!

Удивительно...

Еды там почти не подавали. Когда Конан попросил за свои последние три медяка приготовить ему лепешку, хозяин заведения устался на чужака как на отвратительного варвара, человека, не получившего никакого воспитания, убогую личность, которая не ведает, что такое хороший тон, манеры и вообще приличия. «Как?! — было написано на обезьяньей мордочке хозяина. — Вы, кажется, намерены жевать прилюдно?! Где вас воспитывали, хотелось бы знать? Впрочем, нет, не оскверняйте моего слуха наименованием этого ужасного места, откуда выходят такие кошмарные типы... О! До чего мы дожили, если нам приходится созерцать жующего человека? Воистину, боги отвернулись от Рамбхи!»

Тем не менее внушительная мускулатура варвара, зверская физиономия, которую он скорчил, демонстрируя свое нетерпение, жуткая пантомима, посредством которой изображался «Голод» (палец, энергично тыкающий в разверстую пасть, при вытаращенных глазах), и прочие средства убеждения сделали свое дело. Конану, морщась от отвращения, подали еду. Затем все посетители заведения отвернулись, дабы их не стошнило

при виде столь неутонченного зрелища, как киммериец, поглощающий лепешку и наваленную поверх нее снедь — овощи и немного мяса.

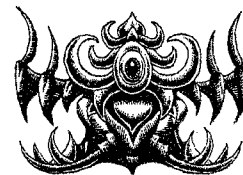
Разумеется, на следующий день киммерийца встретили там как весьма нежелательного гостя. Хозяин долго делал вид, будто не замечает этого клиента. Наконец Конан изловчился, поймал его за ухо и подтащил к себе.

— Я голоден, — сообщил киммериец. Он выложил на ладонь последние медяки и поднес их к самому носу хозяина.

Тот отчаянно скосил глаза и жалобно скрипел, но вялые жители Рамбхи никак не отреагировали на этот тихий призыв о помощи. И таким образом Конан вытребовал для себя вторую порцию лепешек с мясом и овощами.

Он уже прикидывал, в какую сторону из Рамбхи ему податься, поскольку вести здесь сколько-нибудь приличную жизнь было попросту невозможно, как третий день преподнес Конану настоящий сюрприз.

Конан встретил человека одной с ним расы. Здесь, в вендийской глуши, вдали от больших торговых дорог! Поистине, это было так удивительно, что Конан в первую минуту не поверил собственным глазам.

Глава вторая

Путешественник из Бритунии

В отличие от варвара, незнакомец, пришедший откуда-то с запада, выглядел совершенно невозмутимо и держался весьма спокойно. При первом же взгляде делалось понятно: вот мужчина, который целиком и полностью отдает себе отчет в каждом своем действии и совершенно явно знает, чего он хочет.

Он пришел утром. С ним была смиренная, довольно толстая лошадь, желания которой отличались той же определенностью, что и побуждения ее хозяина.

Она никуда не спешила. Добравшись до места, где можно было отдохнуть, она неторопливо попила и принялась щипать траву. Ей не было дела ни до назойливой мошкары, ни до местных жителей. От насекомых она отмахивалась хвостом, на крики обитателей Рамбхи: «Уберите скотину — это священный луг — здесь нельзя пасти лошадей!» — лошадка только двигала ушами, но никак не реагировала.

Владелец лошади отличался довольно высоким ростом, но, в отличие от мускулистого киммерийца, был довольно плотного и рыхлого сложения. Мускулов у него не имелось, кажется, вовсе. Внушительный слой жирка покрывал его тело. Он носил невозможную в вендийском климате одежду: длинные штаны, длинную тунуку, сапоги из буйволового кожи, а на плечах, поверх туники, — плащ. Золотая пряжка скрепляла плащ на плече. Голову венчал туранский убор — шелковый плащ, обмотанный несколько раз вокруг лба. Видимо, последним элементом своего причудливого туалета путешественник обзавелся по дороге в Вендию. Это была единственная разумная деталь его костюма, поскольку она предохраняла его от солнечного удара.

Пот катился градом по красному лицу путника. Светлые жесткие его волосы слиплись и приклеились ко лбу. Губастый рот постоянно был приоткрыт; дышал путник тяжело и явно радовался каждому удачному глотку воздуха.

Маленькие глазки, светлые, почти белые на багровом, сожженным солнцем лице, внимательно глядели по сторонам, как будто намереваясь уловить и запомнить каждую мелочь.

Разумеется, он был голоден — и, разумеется, голод пригнал его под тот же пальмовый навес, куда в полной безнадежности притащился и Конан.

Чужак развалился на лучшем месте, в тени. Когда явились те, кто претендовал на это место

(вероятно, самые почтенные из жителей Рамбхи), они были неприятно удивлены появлением чужестранца и его непревзойденной наглостью. Даже черноволосый дикарь с гигантскими ручищами и гневным взором, этот надоедливый и дурно воспитанный киммериец, не позволял себе подобных выходов.

Конан с любопытством наблюдал за чужаком и местными. Интересно, во что выльется новый конфликт? Прогонят ли здешние чужого — или будут вынуждены принять его правила? В любом случае Конан приготовился поддержать чужого. В конце концов, он был один против всех, а это вызывало у киммерийца самое искреннее уважение.

Чужак некоторое время ждал, пока на него обратят внимание и подадут ему еду и питье. Он демонстративно снял с пояса кошельки и положил его перед собой, время от времени позвякивая содержащимися внутри монетами.

Никакого результата. В сторону чужака даже не покосились. Наконец он решил подать голос:

— Эй, вы! Я проделал довольно долгий путь, прежде чем добрался до вашего проклятого богами и людьми городишки! У меня есть деньги, слышите? Или вы уже забыли, что такое деньги и что можно купить на звонкую монету? В таком случае мне вас жаль, жалкие черномазые дикари!

Конан едва не расхохотался, услышав это. Он уже понял, что человек, ведущий себя столь

уверенно и развязно в совершенно незнакомом месте, — бритунец. Это явствовало и из внешности чужака, и из его манер, а когда он заговорил — то из его речи.

Назвать вендийцев «жалкими черномазыми дикарями» мог только уроженец Бритунии. Ничего более глупого чужак и придумать не мог. Эти люди страшно кичатся древностью своего происхождения и утонченностью своей культуры. Все прочие достижения цивилизации, кроме своих собственных, они считают за ничто.

Конан едва не вмешался в разговор и удержал себя от слишком активных действий лишь большим усилием воли.

Бритунец между тем продолжал:

— Слышите, вы! У меня есть деньги. Я бы заплатил за миску хорошей похлебки, если вы тут, конечно, варите что-нибудь в таком роде... Ням-ням, ясно вам? Боги, ну и болваны! Я ведь предлагаю вам настоящую звонкую монету в обмен на ваше варево...

Конан фыркнул, не удержавшись: бритунец со своими потугами отыскать путь к сердцу вендийцев выглядел довольно потешно.

Пришелец тотчас обратил внимание на варвара.

— Эй, послушайте, вы!.. Да, вы! Вы ведь человек цивилизованный, хоть и вырядились в варварские одежды!

Конан, который долгое время считал слово «цивилизованный» ругательным, едва сдержал смех.

Бритунец приветливо кивал ему:

— Я понимаю, что заставило вас принять подобный облик. В конце концов, путешествие среди дикарей накладывает свой отпечаток даже на благородную внешность. Однако Фридугис из Бритунии всегда узнает собрата, как бы он ни вырядился. Могу я, в свою очередь, узнать ваше имя, уважаемый господин?

— Меня зовут Конан из Киммерии, — буркнул варвар. — Я вовсе не господин и уж всяко вами не уважаемый. Вы вот называли меня варваром — так ведь я варвар и есть, а коли у вас в том возникли сомнения, мой друг Фридугис, то я могу привести вам массу ученых доказательств тому, и при том — не сходя с места.

— О! — сказал Фридугис. — И какие это доказательства?

Конан продемонстрировал ему свой гигантский кулак.

Фридугис оживился.

— Любите борьбу?

— Просто могу расквасить вам нос, если попросите, — сообщил варвар.

Фридугис приветливо кивнул ему.

— Что ж, это почтенно. Если угодно, могу именовать вас варваром...

— Лучше просто Конан, — сказал Конан. — Это избавит вас от множества неприятностей в дальнейшем.

— Идет! — сказал Фридугис. — Итак, любезный Конан, не подскажете ли вы мне способ

заставить этих олухов обратить наконец внимание на голодных посетителей?

— Можно, — подумав, ответил Конан. — Например, если помочиться в их костер. Наверняка они подскочат и начнут вопить.

— Превосходная мысль, мой друг! — развеселился Фридугис. И он начал копаться в своей одежде с явным намерением осуществить предложение Конана.

Конан удержал его в самый последний миг.

— Боюсь, дружище Фридугис, что это будет последней шуткой в твоей жизни.

— Да? — Фридугис с презрением осмотрел жителей Рамбхи, глядевших на него, в свою очередь, с нескрываемым подозрением. — Но как же заставить эту глупую обезьяну все-таки принести мне поесть?

Конан встал.

— Я попробую уладить дело.

Он приблизился к хозяину и двумя пальцами зажал его шею в тиски.

— Слушай, ты, — дружелюбно обратился к нему варвар, — подай-ка мне и вон тому господину по куску хорошего жареного мяса. Ты понял? Он платит. Не притворяйся, будто ты ничего не понимаешь.

Хозяин вырвался и потерял шею. Он выкрикнул несколько отрывистых фраз, явно бранных, но Конан невзначай коснулся рукояти меча, торчавшей у него из-за плеча (в незнакомом месте, да еще таком недружелюбном, как Рамбха,

Конан не решался расстаться с оружием ни на минуту). Хозяин сердито буркнул что-то и ушел — видимо, отправился за мясом в ледник.

И действительно, спустя некоторое время оба чужестранца получили по здоровенному куску плохо прожаренного мяса. Конан невозмутимо грыз свою порцию, впиваясь в жесткое мясо крепкими белыми зубами. Бритунец пользовался острым ножом, не желая чересчур обременять свои челюсти.

Наконец оба гостя, к великому облегчению завсегдатаев, удалились. Бритунец ковырял в зубах ножом и вообще был страшно весел.

— О, я демонстрирую отвратительные манеры! — заявил он Конану.

Рыгнув, варвар ухмыльнулся во всю пасть.

— Могу я полюбопытствовать теперь, дружище Фридугис, какая нелегкая занесла тебя в эту дыру? Здесь даже пожить нечем. Ни один порядочный вор не задержится здесь дольше, чем на час.

— Отсюда вывод: либо я непорядочный вор, либо я вообще не вор, — заметил Фридугис. — Что ж, логика железная. Не обучался ли ты философии, мой друг?

— Немного, — скромно ответил Конан. — В Кхитае. Я даже возглавлял одну философскую школу. Правда, недолго.

Подробности своего пребывания в качестве главы философской школы в Кхитае Конан предпочел опустить. Достаточно сказать, что

учение варвара сводилось к исключительно простому постулату: всякий враг да будет уничтожен любым доступным способом; а следствием распространения этого нехитрого постулата сделались рост агрессивности и повсеместная порча доселе смиренных кхитайских учеников...

Фридугис испытывал явное удовольствие, видя, что его новый знакомец впал в замешательство. При всей своей проницательности и житейском опыте Конан не мог угадать, кто такой Фридугис и что ему понадобилось в Рамбхе.

Член ученой экспедиции? Конан слышал о исконно бритунской придури: отправляться в чужие страны не ради наживы, но ради новых знаний и впечатлений. Некоторые из таких путешественников даже считают своим долгом сочинять книги обо всем увиденном и пережитом. Другие находят какие-нибудь замечательные растения, собирают их клубни или семена, а потом остаток жизни посвящают тому, чтобы вырастить нечто подобное на бритунской почве. Третьи пытаются ловить чужеземных животных и в клетках везут их на родину, дабы знатные и богатые люди получили возможность любоваться на сии диковины. Впрочем, последнее мероприятие, по крайней мере, сулило хоть какую-то выгоду.

Но путешествия за знаниями? Этого Конан решительно не мог понять. Все в его практической натуре противилось подобному времяпрепровождению.

Бритунец сказал:

— Я покинул родину исключительно ради того, чтобы испытать свои способности. Я вышел в путь один и до сих пор избегал всяких спутников. О, иногда мне случалось примкнуть к каравану или к какой-нибудь группе воинов или путешественников. Это было захватывающе! Один раз, когда я находился близ моря Вилайет, я даже побывал членом бандитского отряда. Мы совершали набеги! Точнее, это они совершали набеги на мирные караваны, а я только наблюдал и записывал. У меня осталось несколько портретов...

— И где эти портреты? — спросил Конан без особенного интереса. Чего-чего, а разбойников близ моря Вилайет он повидал больше, чем хотел бы. И все они, по мнению Конана, были довольно скучны. Ну, может быть, кроме двух-трех отдельных личностей... Иногда такие банды возглавляет женщина. Тоже забавно. Но в общем и целом — тоска. И дерутся плохо, берут числом, а не умением.

— Вообразите себе, дружище, — сказал Фридугис с широченной улыбкой, — мне удалось хорошо заработать на этих портретах, когда я оказался на другой стороне озера Вилайет. Их охотно купили представители закона. Дали немалые деньги! Смешной народ, право...

Конан хмыкнул, как бы разделяя веселье своего собеседника. Впрочем, хмыканье получилось малоубедительным.

— Станный способ зарабатывать на жизнь, — сказал Конан. — Рисовать физиономии грабителей! Твое счастье, приятель, что они не узнали, чем ты промышляешь.

— Но я промышляю отнюдь не этим, — сказал Фридугис, несколько удивленный прямолинейностью варвара. — Отнюдь! Это было побочный эффект от моего путешествия. Далее я шел один довольно долгое время. Миновал Карпашские горы. Совершенно один! О, это было увлекательно! В горах водятся оборотни. Принимают вид красивой женщины, заманивают путников — а затем, после упоительной ночи любви, наступает зловещая развязка. Впрочем, в моем случае до развязки не дошло.

— Вероятно, не дошло и до завязки, — заметил Конан как бы между прочим.

Фридугис сделал вид, что оскорблен.

— Я никогда бы не решился отказать даме, — объявил он. — Даже если у этой дамы изо рта растут клыки. Просто времени не хватило. Поздоровались и разошлись, каждый в свою сторону.

— А, — сказал Конан, — вероятно, это тебя и спасло.

— Вероятно, — подтвердил Фридугис и поджал губы. Следует отдать бритунцу должное: сердился он недолго и скоро продолжил повествование. — Спустя некоторое время я решил объявить себя гадалщиком и в таком качестве сделался спутником одной богатой старухи. Она нуждалась в

предсказаниях на каждый день, а мой предшественник, старик-прорицатель, еще более древний, чем она, взял да и помер посреди дороги! То ли не выдержал тягот пути, то ли попросту... — Тут Фридугис понизил голос, как будто опасался, что его могут услышать посторонние. — У меня после двухдневного общения с этой старухой возникло такое ощущение, что она попросту свернула своему гадалщику шею. Видимо, он напроорочил ей какую-нибудь гадость. Однако это не имело никакого отношения к моему делу. Я видел, что заказчику необходим прорицатель. И кстати, я неплохо справлялся! Я говорил ей, какая ожидается погода, и никогда не ошибался.

— Ну, еще бы, — вставил Конан, — ведь вы шли, как я понял, через пустыню.

Бритунец ухмыльнулся.

— Вот именно! А ей было важно, чтобы кто-нибудь, кому она доверяет, кто-нибудь посторонний и при том чрезвычайно напыщенный, — тут Фридугис надул грудь и расправил плечи, — предсказывал жаркую и сухую погоду в разгар лета посреди пустыни. Чем я и промышлял — по преимуществу. Еще я предсказывал появление кочевников, если замечал вдали пыль, поднятую их лошадьми. Бывало, удачно предрекал у хозяйки приступ меланхолии, — особенно если у нас заканчивалась вода, а до ближайшего колодца оставалось еще полдня пути. В общем и целом, мне было с ней хорошо. Она заплатила не слишком щедро, но этого

было довольно, чтобы найти для себя место в караване. Последние несколько недель я передвигался один. Радегунда немного скучала без общества себе подобных, но я был доволен. Надоели люди с их глупой болтовней.

— Кто такая Радегунда? — осведомился Конан с недовольным видом. «Не хватало еще выяснить, что с этим бритунцем путешествует какая-нибудь девица, — подумалось киммерийцу. — Возлюбленная, решившая сбежать с горе-путешественником? Сестра? Или, да спасут меня боги, — незамужняя дочь? Нет ничего ужаснее незамужней дочери, особенно если над нею тяготеет какое-нибудь проклятие...»

Конан подозрительно глянул на бритунца, словно пытаясь выяснить: нет ли при том какой-нибудь нежелательной и проклятой дочери. И, попутно недурно бы узнать: не лелеет ли означенный бритунец надежду на то, что Конан-киммериец поможет ему эту самую проклятую дочь избавить от тяготеющего над нею рока?

Фридугис выдержал паузу ровно настолько, чтобы Конан ощутил беспокойство в полной мере, а затем объяснил:

— Радегунда — это моя лошадь. Ты, должно быть, видел ее. Она мирно паслась на лугу.

— Да, — сказал Конан кисло. — Это их священный луг или что-то в том же роде.

— А, — бритунец с беспечным видом махнул рукой, — не имеет значения. В Вендии полным-

полно священного. Тут все священное. Просто плюнуть некуда. Везде — след от какого-нибудь божества, древняя лежанка какого-нибудь ветхого мудреца, который когда-то и что-то изрек, либо стойбище для их духов, либо место, где витают духи их предков... Нельзя безнаказанно жить на одном месте столько тысячелетий подряд. Накапливаются духи, предки, умершие, боги, полубоги, демоны, проклятые люди...

При последнем слове Конана передернуло: он усмотрел в нем намек на свое изначальное предположение. Но Фридугис выглядел совершенно невинно.

«Нет, — решил в конце концов Конан, — он все же действительно путешествует один. Он ведь бритунец. Это уроженец Султанапура мог бы сказать — я еду один, — хотя на самом деле он едет не один, а с целым гаремом. Для такового женщина не является спутником и вообще кем-то, кого следует учитывать. Человек Заката непременно сразу сказал бы, что путешествует вдвоем...»

— Если ты не возражаешь, — сказал Конан вслух, когда все посетившие его мысли пришли в упорядоченное состояние, — я бы присоединился к тебе на некоторое время. Видишь ли, мы с тобой оба по горло завязли в этой Вендии, и выбраться отсюда будет делом весьма нелегким. Мое путешествие не было таким же поучительным, как твое, хотя не могу похвастать тем, что оно было более удобным или полезным.

— В каком смысле? — заинтересовался Фридугис.

Конан поморщился.

— В том смысле, что мне не заплатили за последнюю работу, а здешние жители, каналы, ни за что не захотят расстаться ни с единой монетой, не говоря уж о таких великих ценностях, как хлеб и питье, коль скоро речь заходит о чужестранцах. Словом, ненавижу Вендию! Мечтаю вырваться из ее душных объятий.

Фридугис немного поразмыслил над услышанным и наконец кивнул:

— Ты прав, Конан. Вендия — не лучшее место для тех, кто родился в нормальном месте. Ума не приложу, как мы расстанемся с нею.

— Просто пойдем отсюда вместе, — сказал Конан. — Я что-нибудь придумаю. Но мне хотелось бы иметь рядом с собой верного товарища, по крайней мере, на первое время.

— Согласен! — подхватил Фридугис. — Где ты остановился на ночлег?

Конан показал ему небольшую рощицу за пределами Рамбхи. Деревья росли там достаточно густо, чтобы давать тень днем и защищать от дождя, если таковой пойдет ночью. Ни слова не сказав в осуждение подобной «гостиницы», Фридугис привел в рощу свою флегматичную лошадь Радегунду и показал ей пару симпатичных полянок, где росла сочная трава. Радегунда с энтузиазмом взялась за дело. Она единственная из всех троих выглядела довольной.

Фридугис завалился спать, когда солнце еще не село. Конан бодрствовал некоторое время. Киммериец рассматривал своего нового спутника и раздумывал над всем, что услышал от него. Снова и снова перебирал он в мыслях повествование Фридугиса.

Нет, бритунец не лгал. Он действительно пустился в путь из родной страны и не взял с собой никого, даже слугу. Не подлежит сомнению и то, что большую часть дороги Фридугис проделал в одиночестве. Разные приключения, которых он коснулся в беседе с Конаном, также имели место быть. Любопытно, что Фридугис даже не хвастал своими удачами и ловкостью, хотя кое в чем он превзошел даже бывалого бродягу киммерийца. Бритунец не то не подозревал о том, как ему повезло и как ловко он выкрутился из трудной ситуации, не то попросту не считал свою находчивость чем-то из ряда вон выходящим.

Как будто так и надо: странствовать в одиночку, обводить вокруг пальца матерых разбойников с озера Вилайет, наниматься гадальщиком к старухам-сумасбродкам... М-да, презабавный тип.

Но что же ему, в таком случае, потребовалось в Вендии? Ведь что бы там ни наплел о себе Фридугис, у него вид человека, который в точности знает, чего добивается. Он не просто бродит по свету в поисках знаний или новых впечатлений. Не развеяться, не сразиться со скукой выехал он. Нет, у него имеется некая совершенно конкретная цель. Слишком уж уверенно

держится бритунец, слишком мало заботится о неудачах, трудностях и опасностях пути. Такое возможно лишь в одном случае: когда человек твердо убежден в правоте того, что делает.

Так вот, об этой-то своей истинной цели Фридугис и умолчал, хотя производил он впечатление человека весьма общительного, непринужденного и даже болтливого.

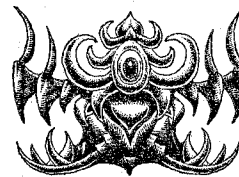
Конан мрачно хмурился, рассматривая беспечную физиономию спящего Фридугиса. «Какой же секрет ты утаил от меня? — думал киммериец. — Какая же тайна оказалась достаточно важной, чтобы ты предпринял столь долгое и опасное путешествие? И почему ты не решился открыть ее мне, единственному человеку на множество полетов стрелы кругом, способному помочь тебе? Глупый бритунец! Когда ты погибнешь от собственной предусмотрительности, не вздумай обвинять в этом меня, ибо уж я-то точно мог бы тебе помочь!»

Словно услышав эти мысли киммерийца, Фридугис вдруг всхрапнул и произнес вслух два слова.

Услышав эти слова, Конан напрягся, как старый боевой конь, до которого наконец-то донесся долгожданный зов боевой трубы.

Спящий бритунец сказал:

— Глаз Кали.

Глава третья

Похищенный алмаз

Нелюбовь — нелюбовью, а о Вендии Конан кое-что знал. Иначе ему бы просто было не выжить в этой стране. И в частности многие познания Конана касательно Вендии касались двух вещей. Первая — дурманящие вещества, которые дарили иллюзорную усладу и иногда выполняли роль отравы в заговорах и дворцовых переворотах. Этот опасный товар Конану доводилось и перевозить, и отыскивать в багаже контрабандистов, и даже определять его наличие в том яде, который убил какого-нибудь влиятельного вельможу или знаменитую куртизанку. Вторая же вещь касательно Вендии, которую Конан худо-бедно знал, представляла собой наиболее распространенные легенды о местных божествах.

Здесь, в Вендии, невозможно было и шагу ступить, чтобы не споткнуться о какую-нибудь статую или памятную стелу. В глухих джунглях, где, казалось бы, никогда не ступала нога человека,

внезапно обнаруживался кусок обрушившейся древней стены, а на нем — недурно сохранившиеся остатки барельефа или надпись, сделанная на забытом языке.

Что до крохотных святилищ — иногда это был просто камень, на который время от времени возлагали цветы, — то им в Вендии не было числа.

Кали была великой богиней. Кое-что в ее культе вызывало у Конана даже нечто вроде почтения. В глубине души он считал ее вендийским — то есть несколько разжиженным — аналогом киммерийского бога Крома. Кали была весьма свирепа, она не ведала снисхождения. Люди поклонялись ей не из любви, а из страха.

В этом, кстати, заключалось отличие Кали от Крома: Кром вообще не требовал поклонения, ибо, дав новорожденному мальчику душу воина, Кром перестал интересоваться дальнейшей его судьбой. По мнению Крома, он сделал для юноши больше, чем достаточно. И уж как будущий воин распорядится своей жизнью, своим мечом и своей душой — его личное дело. По смерти воин встретит Крома лицом и лицу — тогда и состоится их главный разговор. И никакие ритуалы, жертвы, заклинания, молитвы и воздевания рук тут не помогут.

Кали же поступала более жестоко. Она требовала жертв, причем жертв кровавых. А если она была не удовлетворена людским поклонением, то насылала на род человеческий всякого

рода несчастья: мор, чуму, детскую смертность, безумие...

Ее святилища находились в глухих джунглях. Обезьяны и змеи устраивали себе там жилища. Кали это не беспокоило. Люди приходили туда раз в году с подношениями. На талии у Кали висит ожерелье из младенческих черепов, драгоценные камни она попирает ногами, в руках у нее окровавленные ножи.

У нее три глаза: двумя она следит за миром людей, а один смотрит в преисподнюю. При создании статуй эти глаза обычно имитируются драгоценными камнями. Не простыми, каких Конан перевидал множество, но какими-нибудь особенными: исключительной чистоты, красоты и величины.

«Глаз Кали!» Бритунец выдал себя. Стало быть, вот какова цель его путешествия! Вот зачем его понесло в такую даль! Но что он знает о глазе Кали? И какая из многочисленных здешних Кали имеется в виду?

Конан размышлял над этим довольно долго. Со стороны могло показаться, что варвар впал в каталепсию. Он уселся на землю, скрестив ноги, как часто делают люди, привыкшие жить без мебели, в шатрах, а то и под открытым небом, и, выпрямив спину, замер. Бронзовое от загара лицо киммерийца было совершенно неподвижным. Глаза застыли и казались сделанными из стекла, губы не шевелились, только ноздри чуть трепетали, втягивая душный воздух.

Глаз Кали! Теперь дело за малым. Нужно лишь идти вслед за бритунцем. И когда он отыщет то, что искал, забрать у него камень. Или, если этот Фридугис покажет себя добрым товарищем и сговорчивым малым, разделить добычу пополам. Конан вовсе не был таким уж кровавым чудовищем и предпочел бы не убивать вновь обретенного приятеля. В конце концов, половина такой грандиозной драгоценности, которой, несомненно, является глаз Кали, — это большое состояние. Конану хватит на полгода безбедного существования, а бритунцу, воплощению умеренности и аккуратности, — лет на двадцать счастливой и полноценной жизни.

Фридугис опять повернулся. Кошель, висевший у него на поясе, вдруг выпал и лежал рядом со своим владельцем, крепясь к поясу лишь одним-единственным ремешком.

Все воровские инстинкты разом вскипели в Конане. В ярко-синих глазах киммерийца вспыхнул поистине дьявольский свет. Разве так можно — выставлять напоказ все свои деньги? Конан колебался недолго. В конце концов, он не собирался обворовывать своего возможного спутника. Но проверить — что там у него в кошельке — Конан был просто обязан. Хотя бы в целях безопасности. Вдруг это — никакой не безобидный путешественник-чужак, а, к примеру, глава бритунских стражников? Конан сейчас не мог бы сходу назвать преступление, за которое его могли бы преследовать аж из самой Бритунии. Но,

если как следует покопаться в бурной биографии варвара, наверняка что-нибудь да сыщется.

Лучше не рисковать, не так ли?

И Конан осторожно-запустил пальцы в кошель. И замер...

Он нащупал нечто, от чего мороз пробежал по его жилам, а кровь застыла, и душный жаркий воздух вендийского вечера вдруг наполнился живительной прохладой.

Ибо Конан в кошельке спящего бритунца нащупал огромный драгоценный камень. Конан почти не сомневался в том, что представляет собой его добыча. Подцепив его двумя пальцами, Конан извлек камень наружу.

Последние лучи заходящего солнца мазнули по камню, лежащему посреди большой загрубевшей ладони киммерийца, и тысячи граней алмаза заиграли всеми цветами радуги. Отблеск плясал на лице Конана, радужки разбегались по траве, рука киммерийца вся была залита разноцветным сиянием. Такого Конан действительно не видел никогда в жизни. Этому алмазу не было цены.

— Глаз Кали, — прошептал Конан еле слышно.

И камень, словно бы услышав, как благоговейно к нему обращается человек, вспыхнул с новой силой. Еще ярче сделались отблески драгоценных граней, еще быстрее запрыгали искры в глазах Конана. Он зажмурился, спасаясь от нестерпимого сияния, а когда вновь поднял веки, камень уже погас.

Солнце зашло за горизонт, в роще стало очень темно. Ночь наступала в Вендии без всякого перехода. Никаких сумерек, никакого балансирования на грани света и тьмы. Только что весь мир был залит призрачным розоватым сиянием — и вот уже настала непроглядная темень. Нужно подождать, чтобы звезды пришли в себя — равно как и люди, которые, сколько ни жили в Вендии, так и не научились мгновенно переходить от света к темноте. И лишь спустя несколько минут после внезапного, точно обрубленного мечом, окончания заката на черном бархатном небе проступают ночные светила.

Чуть позже появится луна, яркий серебряный спутник всех, кто крадется в ночи, — людей и диких зверей.

Конан сомкнул пальцы над алмазом. Некоторое время он рассматривал спящего. Стоит ли разбудить бритунца и предложить ему поделить добычу? Или просто стащить камень и дать деру? И то и другое было бы в порядке вещей.

В конце концов алчность взяла верх. Разве Конан не был вором? В этом занятии он не видел ничего для себя постыдного. Он легко приобретал богатства и легко с ними расставался. Если его просили помочь — редко отказывал. Если его самого обворовывали — аплодировал удачливому воришке. Он играл по правилам и никогда не совершал подлостей, а в этом, как считал киммериец, и заключался залог его честности.

И, если уж на то пошло, разве сам бритунец не украл этот камень?

Он же сам проболтался во сне: «Глаз Кали». Этот камень принадлежал богине Кали, ее святилищу и жрецам, которые за этим святилищем ухаживали. Следовательно...

Конан решительно оборвал свои рассуждения, сочтя их слишком долгими. Если уж действовать, то без промедления.

И, сунув камень в собственный кошель, Конан скользнул в ночную тьму.

Бритунец так и не проснулся.

* * *

Конан быстро шагал по джунглям. В темноте варвар видел почти так же хорошо, как и днем. К тому же вскоре после наступления ночи на небе появилась луна в последней четверти перед полнолунием. Она заливала джунгли ярким серебряным светом, и в ее таинственных лучах Конану отлично виден был каждый лист, каждая ветка, каждая лиана.

Ориентируясь по звездам, он избрал направление на закат. Теперь, когда алмаз был у Конана, он не видел дальнейшего смысла своего пребывания в Вендии. Пора было перебираться поближе к цивилизованному миру. Алмаз легко продать в том же Шадизаре. И хоть за него никто не даст истинной цены, того, что можно выручить за подобный камень в Шадизаре, будет

довольно, чтобы забыть о неудачном посещении Вендии.

Постепенно свет изменялся; появились первые предвестники скорого рассвета. Неожиданно — как будто некто подал им сигнал — разом запели птицы. Конан усмехнулся. Человек все-таки существо дневное. Даже вор.

Он прошел еще несколько шагов и вдруг провалился в глубокую яму.

Это произошло так внезапно, что Конан не успел даже прогневаться на собственную неосмотрительность. Гнев пришел потом, когда он огляделся и обнаружил, что действительно угодил в ловушку, из которой не просто выбраться.

Яма имела явно рукотворное происхождение. Какие-то неведомые охотники выкопали ее в лесу и чуть присыпали листьями поверх тонкой сетки из лиан, чтобы крупный зверь не заметил подвоха и ступил прямо в ловушку.

«Крупный зверь» скрипнул зубами. Отвесные стены высотой в два человеческих роста делали очень затруднительным, если невозможным, любое восхождение наверх. К счастью, на дне ямы не было кольев. Должно быть, зверя хотели захватить живьем.

Прирожденный скалолаз, выросший среди отвесных скал Киммерии, Конан несколько раз пробовал вскарабкаться по гладкой стене, но постоянно срывался и падал. Он не обращал внимания на боль, получаемую при этих падениях; его бесили собственная глупость и бессилие.

Наконец киммериец принял здоровое решение. «Если эти охотники действительно желают заполучить свою добычу, то они наверняка придут проверить свою ловушку, если не сегодня, так завтра — точно, — подумал Конан. — Стало быть, и беспокоиться мне не о чем. Нужно поспать, набраться сил. А завтра потолкую с этими звероловами. Для их же блага будет лучше, если они не окажутся людоедами, потому что... — Он скромно посмотрел на свои могучие руки. — Полагаю, я сумею постоять за себя».

И с этим варвар преспокойно растянулся на дне ямы и погрузился в безмятежный сон.

Этот сон был бесцеремонно нарушен. Ближе к полудню, когда солнце пробралось на дно ямы-ловушки, в голову Конана неожиданно полетели листья, комки грязи и скорлупа от орехов. Обстрел был настолько интенсивным, что киммериец даже подскочил. Он задрал голову, чтобы посмотреть на происходящее, и увидел, что сделался объектом пристального внимания огромной обезьяньей стаи.

Целая компания молодых обезьян радовалась неожиданно подвернувшейся потехе. Громко вереща и показывая голые красные зады, эти искаженные подобию человека скакали по деревьям вокруг ямы, размахивали длинными лохматыми руками и, с невероятной ловкостью цепляясь за ветки и лианы ногами и хвостом, с исключительной ловкостью метали свои снаряды в голову Конана.

Он едва успевал закрываться или уворачиваться; но, сидя на дне ямы, он не имел достаточного пространства для маневра. Киммериец скрежетал зубами от ярости. Этого еще не хватало! Он, один из величайших воинов Хайборийского мира (если не самый великий!), сидит в дурацкой яме посреди вендийских джунглей и служит игрушкой для развлечения обезьяньей стаи!

Рассвирепев, Конана зарычал не хуже тигра, и начал хватать комки грязи и скорлупу и метать их обратно в своих мучителей.

Восторгу обезьянок не было предела. Они приняли новую игру с еще большим энтузиазмом, чем первую. Правда, когда Конану удавалось попасть в какую-нибудь из них, раздавался громкий обиженный вопль, похожий на детский плач. Обезьянка как будто верещала: «Мы так не договаривались! Ты сделал мне больно!» — и удирала, задрав хвост и стремительно перебирая руками.

Но прочие продолжали скакать вокруг и верещать. Наконец одна из обезьян сделала неловкое движение и упала в яму. Конан тотчас схватил ее за горло и поднял над головой.

— Видали? — заорал он с торжеством, так, словно другие обезьянки могли его понять. — Если вы не оставите меня в покое, я убью вашего приятеля и съем его в сыром виде!

Пойманная обезьяна пыталась вырваться, а потом вдруг смирилась со своей участью и только жалобно скулила. Конан ослабил хватку. Он

вовсе не намеревался убивать животное. К зверям он относился порой гораздо лучше, чем к людям.

«В конце концов, — сказал себе Конан, — еще неизвестно, как бы я повел себя, будь я обезьяной».

Зверьки, едва только их товарищ очутился на свободе, с визгом разбежались. Наполовину придушенная Конаном обезьяна еще некоторое время сидела на краю ямы, но затем, придя наконец в себя, ушла и она.

Конан остался в одиночестве.

Время тянулось медленно. Солнце, проникая сквозь густую листву деревьев, падало на дно ямы, и жаркие его лучи кусали кожу человека. Скрыться было некуда, оставалось только ждать. Конана начала мучить жажда.

Он еще раз обошел свое нежеланное пристанище. Наконец он обнаружил то, что искал все это время. Пока обезьяны забрасывали его разным мусором, они накидали к нему много всяких ценных вещей. И в том числе — обрывки лианы, из которых можно было сделать веревку.

Конан принялся за дело. Он еще не слишком хорошо понимал, как выберется, но веревка для любого узника — начало спасения.

Не обращая внимания на голод и жажду, на палящее солнце и удушливую жару, киммериец трудился над своей веревкой. Ближе к вечеру она была готова. Он начал выбрасывать ее из ямы, метя в заранее облюбованный пенек.

Собственно, это было небольшое деревце, сломанное ближе к корню. Если изловчиться и сделать петлю пошире, то, возможно, удастся накинуть веревку на эту слабую опору.

Конан упражнялся в метании петли довольно долгое время, прежде чем ему повезло. Он осторожно натянул веревку и полез из ямы наружу.

Наконец-то! Конан перевалился через край и некоторое время лежал на земле, глядя в небо. Крохотный клочок залитых закатным светом небес проглядывал между листьями. Конан дышал полной грудью.

Затем он поднялся на ноги и вновь зашагал по джунглям.

Наступала ночь — вторая ночь; считая с той, что Конан обокрал спящего Фридугиса. Следовало торопиться. Киммерийца и без того слишком задержала эта глупая история с ловушкой.

Ночные джунгли кишели хищниками, выбравшимися на охоту. Конана окружали таинственные шорохи. Несколько раз он видел, как сверкают в темноте желтые глаза: леопард крался на мягких лапах, высматривая себе добычу на эту ночь. До чуткого слуха варвара доносилось еле слышное мяуканье: должно быть, где-то неподалеку прячутся детеныши леопарда. Опасно, подумал варвар. Если на охоту вышла мать, которой требуется во что бы то ни стало накормить своих детей, она не остановится ни перед чем. Даже перед человеком: Леопард, несомненно, знает, как опасно бывает нападать на человека, и прибегает

к этому средству лишь в крайнем случае. Но — кто знает? — быть может, самка леопарда как раз и полагает, что настал этот самый крайний случай.

Конан любил хищных зверей. Его восхищали огромные кошки со сверкающими пятнистыми шкурами. И уж тем более ему не хотелось бы убивать самку леопарда — ведь тогда погибнут и детеныши.

Но превращаться в корм для них Конан не намеревался. Как бы хорошо он ни относился к зверям, собой киммериец дорожил несравненно больше. Поэтому он вытащил из ножен меч и приготовился отражать возможную атаку.

Однако зверь, который напал на него, не был самкой леопарда. Это было огромное животное, похожее на гиену, но размером с тигра. В отличие от прочих гиен, оно охотилось в одиночку, а не стайей. У него были огромные челюсти и гигантские, как плашки, горящие глаза.

Конан почувствовал, как волосы на его загривке поднимаются дыбом. Все его варварские инстинкты вопили о приближающейся опасности.

Он прислушался: в лесу вдруг стало тихо. Мяуканье котят перестало доноситься из логова леопарда. Самка леопарда скрылась; ее бесшумной поступи больше не было слышно — а прежде Конан не то улавливал едва заметное шевеление травы и затаенное дыхание дикого голодного зверя. Даже ночные цикады — и те умолкли.

Приближался некто грозный, кого боялись все.

Этот не боялся издавать звуки. Он ломил через джунгли как хозяин. Ветки трещали под его поступью. Приглушенное рычание вырывалось из его глотки. Конан чувствовал запах, от него исходящий, — запах падали.

Гиена, только очень большая и охотящаяся в одиночку, без стаи.

Конан поднял меч и приготовился защищаться.

Таких животных он прежде никогда не видел. Монстр, вылетевший на него из чащи, был поистине огромен — больше крупного тигра. Челюсти его были распахнуты, лунный свет играл на шкуре: гладкая, ярко-желтого цвета, с длинным лохматым гребнем вдоль всего хребта. Хвост чудища, голый и вытянутый, как палка, дергался в экстазе: монстр предвкушал добычу.

Зверь прыгнул. Конан едва успел отскочить в сторону, таким стремительным оказался этот бросок. Даже удивительно — киммериец не ожидал от ночного противника подобной прыти, особенно если учитывать гигантские размеры его тела.

Озлобленно рыча, зверь повернулся к пустому сопернику. Теперь хвост сильно бил по земле, поднимая какую-то удивительно едкую пыль.

Должно быть, в опавших листьях веками копились споры какого-то болезнетворного грибка. Конан внезапно начал чихать. Глаза его залило

обильными слезами, он едва мог различать чудовище перед собой.

Превозмогая неожиданную коварную болезнь, варвар все же нашел в себе силы обороняться. Зверь припал к земле и испустил долгое глухое рычание. Его огромные когтистые лапы взрывали листву, оставляя глубокие борозды во влажной мягкой почве.

Прижавшись к земле грудью, зверь рассматривал Конана холодными злыми глазами. Он искал слабое место своей будущей добычи. И совершил новый прыжок.

Конану удалось отклониться в сторону, но на сей раз зверь было осмотрительнее: еще в воздухе он растопырил лапы, так что, падая на землю, он все же успел задеть быстрого человека и повалить его вместе с собой. Конан ощутил резкую боль в плече: коготь вспорол кожу. Зловонная пасть надвинулась на киммерийца. В ярком лунном свете Конану хорошо виден был каждый зуб в чудовищной челюсти.

Но страшнее всего были, пожалуй, не зубы и не когти монстра, а его глаза. В них светился холодный, почти человеческий разум. Вполне осознанная ненависть горела в его взоре, когда он смотрел на человека, которого готовился убить.

Должно быть, множество людей погибло этим жутким образом, в челюстях монстра. И все они перед смертью встречались с его осмысленным взглядом и пугались еще больше. Страх был тем чувством, с которым они уходили из жизни.

Конан ощутил, как в нем вскипает ненависть. Киммериец — вовсе не то, что изнеженный вендиец с древней, многократно разбавленной кровью в жилах. Нет, кровь Конана — это молодое вино, легко ударяющее в голову! Конан был таким же диким и свирепым, как этот огромный зверь, обитающий в глуши вендийских джунглей.

В горле варвара зародилось рычание. Он чуть повернулся, не противясь тяжелой лапе, что придавила его к земле, и направил острие меча так, чтобы оно смотрело прямо зверю в грудь. А затем резко дернулся в сторону.

Зверь рванулся за добычей и лязгнул зубами в воздухе... И в этот миг сам напоролся на острие меча. Испустив громкий торжествующий вопль, Конан выдернул меч из раны зверя и вскочил на ноги. Сталь победно засверкала у киммерийца над головой.

Монстр припал к земле, рыча и готовясь совершить новый прыжок. Казалось, рана в груди совершенно его не беспокоит, но кровь вытекала оттуда широкой темной струей и пятнала листья. Сквозь непрерывное чихание и слезы Конан видел, что противник его серьезно ранен, и это наполняло сердце варвара ликованием.

Наконец-то он нашел достойного врага! Конан вдруг понял, что стосковался по настоящей битве — по такой битве, в которой ему грозила бы серьезная опасность. Это ощущение будоражило его, заставляло чувствовать себя живым.

Многочисленные схватки с трусоватыми разбойниками или слабосильными уличными грабителями не шли ни в какое сравнение с этим поединком.

Схлестнулись два мощных дикаря в глухой чаще вендийских джунглей, посреди ночи, полной шорохов и таинственных звуков.

Конан был почти благодарен монстру за то, что тот вылез из своей берлоги и отправился на охоту, избрав своей добычей на сей раз человека.

Второй прыжок зверя стоил ему жизни. Казалось, чудище понимает это, но не может не атаковать. Возможно, у этого животного существует собственное представление о чести. Конан встретил своего врага мощным ударом меча, перерубившим одну из когтистых лап.

Раздался оглушительный вой, от которого содрогнулись джунгли, и Конан подхватил этот клич собственным воплем. Зверь катался по земле. Из обрубка лапы хлестала во все стороны кровь. Конан подскочил к нему и третьим ударом перерубил ему горло. Голова чудища откатилась в сторону, раз лязгнула челюстями и затихла. Желтый свет в глазах погас навсегда.

И тут Конан почувствовал, что вся его кожа горит, точно в огне. Он огляделся: весь он пошел пузырями, как будто и впрямь обварился кипятком или обжегся, упав в середину костра.

Он посмотрел на убитого им зверя. Язык, высунутый между зубами, почернел. Там, где на траву и опавшие листья попали капли звериной

крови, уже дымились крохотные огоньки. Как будто из каждой кровавой капли зародился собственный небольшой костер.

Скоро удушливым дымом затянуло всю поляну, где происходила схватка. Огонь разрастался и начал потрескивать.

Этого только не хватало! В джунглях пожар! Если огонь разгорится, спасения не будет никому. Не хватало еще сгинуть здесь бесследно только потому, что какому-то глупому монстру вздумалось перекусить киммерийцем.

Конан бросился к огонькам и принялся яростно их затаптывать. Но чем больше он бил по ним ногами, тем ярче они разгорались.

Конан плевал в них, забрасывал землей, даже пробовал молотить по ним тушей убитого зверя. Все было бесполезно. И кожа киммерийца горела все сильнее.

Наконец он сдался.

Следовало отыскать какой-нибудь ручей или озеро, причем как можно быстрее. Если забраться с головой в воду, то остается вероятность пережить натиск пламени.

Конан побежал сквозь джунгли. Он больше не думал о самке леопарда, которая наверняка охотится неподалеку. Почему-то Конан не сомневался в том, что она не станет есть убитого им монстра и уж тем более не потащит его мясо детенышам. Ей потребуется другая добыча.

Но киммериец ею не станет.

Кожа у него горела все сильнее.

Он отбежал на сотню шагов и остановился, чтобы посмотреть, что происходит на поляне, где он оставил труп.

Киммериец обернулся, ожидая, что увидит разгорающееся пламя. Зловещий багровый свет, ползающий между стволами деревьев и лижущий их корни... Начало гигантского пожара, который пожрет большую часть джунглей...

Но ничего подобного он не увидел. Там, откуда он бежал, не было вообще ничего. Ни света, ни дыма. Как будто ничто там не горело.

Конан вспомнил, как пламя ни за что не хотело гаснуть, хотя его затаптывали и забрасывали землей. И киммериец наконец понял: иллюзия. Последнее оружие чудовищного зверя — иллюзорный огонь. Если бы киммериец задержался на поляне подольше в своих тщетных попытках затушить несуществующий пожар, пламя выжгло бы его изнутри, и он бы попросту умер рядом с трупом убитого им чудовища.

Однако волдыри на теле Конана иллюзорными не были. Он действительно обжегся. И неизвестно еще, не вспыхнет ли колдовской огонь у него внутри, когда пройдет достаточное количество времени. Следовало избавиться от наваждения как можно скорее. Конан вновь побежал сквозь джунгли. В любом случае ему необходимо найти воду. Он умирал от жажды. После битвы со зверем горло у него пересохло, и Конан едва держался на ногах.

Глава четвертая

Монстр в джунглях

Рогда впереди блеснула полоска воды, Конан понял, что наступил рассвет: вода была залита ярко-розовым светом. И опять оглушительно запели птицы, все разом. Конан с размаху бросился в воду и долго с наслаждением плескался там, разбрызгивая золотисто-розовые капли. Он то погружался с головой и пил восхитительную прохладную воду, то выныривал на поверхность и любовался розовыми небесами. Рассвет плескался в воздухе — казалось, его можно было поймать рукой и сжать в пальцах.

Прохладная вода принесла облегчение обожженной коже варвара. Когда он выбрался на берег и устроился там, чтобы передохнуть, он еще раз внимательно осмотрел себя. Волдыри никуда не исчезли. Пятна ожогов — тоже. Боль, отпустившая было, пока Конан сидел в воде, начала доминировать над ним с новой силой.

Киммериец решил не обращать на нее внимания. Рано или поздно ожоги заживут, и боль

пройдет сама собой. Разумеется, если сыщется какое-нибудь средство против случившейся с Конаном неприятности, он не станет пренебрегать этим; но пока средство не найдено — нечего и думать о том, что у него, к примеру, здоровенный ожог на ляжке или что болит вздувшийся пузырь на спине.

Конан вытащил из кошель алмаз и поднял его перед глазами, держа двумя пальцами. Волшебный свет восходящего солнца заиграл на чудесных гранях, отбрасывая мириады искр. «Вот что извиняет все мои дурацкие похождения, — думал киммериец, любуясь камнем. — Вот мое главное утешение! Ради этой побрякушки я готов перенести и не такие испытания. Она принесет мне богатство и удачу, а какой-нибудь бездельник в Шадизаре, у которого денег неслыханно, заполучит в свои цепкие лапы счастье любоваться этой штукой в любой момент. Повесит ее на смуглую красавицу или вденет в собственную корону...»

Или преподнесет какому-нибудь божеству.

Впрочем, Конану мало дела было до того, как поступит с драгоценностью шадизарский богачей. Пока длится путешествие, Конан имеет возможность наслаждаться игрой прекрасного камня; после его ждет иное наслаждение — счастье обладания деньгами. Очень большими деньгами.

Предаваясь мечтам, киммериец заснул. Вероятно, он проспал несколько часов, потому что когда он открыл глаза, был уже полдень.

Праздник рассвета закончился, начались будни обычного дня в джунглях. Лес жил полной жизнью, самые разнообразные существа — его обитатели — охотились, искали на деревьях плоды, ссорились, совокуплялись, заботились о детенышах, враждовали из-за охотничьей территории.

Конан с трудом встал на ноги и побрел дальше. За время его сна ожоги как будто разрослись и стали донимать его еще сильнее. Ему трудно было переставлять ноги. Хотелось упасть на четвереньки. Почему-то казалось, что таким способом передвигаться будет легче.

Вот еще не хватало! Конан был достаточно горд для того, чтобы не прибегать к подобному образу хождения. Пока он еще в силах, он будет идти, гордо выпрямив спину.

Но какая-то злая сила продолжала упорно гнуть его к земле. Каждый новый шаг давался Конану все с большим трудом. Тем не менее киммериец продержался еще больше часа.

Неожиданно впереди между стволами деревьев показался просвет. Конан остановился, не веря собственным глазам. Он вышел к человеческому жилью! Здесь имелась какая-то деревня.

Конан явственно различал хижины, круглые, сплетенные из травы и накрытые соломенными крышами. Ноздри его раздувались, улавливая запах огня и готовящейся на огне пищи. До его слуха начали доноситься и голоса. Звонкие голоса детей, более приглушенные и тихие — голоса

женщин. Мужчин в селении не было. Должно быть, ушли на охоту или рыбалку.

«Добыча», — подумал Конан и облизнулся.

И тотчас одернул сам себя. Что с ним происходит? Почему он подумал о людях, живущих в этой деревне, как о добыче? Не превратился же он в людоеда? Хотя в этих ядовитых вендийских джунглях с человеком может произойти все что угодно. Самые невероятные мысли являются без спроса и поселяются в голове.

Конан заметил мальчика, бегущего в его сторону. Это был худенький смуглый ребенок в набедренной повязке. Клочок ткани прикрывал его голову от солнечных лучей. Больше на нем ничего не было. Очень темная кожа блестела от пота, огромные глаза с голубоватыми белками были широко раскрыты, зубы блестели — ребенок смеялся. Он бежал за тряпичным мячиком, который улетел в сторону леса.

Конан видел и игрушку. Но он не мог отвести глаз от мальчика. В мыслях почему-то варвар представлял себе сладкий хруст, который издадут эти тонкие кости на его зубах...

Странно. В самом деле странно.

Конан опустился на четвереньки и услышал приглушенное рычание, в котором звучало торжество и предвкушение трапезы.

Ребенок остановился. Улыбка застыла на его губах. Он повел глазами из стороны в сторону и вдруг, оглушительно завизжав, бросился бежать обратно к домам.

А Конан, не вставая на ноги, как был на четвереньках, устремился в другую сторону.

Теперь он очень хорошо видел. Гораздо лучше, чем прежде, хотя и раньше он не мог пожаловаться на зрение. И очень хорошо чуял все происходящее. Не так, как чуял в былые времена. Запахи рассказывали ему гораздо больше, нежели когда-то. Он чувствовал чужой страх — кисловатый запах пота, проступающий на человеческом теле, говорил ему об этом. Он чувствовал все — вплоть до того, чья плоть будет вкуснее. К примеру, одна из женщин в деревне недавно ела чеснок, а Конану очень не хотелось бы мяса, пахнувшего чесноком. Зато другая обожала перец. Чудесный душистый сладкий перец. У нее изумительная плоть. Конан облизнулся, предвкушая, как вонзит в нее зубы.

Он остановился, сел и поднес к глазам руку. Что-то с ним происходило неправильное. Впрочем, рука была замечательная. Огромная, лохматая, покрытая чудесной желтой шерстью. С надлежащими когтями. Конан почесался задней лапой за ухом, стукнул хвостом по земле. Зуд в коже прошел. Ему было хорошо. Он встал на лапы и побежал дальше. Джунгли лежали перед ним и манили его тысячами запахов.

Странно выглядел этот зверь в обрывках человеческой одежды на шкуре, туго перепоясанный кожаным поясом, на котором болтался кошелек с бриллиантом, и в ножнах, где еще сохранялся большой прямой меч.

* * *

К ночи Конан успел убить и съесть косулю. Он был сыт и страшно доволен — доволен всем: собой, своей жизнью, развитием событий. Еще бы! Весь мир лежал перед ним, все джунгли, и он мог охотиться, где пожелает. Даже тигр уступит ему свою охотничью территорию, если он явится туда и потребует своего. Даже тигр! Что же говорить о других хищниках, менее крупных и куда менее опасных...

Впрочем, самку леопарда Конан не обидит. В глубине своей памяти он хранил воспоминание о том, как трогательно мяукали в ночи маленькие котята. Пусть растут. Пусть вырастут во вкрадчивых хищников, движущихся сквозь ночь на мягких лапах. Пусть в джунглях появится новая ласковая смерть с чудесной пятнистой шкуркой и вспыхивающими во тьме глазами.

Конан ласково зарычал, думая о них.

Ему хотелось самку. Но он знал, что нигде поблизости нет самки его вида. Может быть, и во всем мире не сыщется таковой. Он не знал. Может быть, он один на всем свете.

Что ж, тогда ему остается только одно: сеять смерть. Убивая, он получал удовольствие. Возможно, несопоставимое с наслаждением, которое дарит самцу соитие с самкой и продолжение рода, но все же лучше уж такое, чем никакого. Он жрал, чтобы жить, и убивал, чтобы испытывать радость.

Насытившийся, довольный, Конан растянулся на листьях и заснул. Во сне он видел человека, которого встречал прежде. И даже, кажется, хотел зарезать. Да, он хотел уничтожить этого человека, но что-то остановило Конана. Вероятно, ему подвернулась добыча получше. Он вспомнил об этом во сне и даже засмеялся. Камень. Вот о чем он думал тогда. Драгоценный камень. Бесполезная безделушка, которая до сих пор болтается у него в кошельке.

Странно устроены люди. Для чего им вещь, которую нельзя съесть? Вещь, не нужная при устройстве логова? Впрочем, подумалось Конану в том же сне, этот предмет имеет какое-то значение для самки и, следовательно, может представлять ценность для самца, который желает обзавестись подругой. Но кому нужна самка, если у нее столь нелепые желания? И Конан расхохотался.

Он проснулся от собственного хохота — точнее, от громового рева. Лес содрогался, слыша этот жуткий звук, исторгаемый могучей глоткой монстра.

Конан встал, потянулся... и вдруг зарычал от злобы и обиды. Кто-то подкрался к нему, пока он спал, и выпустил в него стрелу. «Проклятье! — думал Конан, катаясь по земле и вслепую молотя лапами воздух. — Кто же это сделал? Как ему удалось? Проклятье, проклятье! Если я сумею встать на ноги, я разорву его на клочки! О, пусть только покажется, презренный трус,

который прячется в кустах с луком, — и он увидит, на кого посмел поднять свою жалкую, мерзкую, толую руку!»

Вслед за первой стрелой вылетела вторая, за нею — третья, и все они угодили в цель. Они пронзили руки и ноги Конана, причем нога — точнее, задняя лапа — оказалась пригвождена к земле. Конан утробно и страшно рычал. От этого звука, казалось, гнулись деревья. Но человек, прятавшийся за кустами с луком, оставался невозмутим и никак не выдавал себя.

Наконец от боли и гнева Конан обессилел. Он упал на бок и, тяжело дыша, стал смотреть перед собой. Верхняя губа его поднималась, обнажая огромные желтоватые клыки, на которых вскипала пена, и глухой рев время от времени вырывался из горла. Но теперь это клочкотание звучало негромко и напоминало звук уходящей грозы — буря иссякла, исчерпала себя и теперь бессильно злобилась издалека.

И только тогда из укрытия выбрался человек.

Конан узнал его. В его желтых широко раскрытых глазах мелькнул последний отблеск сознания, а затем они подернулись тусклой пленкой, и Конан погрузился в сон.

* * *

Он пришел в себя и увидел над головой навес из пальмовых листьев. Это киммерийцу не

слишком понравилось. Последнее, что он помнил отчетливо, было его стояние над спящим бритунцем: тот, кажется, говорил про «глаз Кали»... Затем киммериец наклонился над Фридугисом и снял кошель с его пояса. Нашел там камень. Алмаз дивной красоты и невероятного размера. После этого Конан ушел, оставив Фридугиса на милость неприветливых жителей Рамбхи.

Что же он делает здесь, под навесом? Почему у него так болят руки? Отчего он не в состоянии пошевелиться? И, главное, кто этот человек, который сидит рядом и тянет из фляги какое-то пойло?

Конан попробовал заговорить. Голос его звучал хрипло, но все же вполне внятно.

— Кто ты? — спросил киммериец.

— Я? — Человек живо обернулся к нему. — А ты меня разве не помнишь?

— Не помню, если спрашиваю, — огрызнулся Конан.

Тот заткнул флягу пробкой, сунул ее за пояс и приблизился к варвару. Навис над ним, широко улыбаясь.

— Мое имя Фридугис. Я бритунец. Мы встретились с тобой в Рамбхе. Ты помнишь свое имя?

— Конан, — буркнул Конан. — Из Киммерии. Ты, никак, за дурака меня держишь, Фридугис из Бритунии? Гляди, я ведь не всегда буду в плену. Когда освобожусь, порву тебя в клочья.

— Это уж как тебе захочется, — неопределенно ответил Фридугис.

— Ты, наверное, хочешь пить.

— Хочу.

Фридугис поднес флягу к его губам. Конан сделал несколько жадных глотков. Дурное местное пальмовое вино, сильно разбавленное к тому же. Но для человека, умирающего от жажды, — в самый раз.

— Ну, что со мной случилось? — осведомился Конан. — И где я нахожусь? Ты ведь, кажется, осведомлен о моих делах лучше моего.

— Наконец-то разумные речи... Начну с конца. Ты находишься в Рамбхе, Конан, в моей хижине.

— Рамбха... — Конан громко застонал, как будто его мучила страшная головная боль.

— Вот именно, — подтвердил бритунец невозмутимо. — Я обосновался в этом городе. Поскольку найти съемное жилье здесь оказалось невозможно — больно уж неприветливы жители, знаешь ли, — я построил собственное. Оно, правда, находится за городской чертой, так что я, как считается, не посягнул на здешнюю земельную собственность... Они ведь ужасно пекутся о соблюдении законности, знаешь? — Бритунец хохотнул. — У каждого свои причуды. Если бы я жил посреди диких джунглей, как эти вендийцы, я бы возвел себе огромный дом с гигантским участком, окружил бы все это высоченным забором... и процветал бы там, за забором, как мне вздумается. Но им почему-то охота лепиться друг к другу. Вероятно, чтобы удобнее было

сплетничать. У тебя нашлось время заметить, что сплетни — это самое главное их занятие? Во всяком случае у мужчин, особенно у наиболее почтенных...

Конан прошептал:

— А у тебя, видимо, любимое занятие — болтать.

— Я ведь путешественник и собираю впечатления, — возразил бритунец. — Это то, чему я всегда отдавал предпочтение. Новые лица, новые обычаи, новые странные города — и, разумеется, необычные для меня способы проводить время.

— Ага, — сказал Конан. — И странные методы зарабатывать на жизнь.

— Ты имеешь в виду кражи? — Бритунец смешливо сморщил нос. — Во-первых, этим меня не удивишь. Видел, и не раз. Во-вторых, не вижу в данном методе ничего странного. Обманчиво простой — и к тому же не требует интеллектуальных затрат. В-третьих, в том, что касается кражи моего алмаза... Ты не первый, кому это удалось. И не первый, кому это принесло сплошные неудобства.

Конан поперхнулся.

— Какой алмаз? О чем ты говоришь?

Он приподнялся на локте и вперил в бритунца гневный взор.

— Ты обыскал меня, пока я был без сознания?

— Ну, ты ведь поступил так, покуда я спал, — отозвался бритунец, улыбаясь. Судя по

его виду, он совершенно не был рассержен случившимся. — Впрочем, мне и обыскивать тебя не нужно было. Я заметил пропажу алмаза и сразу пошел за тобой следом.

— Ну да, конечно, — Конан скривился. — Можно подумать, у тебя был шанс против меня. Да если бы я захотел, от тебя бы даже мокрого места не осталось!

— Хочешь сказать, что ты попросту пожалел меня и не стал убивать? — Фридугис фыркнул. — Впрочем, не буду спорить. Вероятно, ты испытывал ко мне нечто вроде жалости... Однако дело совершенно в другом. Я пошел за тобой следом потому, что ты понравился мне, киммериец. Да-да, я счел тебя человеком весьма достойным, несмотря на твой способ зарабатывать на жизнь и проводить свое время. Мне было бы жаль, если бы ты погиб глупо и бессмысленно. Еще при первой нашей встрече я счел тебя достойным лучшей жизни, нежели та, которую ты вынужден вести.

— Ты хочешь сказать, что отправился выследивать меня из жалости ко мне? — медленно проговорил Конан.

Бритунец кивнул.

— Ты попал точно в цель, любезный варвар. Именно так. Из жалости к тебе. Не к тому тебе, каким ты являешься сейчас, — добавил он туманно, — но к тому, кем ты станешь — быть может — впоследствии. Неважно. В общем, я пошел за тобой. Я видел яму-ловушку, в которую

ты попался. О, жители одной соседней деревушки были страшно разгневаны! Они собрались на краю ямы, они вопили, размахивали своими черными костлявыми руками и жутко ругались на десятках языков, из коих я два кое-как понимал. Они посылали тебе самые жгучие проклятия. Впрочем, они полагали, что ты — большая обезьяна.

— Что? — завопил Конан. Раны сразу отозвались болью в его теле, но киммериец не обратил на это внимания.

— Что-о?! Эти чертовы мартышки сочли меня большой обезьяной?

— У них забавное отношение к обезьянам: одних они едят, других считают за своих родственников и не трогают.

— Это ты тоже выяснил, путешествуя?

— Нет, — признался бритунец, — об этом я прочитал в манускрипте моего соотечественника, Бридуна Странника. Он много рассказывает любопытного, в том числе о джунглях Вендии...

— К демонам Бридуна Странника! — энергично высказался Конан. — Что было дальше?

— Словом, эти добрые охотники брали на все лады крупную обезьяну, которая испортила им ловушку. Но я сразу смекнул, что в яме побывал человек. И при том — белый человек, то есть — ты.

— Ага, — сказал Конан. — Конечно.

— Видишь ли, в этой округе белых людей всего двое, ты да я, и поскольку я стоял на краю

ямы живой, здоровый и невредимый, то, следовательно, в самой яме побывал второй белый...

— Довольно, — оборвал Конан. — Ты чудовище.

— Не больше, чем ты. Лежи смирно, процесс трансформации еще не закончился, — предупредил бритунец, поскольку Конан в ярости дернулся на своем ложе и обнаружил, что привязан.

— Как ты понял, что я попался? — смирившись на время со своей участью, спросил Конан.

— Местные знают, где у них ловушки. Кроме того, на мягкой глине остались отпечатки твоих сапог.

— Ага, — сказал Конан.

— Дальше началось самое трудное, — признал бритунец. — Я набрел на труп чудовища. Выглядел этот зверюга, скажу тебе прямо, неважно. Ты отрубил ему лапу, рассек его шкуру, вонзил меч ему в небо, словом, поработал над ним, как мясник.

— Весьма сожалею, — буркнул Конан. — Вероятно, гуманнее было бы позволить ему убить меня и слопать. Бедная зверюшка!

— Зверюшка? — Фридугис выглядел изумленным. — Ты называешь эту тварь зверюшкой? Да это же кенокефал, песьеголовый людоед! Лишь один человек, встречавшийся с ним, остался в живых и сумел воспроизвести его облик в рукописи «Все путешествия в колдовские страны, собранные Атезисом Бритунским». Весьма поучительно,

кстати. Я нарисовал труп убитого тобой монстра, чтобы вложить его в тот манускрипт о путешествии, которую намерен написать после возвращения.

— Ну, это если ты вообще вернешься домой, — заметил Конан мрачно.

— Пока что обстоятельства складывались удачно, — указал ему бритунец.

Конан фыркнул.

— Удачнее некуда! Однако говори дальше.

— Я знал об одном свойстве кенокефала. Дело в том, что убитый зверь разбрасывает вместе со своей кровью особые споры, так что убийца или тот, кто случайно оказался поблизости от раненого кенокефала, заражается ими и постепенно также превращается в подобного же зверя. Некоторое время в превращенном еще теплятся воспоминания о прошлой жизни, но если надлежащие меры не будут приняты в течение полутора — двух дней, то последствия приобретают необратимый характер. Я понятно выражаюсь?

— Вполне, — буркнул Конан. — Не надо считать меня глупцом только потому, что у меня развитая грудная клетка и сильные руки и я могу порвать тебя на куски, не прилагая особенных усилий. Если ты не забыл, некогда я возглавлял философическую школу в Кхитае.

Бритунец выразительно поднял одну бровь и промолчал.

Он молчал ровно столько, сколько понадобилось, чтобы Конан осознал: его собеседник... как

бы это выразиться?.. немного сомневается в правдивости утверждения касательно этой самой школы.

Привязанный к топчану, сделанному из куска гигантского ствола, Конан бессильно сказал:

— Я бы убил тебя, да ведь это не поможет.

— Не поможет, — согласился бритунец охотно. — Правда доказывается совершенно иными способами. Впрочем, мы говорили о странности твоих методов...

— Вот видишь! — торжествующе заявил Конан.

— Вернемся к делу, хорошо? Я хотел бы завершить мой рассказ о том, как я, благодаря моим знаниям и навыкам, отчасти почерпнутым из книг, отчасти приобретенным во время моего долгого путешествия, сумел спасти тебя и вернуть в человеческое обличье.

— О! — сказал Конан с неподражаемой интонацией.

Фридугис хмыкнул.

— Недурно, недурно. Ты очень неплохо держишься, если учесть, через какие испытания ты прошел. Итак, я разжился луком и стрелами. Их подарил мне дружественный туземец.

— Боги! Где ты отыскал в этих джунглях дружественного туземца?

— Ну, я поднес к его горлу кинжал, и он сразу сделался исключительно дружественным. Маленький, сморщенный мужчина в набедренной повязке. Охотился на белок.

— На белок?

— Этот зверек похож на белку. Точнее, очертаниями он немного напоминает белку, — добавил бритунец. — Размером он, правда, с кабана... На него-то и охотился маленький сморщенный мужчина в набедренной повязке. Он весьма охотно одолжил мне лук.

Фридугис поднял с пола короткий, сильно изогнутый лук, сделанный из гибкой ветки и укрепленный рогами оленя, и показал киммерийцу.

— Видишь? Стрелы я сделал сам. Просто остругал палочки. Главное — мне понадобился состав из листьев хура. К счастью, у меня есть свиток, где нарисованы эти листья, так что я отыскал их почти безошибочно.

— Почти? — оскалился Конан.

Фридугис признал:

— Был небольшой риск ошибиться. Я все-таки не знаток растений. Но кое-что я знаю. Если бы я ошибся, ты бы всего-навсего остался бы кенокефалом навечно. Ничего особенного. К тому же, как я подозреваю, тебе нравилось быть крупным, хищным и кровожадным.

— Я и без того весьма кровожаден, — сказал Конан.

— Недостаточно, — отмахнулся Фридугис. — Кенокефал гораздо кровожаднее. Дальнейшее тебе известно, Конан. Я подстрелил тебя, сидя в кустах. Я подобрался к тебе, пока ты спал. Храпел ты на всю округу, нисколько не заботясь о том,

что тебя могут услышать. Сразу видно — царь зверей. Но человек все-таки хитрее любого зверя, даже царственного. Вот довод в пользу того, чтобы оставаться человеком, Конан.

— Ты выпустил в меня отравленные стрелы?

— Лекарственные, — поправил Фридугис. — Да. Теперь ты видишь, как я о тебе забочусь?

— Обо мне? — Конан скривил губы. — Полагаю, ты заботаешься о своей побрякушке.

— Увы, — Фридугис развел руками, — эта побрякушка великолепнейшим образом заботится о себе сама. Без всякого, заметь, моего участия.

— Отвяжи меня, — попросил Конан. — Клянусь, я оставляю тебя в живых.

— Не могу, — сказал Фридугис.

— Почему? — оскалился киммериец. — Мало того, что ты меня ранил и притащил сюда волоком, так ты еще и держишь меня в плену! Учти, киммерийцы — народ злопамятный. Я запомню каждое унижение, которому ты меня подверг. Я проживу столько лет, сколько потребуется, чтобы отомстить тебе за все, чему ты меня подверг.

— Кстати, об унижениях, — понизив голос, сказал Фридугис. — Я не хотел бы, чтобы ты счел мои слова за издевательства, но... Ах, Конан, я даже не знаю, как подступиться к этому!

Он всплеснул руками, и киммериец не без удивления увидел, что отчаяние Фридугиса вполне искренне.

— В чем дело? — осведомился Конан грубовато.

— В том, дружище, что... Не сочти меня за негодяя... Прости. У тебя до сих пор не отвалился хвост.

— Что?!! — заорал Конан. Он рванулся так сильно, что лицо его залило темно-багровой краской, а веревки глубоко впились в тело. — Что ты сказал?

— Увы, это правда. Ты с хвостом. Я предлагаю...

— Под лед все твои предложения! — вопил Конан. — Сгори ты со своими предложениями! Пусть демоны Нергала порвут тебя, пусть дикари сожрут твои обнаженные кишки!

— Конан, — попробовал было взывать к рассудку белого человека Фридугис, — послушай меня. Я твой друг, я желаю тебе добра.

— Чтоб ты сдох! — надрывался киммериец. — Ты лжешь!

Он стукнул чем-то о лежанку. Какой-то лишней конечностью. И, сильно скосив глаза, Конан увидел длинный голый, недовольно шевелящийся хвост.

— Руби!!! — гаркнул Конан.

— Ты согласен? — обрадовался Фридугис.

— Да! — крикнул киммериец. — Руби его! И никому ни слова, понял? Можешь рассказывать о том, что Конан из Киммерии по несчастливой случайности превратился в монстра. В очень большого, очень хищного и жутко кровожадного монстра. Можешь написать и о том, как ты перехитрил монстра — в конце концов, ты ведь

человек, а я был заколдованным зверем... Хотя и внушающим ужас заколдованным зверем! — добавил Конан быстро. — Но если ты когда-нибудь проболтаешься про хвост, я... я... Я убью твоих детей! — выпалил он.

— Помилуй, Конан! — возмутился бритунец. — Я дам тебе честное слово, и этого будет довольно.

— Руби, — сквозь зубы произнес варвар и не проронил больше ни звука.

Глава пятая

Младшие сыновья в поисках счастья

то зим тому назад началась эта история. В те годы бравый Хейрик, молодой бритунский дворянин, отправился на поиски приключений в Вендию. С ним было еще трое таких же как он молодых людей, полных надежды на лучшее будущее.

Что ожидало их в Бритунии? Мало хорошего, сказать по правде. Все они происходили из древних, но обедневших родов, все четверо — младшие сыновья. Так что если и оставались какие-то богатства у их родителей, то денег этих и земель едва-едва хватало на то, чтобы обеспечить старших.

Впрочем, четверо друзей не роптали. Они прекрасно отдавали себе отчет в том, что семейное имя должны обеспечивать старшие. А на их долю выпало нечто совершенно иное: путешествия в поисках богатства. Они начнут собственную жизнь и положат начало новым фамилиям — и

знатным, поскольку ведут свое происхождение из древних семейств, и в то же время весьма и весьма состоятельным, поскольку в Вендии будут обретены несметные сокровища.

Идея принадлежала Туронису, самому младшему из четверых. Он же считался самым умным из друзей. Если Туронис и не умел читать (в те годы чтение было привилегией лишь жрецов), то, во всяком случае, он обладал редким даром находить для себя знающих собеседников.

Одним из таких собеседников стал Гафа, сын вендийской наложницы. Гафа жил в доме отца Турониса, трудился на конюшне и по большей части помалкивал. Отец Турониса не был доволен ни вендийской наложницей, ни ее потомством. Поэтому от вендийки он избавился давно, продав ее какому-то другому бритунскому землевладельцу; что до сына ее, то он был оставлен и вырос в доме — но и этот полувендиец не понравился хозяину. Он был некрасив, с грязновато-серой кожей, угрюм и к тому же проявлял нерадивость в любом деле, за которое брался.

Младший хозяйский сын от законной жены тем не менее выбрал Гафу себе в приятели и наперсники. Оно и неудивительно: к своему меньшому отпрыску отец относился с таким же равнодушием, если не сказать — с отвращением, как и к ребенку от наложницы.

Подростки подружились, и Туронис начал много времени проводить на конюшне в обществе Гафы.

Только со своим приятелем Гафа делался разговорчив. От него-то Туронис и узнал о чудесах Вендии. Гафа мог часами рассказывать о том, сколько в Вендии сокровищ, какая там изумительно красивая природа, какой красотой отличаются тамошние женщины и как они ласковы и податливы.

«Сокровища там рассыпаны на каждом шагу, — уверял Гафа. — Мне рассказывала мать, а уж она-то не ошибается. Она ведь была оттуда родом!»

Что ж, источник сведений, по мнению мальчиков, был вполне надежным. Вскоре уже все друзья Турониса знали о богатой Вендии, где все обездоленные — если у них достанет сил, нахальства, смелости и решимости, — обретут свое счастье.

К путешествию они готовились долго. Обсуждали детали, копили деньги, чтобы добыть верховых лошадей. Придумывали, где и как будут доставать припасы.

Время шло. Решено было дожидаться, пока Туронису исполнится шестнадцать — отправляться в путь раньше признали опасным. Вряд ли родители станут слишком уж усердно разыскивать своих отпрысков. Напротив, вероятнее всего, что они будут рады избавиться от обузы в лице младших сыновей. Да и старшие братья вздохнут с облегчением. Но безопасность — прежде всего. Беззащитные мальчишки в пути подвергают себя риску: дороги, как рассказывал много-

знающий Гафа, кишат грабителями и работорговцами.

И вот настал день, которого они так ждали. Точнее, настала ночь — решено было выступать ровно в полночь.

Сказано — сделано. Пятеро путников вышли на дорогу. Их долгое странствие началось.

Они благополучно миновали Вилайет и вступили в незнакомые пределы. Та карта, которой обзавелись предусмотрительные подростки, как раз обрывалась на середине моря Вилайет.

Расспрашивая встречных, они нашли дорогу в Вендию. И, едва очутившись в пределах этой страны, которая была родиной его матери, заболел Гафа.

Его подкосила лихорадка. У него поднялся жар, он бредил, выкрикивал разные устрашающие слова.

Поначалу молодые господа принимали эти бессвязные речи за нечто существенное. Едва Гафа принимался бредить, как они обрывали всякие разговоры и начинали прислушиваться. Но стоило ли, право, напрягать слух и рассудок, чтобы в конце концов узнать, что «нерасчесанная грива лохмата», «потные ноги воняют», «конь больно бьет копытом» или еще какую-нибудь «премудрость» в том же роде!

Наконец один из приятелей предложил оставить Гафу в каком-нибудь храме, препоручив его милости здешних богов.

Они всерьез стали обсуждать эту идею.

— С одной стороны, велика вероятность, что он и без того помрет, — сказал один. — С другой стороны, возможно, здешние боги проявят к нему больше милосердия, нежели мы. В конце концов, он ведь здешнее порождение. Даже странно, что он заболел, очутившись на родине своей матери! Мы-то остались здоровы. Это весьма странно.

В таком роде они рассуждали еще довольно долго и в конце концов согласились с идеей оставить Гафу в джунглях.

Они пронесли его на самодельных носилках весьма значительное расстояние, но все имеет предел: Гафа со своими глупостями, со своим тяжелым телом и жуткой прожорливостью (несмотря на болезнь, ел он крайне много), чрезвычайно всех утомил.

Поэтому молодые люди очень обрадовались, когда в густых тропических зарослях они увидели большой вендийский храм.

Это был один из тех грандиозных заброшенных храмов, каких много разбросано по всей Вендии. В этой стране, где растительность поглощает любую постройку в считанные луны, стоит только перестать вырубать деревья и кусты каждый день, трудно было понять: является ли храм и в самом деле заброшенным, или же здесь иногда бывают процессии? Возможно, ради ритуалов перед священными башнями расчищают какое-то пространство, но затем, когда жертвоприношения заканчиваются, здание опять оста-

ется наедине с бесконечно разрастающимися джунглями.

Впрочем, друзья рассуждали недолго. Храм показался им надежным местом. Статуя божества, огромного толстого существа с гигантскими жировыми складками на животе и бедрах, с добродушно усмевающимся лицом и сложной конусовидной прической, выглядела ухоженной. Во всяком случае, у нее было отбито лишь одно ухо; второе, с неестественно длинной мочкой, красовалось на месте. И из непомерно длинных и толстых пальцев на всех шести руках, застывших в странных положениях, лишь два пострадали от времени.

Статуя была обвита лианами, и, судя по следам, не оставалось никаких сомнений в том, что ее облюбовали для своих игрisci местные мартышки. И все же здесь было как-то... уютно, что ли.

Туронис выразил общую мысль:

— Думаю, если мы препоручим Гафу этому добродушному каменному господину, то наша совесть будет совершенно спокойна. В конце концов, Гафа — дома, на родине своей матери. Он мечтал оказаться здесь все то время, что я его знаю, — то есть, практически всю жизнь. Бог выглядит вполне мирным и добродушным. Помолимся ему, как сможем, поднесем ему в дар тот хлеб, что у нас еще остался, и уйдем.

Так они и поступили. Гафа плохо понимал происходящее, он продолжал болтать ерунду, а глаза его подернулись странной пленкой.

Друзья-бритунцы торжественно простились с ним и ушли. Джунгли поглотили их.

И никто из них не видел, как каменный бог медленно повернул голову, и улыбка сошла с толстого каменного лица...

Спустя день или два они вышли к Рамбхе. В те годы дворец правителей Рамбхи еще сверкал белизной. Десятки слуг мыли белые стены дворца и отчищали барельеф, а также следили за сохранностью каждого украшения на стенах, дабы здание продолжало блистать своей невероятной красотой.

Жители Рамбхи и сто лет назад отличались высокомерием. Пожалуй, оно было даже большим, ибо им в те годы еще было чем гордиться. Чужестранцы не нашли там ни приюта, ни угощения. Как ни просили они, как ни сулили щедрое вознаграждение — все оставалось втуне. Вендийцы попросту не обращали на них внимания. Как будто еще одна стая обезьянок спустилась с ветвей и с воплями бежит через улицы города, — любопытно, но стоит ли пускаться в долгие содержательные беседы с обезьянками?

— Можно подумать, они нас попросту не видят, — высказался Хейрик, самый старший из четверых.

— Станный народ эти вендийцы! — воскликнул Битуриг, рослый юноша, выглядевший старше своих семнадцати. — Честно говоря, наш Гафа, хоть мы все и знали его с детства, всегда внушал мне нечто вроде ужаса.

— Скажи честно: смесь недоверия и отвращения, — добавил четвертый из путников, Агобард. — Теперь, когда он у себя дома и препоручен милостям своего же божества, я могу признаться в этом открыто. Вендийцы вызывают у меня странные ощущения. Мне все время кажется, что их не существует.

— Как это? — удивился Хейрик. С воображением у него обстояло хуже, чем у приятеля.

Агобард пожал плечами.

— Я и сам почти не понимаю... Когда я смотрю на вендийца, он представляется мне каким-то ускользающим... Как будто еще немного — и он попросту растворится в этом смуглом, дрожащем воздухе. Станет частью здешней влаги, здешней листвы или пыли... Как будто некая субстанция, из которой состоит вендийская почва, время от времени сгущается и порождает такие вот плотные видения. Прошу простить меня, — окончательно смутился Агобард, — если я изъясняюсь путано.

— Да нет, твоя мысль вполне ясна, — задумчиво проговорил Хейрик. — Я и сам думал нечто в том же роде...

Они покинули негостеприимную Рамбху и углубились в джунгли. Ни один из четверых не сомневался в том, что скоро они увидят сокровища. Недаром ведь мать Гафы сулила сыну богатство! Здесь, в глубине Вендии, стоит лишь хорошенько поискать, и бесценные россыпи окажутся прямо под ногами!

Лишь бы только они не превратились в глину, очутившись в человеческой ладони. На подобные штуки Вендия также была горазда — ведь она родина всяческих иллюзий. Недаром говорят, что чужестранцы страдают в Вендии помутнением рассудка!

— Только не мы, — уверенно произнес Хейрик, когда Битуриг высказал при нем свое подозрение. — Мы настолько здравомыслящие люди, все четверо, что сразу сумеем распознать, где иллюзия, а где реальность. И кроме того, никакое помутнение рассудка нам не грозит, ведь все мы весьма неплохо переносим здешний климат.

Их путешествие по Вендии длилось уже почти луну. Джунгли обступали их со всех сторон. Они облепляли их, как мокрая туника. Первые признаки разочарованности начал выказывать Туронис. Он даже подумывал о том, что их решение оставить Гафу было ошибочным. Кажется, Туронис считал, что только Гафа обладал способностью вывести их к сокровищам.

Впрочем, пока что Туронис помалкивал. Хейрик читал мысли приятеля — что было нетрудно, особенно если учесть, что мысли Турониса, как правило, ясно отображались на его лбу, в складочке между бровями. Но до тех пор, пока слова не были сказаны, и ни одна из мыслей Хейрика не прозвучала вслух, можно было делать вид, что все остается по-прежнему.

И в конце концов приятелям повезло. В густых зарослях они наткнулись на груды огромных

камней. Это были поистине гигантские камни, желтые, наполовину рассыпавшиеся в песок и все же внушительные и поневоле вызывающие почтение. Чтобы увидеть их целиком, человеку приходится отойти на десяток шагов, да еще и задрать голову.

Хейрик первым разглядел на этих камнях остатки резьбы. Некогда неведомые художники работали в джунглях, украшая эти камни барельефами.

Сейчас трудно было понять, какие именно сцены и картины изображались здесь. Но все еще оставались: в одном месте — часть уха и щеки округлого лица, в другом — фрагмент руки с изящно выгнутым мизинцем, в третьем — какая-то деталь украшения с узором в форме листьев...

— Некогда здесь был храм или дворец, — высказался Хейрик.

Остальные молча согласились с ним. Молодые бритунцы переглянулись. Глаза их сверкнули алчным блеском. Наконец-то они нашли то, ради чего предприняли столь долгое и отчаянное путешествие!

Как истинные сыновья Бритунии, они не бросились сразу искать спрятанные здесь сокровища. Нет, они для начала сделали привал и разбили лагерь. Затем перекусили. В последнее время им везло, и они сумели подстрелить несколько птиц, которых и поджарили сейчас на угольях костра, празднуя удачу.

И лишь хорошенько передохнув, друзья принялись за поиски.

Они обошли развалины, рассматривая каждый клочок земли под ногами, поднимая и оглядывая со всех сторон каждый камушек. Ничего похожего на драгоценности им до сих пор не попадалось.

Первый день закончился впустую. Однако это обстоятельство не смогло ввергнуть друзей в отчаяние. Они даже не слишком были обескуражены. В конце концов, никто не ожидал, что сокровища посыплются на них с неба или начнут вываливаться из мягкой вендийской почвы, едва только они ее копнут. Разумеется, нет! Необходимо лишь приложить некоторые усилия, и вот тогда...

Второй день оказался таким же бесплодным, как и первый. Но на третий им повезло. В сотый раз обходя территорию древнего храма, Хейрик неожиданно споткнулся. Он выругался, но тотчас прикусил язык: наклонившись, молодой человек обнаружил, что в густой траве находится ступенька, которую он прежде не заметил. Об нее-то он и запнулся, когда бродил по храму.

Хейрик сел на корточки и руками разгреб траву и землю, очищая ступеньку. Несомненно, этот плоский камень не являлся обычным природным образованием: его отесывали человеческие руки. Хейрик снял слой дерна, навсегда при этом разрушив жизнь мириадом насекомых, которые выстроили под толстым надежным покровом

вом свои таинственные крохотные дворцы и намеревались вывести там потомство. Увы! Жирные личинки, многообещающие куколки, подземные ходы и прочие чудеса архитектуры и фортификации — все погибло при появлении Хейрика. И, что самое ужасное, — великан-сокрушитель даже не подозревал о том, какое злодеяние он совершил.

Ибо Хейрик увидел вторую ступеньку, за ней — третью... Они уводили под землю. Позвав товарищей, молодой бритунец принялся освобождать подземный ход от наносов земли и травы. Работа заняла у друзей целый день, зато к вечеру они уже твердо знали, что отыскиали вход в святилище, сокрытое от глаз непосвященных.

Они плохо спали эту ночь. Туронису привиделся Гафа. Гафа обладал шестью руками, он сильно растолстел и изъяснялся теперь важно и многозначительно. Гафа сказал Туронису:

— Моя погибель мне во благо, твоя же погибель — тебе на погибель.

С тем Туронис и пробудился, весь в холодном поту. Он сел, оглядываясь по сторонам. Товарищи его метались в беспокойном сне. Ярko и равнодушно горели в чужом небе чужие звезды. Развалины храма окружали маленький лагерь бритунцев, где давно уже погас их костер. Джунгли были полны звуков: дикие звери вышли на охоту и оповещали лес о своем приближении.

Туронис обтер лицо ладонью. «Странно, какой яркий сон, — подумал он. — И странно, что

прежде мне никогда не снился Гафа. Я вообще, кажется, и думать о нем забыл...»

«А он о тебе помнит», — пришла мысль как будто со стороны.

Туронис содрогнулся. Он не слишком-то верил в магию, да и богам поклонялся не от чистого сердца: за всю свою жизнь Туронис никогда не встречал ни одного чудесного явления и привык считать поклонение богам просто данью традициям.

Но сейчас, после странного сновидения, посреди таинственных джунглей, в затерянном храме, Туронису сделалось крепко не по себе. Тысячи мыслей о богах, о демонах, о призраках пронеслись у него в голове. Если Гафа действительно умер, и сейчас где-то поблизости бродит его призрак, то каким этот призрак может быть? Неужто враждебным? Да и встречаются ли дружелюбные призраки? Никогда не следует забывать о том, что призраки — еще большие эгоисты, нежели живые люди, и если призрак о чем-то и заботится, так это лишь о собственном деле. О мести, к примеру. Или о том, чтобы охранять порученные ему сокровища.

Туронис снова улегся возле костра. Он ворочался с боку на бок, но так и не смог сомкнуть глаз до самого рассвета.

Едва только солнце встало над горизонтом, как Хейрик резко сел и объявил:

— Ужасная ночь! Я почти не спал.

Туронис возразил:

— Ты храпел во все горло. Я это знаю точно, потому что на самом деле не спал — я.

Агобард возмущенно фыркнул, не поднимая головы с земли.

— Это вы все не давали мне спать. Особенно Туронис. Все бубнил про каких-то призраков и рассуждал: могут ли призраки быть благосклонны к человеку.

Битуриг сказал:

— Давайте продолжим раскапывать ход. Ночь прошла, слава богине Виккане, так забудем же о ней. У нас полным-полно работы.

Прочие согласились с ним и дружно принялись за дело.

К полудню вход в подземелье был уже открыт, и Хейрик первым начал осторожно спускаться по ступенькам. За ним следовали остальные. В руке у Хейрика горел факел, поэтому им всем хорошо было видно, что происходит под землей.

Помещение сохранилось хорошо — гораздо лучше, чем наземное. Глубоко под землей находился просторный зал. Стены его были выложены камнем. Повсюду, куда ни бросишь взор, была видна искусная резьба. По стилю она напоминала друзьям ту, что украшала стены дворца правителей в Рамбхе. Возможно, и там, и здесь работал один и тот же мастер. Впрочем, так ли это существенно?

Однако бросалось в глаза одно чрезвычайно важное отличие. Если на стенах дворца демоны

преследовали прекрасных полубогинь, а те улетали от слишком настойчивых ухажеров, то здесь, в подземном святилище, демоны настигли своих жертв и яростно рвали их когтями. Сцены, представленные на барельефах подземного святилища, были поистине ужасны. Совокупляясь с полубогинями, демоны грызли их клыками, раздирали их на части когтистыми лапами, ломали им хребты, впивались им в горло. Полубогини умирали в страшных мучениях. Умирали — и, видимо, в силу своей полубожественной природы, никак не могли умереть. Смерть избавила бы их от страданий, но она никак не приходила.

И все мольбы жертв были обращены к ней. К смерти.

Ее воплощение находилось в самом центре зала. Это была огромная, в три человеческих роста, медная статуя божества. Божество имело ярко выраженную женскую природу: узкая талия, огромные груди, гигантские бедра весьма откровенно свидетельствовали об этом. Богиня стояла в странной позе. Она танцевала на телах поверженных демона и полубогини, которые, как и на барельефе, совокуплялись и одновременно с тем причиняли друг другу страдание. Одна нога богини упиралась в тела жертв кончиками пальцев и вместе с тем сильно была согнута в колене. Вторая нога, отставленная, опиралась на пятку.

В отличие от многих вендийских божеств, у этой было две руки, зато обе они были вооруже-

ны мечами. Глаза божества были сделаны из драгоценных камней: два глаза глядели свирепо, третий, во лбу, вырезанный из алмаза, не имел зрачка и вообще не являлся глазом в полном смысле слова: это был лишь намек на то, что богиня обладала особенным зрением, позволяющим ей проникать в самую глубину человеческого естества.

Вокруг статуи на земле валялось множество самоцветов. Они были насыпаны там так, словно не представляли большой ценности. Не более, чем цветы или фрукты, которых в Вендии имелось изобилие круглый год.

Четверо друзей испустили радостный вопль и бросились к статуе богини.

Но едва Агобард первым подбежал к ней и наклонился, чтобы взять камень, как произошла странная вещь. Статуя покачнулась на своем нетвердом постаменте и упала, причем таким образом, что один из ее мечей нерерубил шею Агобарда.

Все произошло очень быстро, почти мгновенно. Хейрик не успел даже понять, что случилось, а Агобард уже лежал на полу подземного святилища. Голова его валялась в нескольких шагах от туловища. Кровь двумя широкими толчками выплеснулась из тела и иссякла, быстро впитываясь в жирную вендийскую почву.

Статуя лежала на боку, растопырив руки и ноги. Глаза ее злобно рассматривали подбежавшего Хейрика.

— Боги! — вскричал Битуриг. — Никогда не думал, что такое возможно! Ведь он... Он мертв?

— Боюсь, что так, — подтвердил Туронис. Он старался держаться невозмутимо. В конце концов, он обязан был помнить древность своего рода, высоту своего происхождения!.. Но Туронис страшно побледнел и наконец не выдержал: он отбежал в угол, подальше от остальных, и там его вырвало.

Друзья великодушно не обратили на это никакого внимания. Да и до приличий ли им было сейчас, когда их старый приятель лежал с отрубленной головой!

— Проклятая ведьма! — сказал Хейрик, адресуясь к богине. — Я уверен, что это не было случайностью. Она нарочно навредила ему.

— Что будем делать? — спросил Битуриг.

— Отомстим! — сквозь зубы выговорил Туронис, подходя ближе.

— Согласен! — воскликнул Хейрик. Он встал на колени перед статуей и, орудуя острием кинжала, вытащил алмаз из ее лба.

Кровавые капли выступили там, где находился алмаз. Казалось, разверстая рана на лбу богини кровоточит.

Впрочем, Хейрик быстро убедил себя в том, что видит лишь продукты окисления меди. Одним демонам известно, как долго простояла здесь статуя, без доступа свежего воздуха, без всякого движения и света! С металлами и самоцветами происходят в подобных условиях самые

неожиданные вещи. Они даже начинают как будто бы жить собственной жизнью.

По всему подземелью пронесся долгий глухой стон. От этого звука приятели содрогнулись всем своим естеством. Стон все не кончался. Он длился и длился, как если бы тот, кто выпускал его, обладал поистине безграничными легкими.

— Уйдем отсюда, — шепнул Битуриг. — Мне что-то не по себе.

— Мы должны забрать тело Агобарда и предать земле, — возразил Туронис. — Иначе мы потеряем честь.

— Если мы задержимся здесь дольше, то от нашей чести ничего не останется, даже костей, — сказал Хейрик. — Я согласен с Битуригом. Бежим! От этого стона у меня мурашки по коже.

— От этого стона вся толща подземного хода пришла в содрогание, — добавил Битуриг. — Боюсь, скоро он обрушится.

Они развернулись и бросились бежать по направлению к лестнице.

И в самом деле, теперь они явственно видели, как ступеньки подпрыгивают, и по каменной кладке ползут все новые и новые трещины. Туронис успел еще сунуть в кошель пригоршню самоцветов.

Он задержался всего на несколько секунд. Но этого оказалось достаточно. С оглушительным грохотом рухнули каменные балки, скрытые в земле. Одна из них ударила Турониса по голове, и он остался в храме, погребенный под толщей

земли рядом с трупом своего погибшего товарища. Беспольные самоцветы так и остались лежать у него в кошеле.

Битуриг и Хейрик с алмазом выбрались на поверхность. Они смотрели, как проседает подземный храм, как наружу проступают сломанные балки и каменные перекрытия, точно ребра погибшего чудовища. Некоторые каменные плиты, выброшенные из-под земли мощным толчком, выскочили на поверхность и упали среди густой травы. Другие, сломанные и разбитые, наполовину выступили наружу, а частично остались под землей.

Подземный ход провалился и рухнул. Статуя и двое бритунцев остались лежать там, в скрытом храме.

По лицам обоих уцелевших катились слезы.

— Чресла Зандры! — воскликнул Битуриг. — Никогда не думал, что увижу вот такое! Мне почему-то казалось, что со мной подобных вещей просто не может случиться...

— Они случились не с тобой, — вздохнул Хейрик, — а с нашими друзьями. Мы-то еще целы.

Битуриг зябко передернул плечами. Несмотря на то, что кругом стояла жара, Битурига сотрясала дрожь, и холодный пот выступил на его лбу.

— Мне кажется, — прошептал он, — что это ненадолго. Богиня будет мстить нам за надругательство над ее статуей. Она доберется до каждого из нас.

Предсказание Битурига сбылось через луну после того, как друзья добыли камень и спаслись из подземного храма.

Они проплутали по Вендии еще две седмицы. Охота больше им не удавалась. Если и случалось подстрелить птицу, то ее мясо оказывалось горьким и жестким. Они питались моллюсками, от которых у них раздувало животы, фруктами, после которых их мучило расстройство желудка, или кореньями, каждый раз рискуя наткнуться на ядовитый.

Не все вендийцы были так недружелюбны и высокомерны, как жители Рамбхи. В конце концов двое оборванных, исхудавших бритунцев выбрались к большим городам. Там их принимали за безумцев и относились с любовью и даже почтением. Они получали горстку крупы — тут, немного сладостей — там, и таким образом перебивались.

А затем погиб Битуриг.

Это случилось на базаре, где оба приятеля ночевали, прижавшись к стене какого-то здания. Вечером их угостили лепешкой, почти целой, если не считать того, что с одного боку она была надкусана и побывала в пыли: какой-то богатый ребенок выронил ее, а кормилица, не желая, чтобы дитя, вверенное ее заботам, кушало грязное, отдала испорченный хлеб нищим. Она поступила весьма милосердно, и оба бритунца, уже изучившие вендийские обычаи, усердно поблагодарили ее.

Хейрик считал, что они обязаны придерживаться некоторых здешних церемоний, ибо в одних случаях прилично везде насаждать собственные обычаи, а в других — соблюдать чужие. Все зависит от того, водятся ли в кармане монеты местного производства.

Можно сказать, что друзья прожили в Вендии так долго и почти благополучно именно благодаря мудрым взглядам Хейрика.

И вот, когда ужин был завершен, а торговля на площади уже закончилась, и лавки зарылись, там появился безумец.

То был настоящий безумец, не такой, как два голодных чужестранца. Он был одет в набедренную повязку из листьев. Длинные волосы его были растрепаны и свисали почти до колен. В руке он держал длинную кривую саблю.

Безумец пробежал по площади на своих длинных тощих ногах.

Освещенный лунным светом, он был похож на паука. Длинная тень, которую он отбрасывал почти через всю площадь, усугубляла это сходство.

К ужасу наблюдателей, он начал танцевать. Он вскидывал саблю над головой и самозабвенно кружил, а затем вдруг принимался рубить саблей луну и испускать воинственные кличи. Его тень металась вслед за ним так отчаянно, словно боялась не успеть и потеряться.

На площади слышны были лишь звуки сумасшедшего пения, да шлепанье босых ступней о

каменные плитки, которыми был вымощен рынок.

Оба приятеля заворожено наблюдали за зрелищем. То, что они видели, притягивало взор, и они следили за безумцем, не в силах оторвать глаз. Он был одновременно и прекрасен, и отвратителен; его пляска выглядела безобразно и вместе с тем обладала исключительной красотой. Так прекрасен водяной ящер, в своей дикой грации.

Внезапно одним прыжком безумец оказался возле друзей. Испустив громкий вопль, он застыл на месте. Сабля, задранная к луне, казалась продолжением тощих, сплетенных между собою рук безумца. Все его тело сотрясала мелкая дрожь. На мгновение он умолк, а затем, возобновив вопль, обрушил оружие прямо на голову Битурига.

Хейрик увидел, как тело его товарища развалилось ровно пополам. Одна половина — полголовы, полтуловища, одна рука и одна нога — упала прямо на Хейрика, вторая — в противоположную сторону. Сердце один раз стукнуло об открытую взору грудную клетку, и это тоже было видно. Трепетание нежных внутренностей тонуло в потоках крови.

Безумец же, грациозно перепрыгнув через лужу крови и труп, вернулся на середину площади и продолжил танец. Он сделал еще несколько причудливых движений — и исчез.

Хейрик остался один с трупом друга.

Лязгая зубами, содрогаясь и тщетно сражаясь с тошнотой, Хейрик отполз подальше. Ноги не слушались его. Ему стоило больших усилий подняться и отойти в сторону. Затем он перестал сражаться со своей природой, пал на четвереньки и уполз куда-то в темный переулок, где и упал.

Он очнулся в чьем-то доме. О том, что это дом, Хейрик догадался по запаху: там пахло жильем. Слезы выступили у юного бритунца на глазах. Он уже и забыл, как пахнет человеческое жилье, столько времени пришлось ему провести под открытым воздухом, не имея ни крыши над головой, ни домашнего очага!

Он огляделся. Жилье было небогатое. Вход занавешен циновкой, на земляном полу — вытертый коврик. Очаг, сооруженный в центре помещения, был выложен камнями. Несколько лепешек лежали на плоском глиняном блюде, в медном кувшине с длинным горлом имелась, по всей видимости, питьевая вода.

Старик в белых одеждах сидел на корточках возле Хейрика и задумчиво рассматривал его. Затем старик заговорил. К удивлению Хейрика, он говорил на понятном языке.

— Я много странствовал по свету, — сказал старик. — Я не нашел богатства, зато обрел мудрость. Люди допускают, чтобы мудрецы жили в бедности. Бедность — сестра мудрости и верная ее помощница; если бы было иначе, все мудрецы давным-давно обрели бы золотые дворцы. Но

люди знают: стоит мудрецу разбогатеть, и он делается очень-очень глупым. Поэтому все мои сокровища у меня давно украли, и я не разыскиваю их...

— Умно, но не вполне понятно, — прошептал Хейрик.

— Ты из Бритунии, не так ли? — продолжал старик и усмехнулся удивлению, которое столь явственно проступило на лице молодого человека. — Не стоит поражаться моим познаниям! Я ведь говорил тебе, что немало странствовал по свету. Только бритунец мог дойти сюда пешком, и только бритунец может продолжать считать себя достаточно умным, чтобы сохранять надежду выбраться...

— Я потерял все, — сказал Хейрик. — И ничего не обрел. Даже мудрости.

— Ты говоришь неправду! — рассердился старик. — Поешь и подумай над своими словами. После этого я позволю тебе еще раз раскрыть рот для разговора.

Хейрик так и поступил. Он сжевал лепешку и запил ее водой. Станным казалось ему, что он, утратив всех своих товарищей, до сих пор жив. И даже может есть и пить.

Наконец старик проницательно глянул на него и заговорил:

— Итак, я жду от тебя правдивого ответа. Что ты потерял?

— Всех моих друзей.

— Что ты нашел?

— Я нашел... — Хейрик порылся в кошелье, который висел у него на поясе под лохмотьями, и извлек оттуда алмаз. — Вот это!

Убогое жилище старика наполнилось волшебным светом. Разноцветные искорки побежали по стенам, торопясь друг за другом и резвясь на воле.

Старик ахнул.

— Это ведь Око Кали! — воскликнул он. — Легендарная драгоценность! Где ты взял ее?

— В подземном святилище.

И Хейрик искренне рассказал своему почтенному собеседнику обо всех приключениях, которые он пережил, и несчастьях, которые его постигли.

— Должно быть, Кали мстит нам, — заключил он. — Она прогневалась за то, что мы отобрали ее глаз. Странно только, что она убивает моих спутников, но не трогает меня.

— Нет ничего странного, — возразил старик. — Ты должен оставаться в живых, чтобы вернуть ей алмаз. Если она убьет тебя, ты потеряешь камень... Камень может достаться кому-то, кто даже не подозревает о его истинном значении. Камень может даже погибнуть. Поэтому Кали никогда не убьет тебя. Она будет хранить твою жизнь, дабы ты имел возможность отыскать обратную дорогу к статуе.

— Но я не смогу сейчас вернуться, — сказал Хейрик и зарыдал. — Я устал, болен, у меня нет спутников... Никого, кому бы я доверял. Я хочу

назад, в Бритунию. Когда я отдохну и наберусь сил, я предприму новое путешествие в Вендию, и Кали получит назад свой алмаз. Клянусь колесницей Митры!

Старик на это не произнес ни слова.

С великими трудами Хейрик добрался до Бритунии. Там его ждали невеселые вести. За время его отсутствия умерли все его близкие — пока он странствовал, Бритунию посетил Черный Мор. Так Хейрик сделался хозяином всех отцовских владений. Ему поневоле пришлось отложить свое путешествие.

Камень остался в Бритунии.

Кали действительно хранила жизнь Хейрика. Как и предсказывал старец, ничто не могло повредить владельцу алмаза. Но несчастья продолжали преследовать его. То и дело он ломал себе руку или ногу, он облысел, он стал плохо видеть, его жена умерла, едва успев подарить ему сына, а ребенок рос больным и капризным.

Земли Хейрика оскудели. Ему приходилось жить очень сдержанно, хотя он и владел большими угодьями. Он даже продавал семейные реликвии, чтобы покупать зерно для своих рабов, иначе они грозили ему бунтом.

В трудах и тяготах прошла его долгая жизнь. Оглядываясь назад, на прожитое, Хейрик не мог найти ни одного дня, когда он бы дышал полной грудью. Никогда в жизни он не испытывал счастья так, чтобы ничто не омрачало его. Даже в день свадьбы он ухитрился заболеть, и в первую

брачную ночь ему не удалось лишить невесту девственности, поскольку жениха разбила горячка, и он метался в бреду, пачкая потом и кровавыми плевками кашля шелковые покрывала, купленные специально ради бракосочетания.

Кали отомстила своему «избраннику».

Хейрик решил передать зловещий талисман сыну. Если уж сам Хейрик страдал все эти долгие годы, то сын его обязан избавить род от проклятия.

Но юноша, вечно покрытый болячками и к тому же большой любитель вина и веселых женщин, не внял призывам своего умирающего отца. Он выслушал историю о камне, но не принял ее близко к сердцу.

Когда Хейрик закрыл глаза, молодой наследник подбросил алмаз на ладони и легкомысленно обратился к нему со словами:

— Ты, родовое проклятие, конечно весьма могущественная штукавина, но я попросту продам тебя. Вот что я сделаю! Будешь чьим-нибудь чужим проклятием, а мне принесешь богатство — и я проживу свой век так, как мне хочется.

И он продал камень.

Некоторое время дела его шли весьма недурно. Он исцелился от большей части своих болячек, используя какую-то чудодейственную мазь, которую преподнесла ему в подарок очередная любовница. Он купил большой дом и начал вести жизнь на широкую ногу. Жениться он не хотел, но в подругах недостатка у него не было.

Казалось, везению не будет конца. Когда средства, вырученные за алмаз, уже начали иссякать, он получил наследство от какого-то дальнего родственника. О роковом камне он и думать забыл, а отца искренне считал суеверным глупцом.

И тут случилось нечто ужасное. Чудодейственная мазь оказалась ядовитой. На какое-то время она действительно сняла все внешние признаки болезни. Но, постепенно накапливая свое действие, она проникла в кровь и начала там свою потаенную деятельность. И в один ужасный день легкомысленный бражник увидел в зеркале жуткую образину. За ночь его лицо, руки, шея и грудь оказались покрыты многочисленными пузырями. В панике он проткнул один, и наружу вытекла зловонная жидкость, а на месте проткнутого пузыря образовалась язвочка.

Скоро полопались и прочие пузыри. Язвочки разрастались и гноились. Несчастный гнил заживо.

Умирая, он не видел вокруг себя ни одного человека, который пришел бы его утешить. Тогда-то он и решил записать историю, которую поведал ему отец. «Я умираю в страшных муках и в полном одиночестве, — выводил он каракулями, — и все из-за того, что не отнесся с должным вниманием к рассказу о глазе Кали. Умоляю того, кто увидит этот алмаз, вернуть его в Вендию, в подземное святилище...»

Он не закончил писать. Рука его остановилась, глаза закрылись навеки.

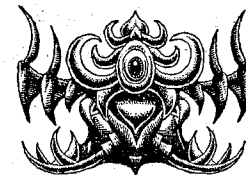

Наследником был объявлен двоюродный брат покойного. Этот скоро скончался от лихорадки непонятного происхождения, и все имущество перешло к племяннику.

Тот был озабочен только тем, как бы приумножить богатство. Однако через десять зим, почти совершенно разоренный, он умер. Его сын по имени Фридугис решил более вдумчиво изучить все, что унаследовал, и среди вещей обнаружил алмаз дивной красоты. Долгое время он не знал, как поступить с камнем. Фридугис был достаточно умен, чтобы понимать: подобные драгоценности не могут просто так валяться среди истлевших нарядов и потрескавшейся посуды.

Он решил искать дальше, и наконец среди семейных свитков отыскал один весьма занятный клочок. Кто-то торопился поведать ужасные вещи об этом камне. Фридугис был человеком здравомыслящим. Он привык доверять фактам. А факты подтверждали каждое слово невероятной истории, изложенной умирающим родственником. Следовательно, способ избавиться от этого камня, убивающего всех своих владельцев, только один. Его следует вернуть богине Кали.

Поэтому Фридугис, недолго рассуждая, решил выполнить свое предназначение. Камень вернется к своей истинной владелице — богине Кали. Он знал, что богиня будет надежно оберегать его ото всех невзгод. Ведь он, Фридугис — единственный человек в Хайбории, который в состоянии возвратить алмаз статуе.

Глава шестая

Возвращение в джунгли

Ронан хмуро выслушал рассказ. После кратковременного пребывания монстром все тело у него болело, как будто вчера его избивали палками. Кроме того, киммерийца не отпускало стойкое ощущение, что вчера благодаря Фридугису и его проклятому алмазу он попал в глупейшую ситуацию. К счастью (для самого себя, разумеется), бритунец и не думал смеяться над ним. Напротив, Фридугис смотрел на своего невольного приятеля весьма сочувственно.

— Я не решаюсь просить тебя сопровождать меня, — сказал Фридугис киммерийцу, когда тот окончательно пришел в себя. — С одной стороны, мне было бы легче идти по джунглям, имея такого надежного и сильного спутника. Но с другой — опыт прежних лет показывает: Кали охраняет только одного человека, того, который несет алмаз. Свою злобу на похитителей она

срывает на всех прочих, кто оказывается поблизости от драгоценного камня.

— Если ты предполагаешь напугать меня этим, — заметил Конан, — то напрасно стараешься. Я хочу посмотреть, чем закончится эта история. Кроме того, если мне не изменяет память, ты рассказывал о самоцветах, что горстями были насыпаны у ног статуи. Вероятнее всего, эти безделушки все еще на месте.

— Разумеется, — кивнул бритунец. — Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь посещал заброшенный храм с той поры, как там побывал мой отдаленный предок. Кроме того, он еще и под землей.

— Ну и такая мелочь, как обрушенный подземный ход, разумеется, — сказал Конан. — Тем не менее я не сомневаюсь в успехе. Отыщем храм, набьем карманы самоцветами — и в Бритунию!

— Положим, — возразил Фридугис, — у меня в Бритунии дом, друзья, родня... А у тебя?

— Ну и у меня друзья сыщутся, — невозмутимо ответил Конан. — Поверь мне, Фридугис, во всем Хайборийском мире нет такого уголка, где Конан-киммериец не встретил бы какого-нибудь старого приятеля.

Они недолго собирались. Укрытие, которое соорудил себе Фридугис, было неплохим, но расстались оба спутника с ним без всяких сожалений. Прихватили запасы: лепешки, фрукты, тушку птицы. Фридугис скромно сообщил приятелю, что все эти ценности он попросту украл.

— Ну и правильно, — одобрил Конан. — Народ в Рамбхе ничего лучшего и не заслуживает. Обворовать их — самое милое дело. Но как тебе удалось провернуть кражу столь ловко? Я никогда прежде не предполагал, что знатные бритунцы владеют этим искусством.

— Знатный человек должен уметь делать все, — с достоинством заявил Фридугис.

Конан расхохотался.

* * *

Джунгли встретили их морем света, пробивающегося сквозь зелень, и океаном цветов. Конан не мог поверить собственным глазам. Как же так? Еще несколько дней назад здесь все было зелено, но мрачно и темно; солнце не проникало сквозь плотный полог листьев, а цветов не было и в помине.

— В Вендии все происходит мгновенно, — поведал Фридугис. — Я слышал об этом, но вижу, естественно, впервые. Началось цветение лиан. Оно продлится несколько дней, после чего цветы увянут и опадут. Еще день или два земля под ногами будет напоминать разноцветный ковер, причем изготовленный из самых дорогих и ярких шелковых нитей; а затем все увянет и исчезнет, как не бывало.

В джунгли как будто пришел праздник. Все здесь лучилось приветливым светом. Конан почему-то сердился на бритунца. Он понимал,

конечно, что лианы расцвели только потому, что настала их пора, но в глубине души ему казалось, будто все здесь делается наперекор Конану и в угоду этому самоуверенному Фридугису. Знатный человек, видите ли, все должен уметь делать сам!

Впрочем, Конан — следует отдать ему должное — никак не проявлял своего ревнивого недовольства.

Весь первый день они шли через заросли. Фридугис имел весьма смутное представление о том, где искать подземный храм Кали, но топал с очень уверенным видом. Устраиваясь на ночлег, он сказал:

— Я просто убежден в том, что мы отыщем его. Невозможно не найти то, что само хочет быть найденным.

В ответ на это глубокомысленное замечание Конан фыркнул. Он вовсе не был уверен в том, что Кали желает именно такого благополучного исхода, однако мысли свои удержал при себе.

Пробуждение приятелей оказалось не вполне обычным. Открыв глаза, Конан сразу понял, что возле костра появился еще один человек. Вероятно, он пришел ночью. Странно только, что ни Фридугис, ни сам Конан не слышали его шагов. Уж киммериец-то спал всегда чутко, и застать его врасслох было мудрено!

Пришелец выглядел довольно странно. То есть, где-нибудь в сельской местности, где много деревень, где в изобилии пасется на лугах скот,

а мельницы вовсю трудятся, превращая зерно в муку, таких людей весьма много, но здесь, в глубине джунглей подобный человек представлялся воистину редкостью.

Это был пастух или какой-то другой работник, явно привычный к тяжелому и неблагоприятному труду. Быть может, скотник, для которого привычно чистить навоз в стойле. Или поденщик из тех, кто всегда на подхвате: дотащить мешок, разгрузить повозку, выгрести нечистоты, починить крышу...

В Вендии подобные люди обычно принадлежат к низшим кастам. Это заметно и по внешности. Незнакомец был чрезвычайно смугл, почти черен, одет лишь в убогую набедренную повязку и сандалии, собственноручно сплетенные им из травы. Его большие, черные навывкате глаза глядели туповато, как будто принадлежали домашней скотине, а губы постоянно двигались, словно он что-то пережевывал.

— Эй, — грубо окликнул его Конан, — ты кто такой? Откуда ты взялся?

Человек перевел на киммерийца взгляд своих выпученных глаз с синеватыми белками и ничего не ответил.

Конан повторил свой вопрос еще несколько раз, но пришелец упорно молчал. И наконец когда Конан перестал задавать вопросы, тот неожиданно произнес:

— Я Сканда, я шел сюда пешком.

— И далеко ли ты шел? — спросил Конан.

— Порядочно...

Тем временем проснулся и Фридугис. Он увидел чужака, но до времени не стал показывать своего интереса к происходящему. Лежал себе с полужакрытыми глазами и рассматривал незнакомца. Вероятно, желал составить о нем собственное мнение, наблюдая со стороны за чужаком и Конаном.

Конан сказал:

— И куда ты идешь?

— Я с вами, — подумав, ответил Сканда.

— Почему?

Этот вопрос, противу всех ожиданий, не поставил пастуха в тупик. Он широко улыбнулся, показав квадратные желтые зубы, и ответил:

— Ну, потому что мы идем в одно и то же место.

— Ты знаешь, куда мы направляемся?

— О, — сказал Сканда, — не вы. Та вещь, о которой я думаю. Она направляется туда. И я — тоже.

— Почему? — опять спросил Конан.

— Мы все идем к моей матери, — объяснил Сканда, на сей раз словоохотливо. Видно было, что тема разговора весьма его занимает. — Она устала ждать. Я знаю.

— А, — сказал Конан. — И что ты знаешь?

— Ну, ту вещь, которая у вас, — сказал Сканда и пустил слюну. — Она хочет назад. Так?

— Предположим, — не стал отпираться Конан.

Сканда вдруг зарыдал. Это произошло так неожиданно, что Конан даже подскочил на месте.

— Что?!. — вскрикнул киммериец. — Что такое?!

— Я тоже... — сквозь слезы произнес Сканда. — Я тоже хочу. Назад, к ней.

— К Кали? Ты был ее жрецом?

— Я не понимаю, — сказал Сканда, всхлипывая. — Я просто хочу к ней. Туда. Туда, где она.

В этот самый момент Фридугис решил наконец принять участие в разговоре. Он приподнялся и вмешался:

— Мы будем рады принять тебя в нашу компанию, Сканда. Особенно если ты знаешь, где находится храм богини Кали. Тот, что обрушился под землей сто зим тому назад. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Ах! — в отчаянии воскликнул Сканда. — Все обвалилось и погребло ее. Она лежит там, заваленная землей, ей нечем дышать, она страдает и зовет, зовет меня... А я не могу ее спасти. Не могу снять с нее всю эту землю.

— Покажи нам, где это место, и мы поможем тебе, — обещал Фридугис.

Сканда просиял, как дитя, которому посулили сладости.

— Если ты обманул меня, человек с белой кожей, — торжественно произнес Сканда и поднял к небу тощую черную руку, — то моя мать отыщет тебя. Она отыщет тебя, где бы ты от нее ни прятался, она сорвет с тебя твою белую гладкую

кожу, она сгрызет твоё красное мокрое мясо, она вытащит твои кишки... Все это она сделает с тобой, и ты будешь жив и сможешь смотреть на происходящее — и ты все будешь чувствовать, ибо Кали убивает своих врагов мучительно и долго.

— У Кали не будет случая рассердиться на нас, — заверил его Фридугис. — Клянусь тебе, мы не враги той, которую ты называешь матерью.

Конан мрачно посмотрел на темнокожего безумца, но промолчал. Про себя он решил как следует присматривать за незнакомцем. Больно уж необычно тот держался. А Конан при всей своей любви к разного рода приключениям не слишком жаловал то, чего не мог объяснить. И тем более — то, в чем угадывал каким-то потаённым варварским инстинктом демоническую природу.

* * *

Идти вместе со Скандой оказалось и легче, и труднее, чем прежде. Сканда сам вызвался возглавлять шествие. Точнее, он даже ни о чем не спрашивал. Просто резко побежал впереди. Он не шел, а именно бежал, и когда замечал, что его спутники отстают от него, останавливался и нетерпеливо приплясывал на месте.

— Думаешь, он точно знает дорогу? — спросил Конан у Фридугиса.

Тот пожал плечами.

— Судя по тому, как он держится, — вполне возможно, — ответил бритунец. — Кроме того, если Кали действительно призывает к себе своих адептов и может притягивать свой любимый драгоценный камень, то на Сканду вполне можно положиться.

— Он не то, чем представляется, — предупредил Конан.

— Да? — Фридугис выглядел озадаченным и вместе с тем совершенно было очевидно, что бритунец забавляется. С точки зрения Фридугиса, пастушок вряд ли являлся чем-то сверхъестественным. — Полагаю, в Вендии достаточно безумцев. Здесь их любят. В других странах дело обстоит иначе. Например, мы в Бритунии сумасшедших стесняемся, что ли. Стараемся устроить так, чтобы они не слишком попадались на глаза.

— А в Ванахейме всех детей с помраченным рассудком попросту убивают, — сообщил Конан хмуро. — И я нахожу этот обычай вполне удачным. Во всяком случае, если ванахеймский воин и впадает в безумие, то это безумие вполне разумно: он точно знает, чем оно вызвано, он может прекратить приступ бешенства в любой момент, а кроме того, ванахеймское безумие используется как оружие в битве. И только.

— Ну да, ну да, — подтвердил Фридугис. — И я о том же. А вот в Вендии таковых почитают и позволяют им свободно разгуливать повсюду.

— И в результате один из здешних сумасшедших зарубил бритунца прямо на рыночной пло-

щади, — напомнил Конан. — Помнишь? Ты рассказывал, как твой предок возвращался домой с камнем...

— Ну, он не вполне мой предок, — поправил Фридугис. — То есть, не совсем прямой, но все-таки...

Конан махнул рукой.

— У киммерийцев родня, особенно по материнской линии, считается до семи колен.

— Ты хочешь сказать, что семиюродный брат или шестиюродная тетя будут считаться твоей родней? — поразился Фридугис.

— Вот именно, — кивнул Конан. — Поэтому у нас очень сложная система наследования.

— Да уж, — согласился Фридугис.

Тем временем Сканда посылал им отчаянные сигналы. Он подскакивал на месте, изгибался в прыжке всем телом, как лосось, размахивал руками и корчил жуткие рожи.

— Интересно, что там происходит? — задумчиво спросил Фридугис. Он задрал голову к небу и повертел ею как бы в поисках ответа.

— Да, неплохо бы выяснить, — согласился Конан.

Оба приятеля томительно-медленно приближались туда, где жестикулировал их спутник.

Когда они подошли совсем близко, Сканда резко присел на корточки, вскинул вверх руки и запел. Точнее, он закричал тонким пронзительным голосом, и Фридугис только спустя несколько минут догадался о том, что эти ужасающие

звук означают пение. Конан демонстративно сунул себе в уши пучки травы и отвернулся. Киммерийцу не хотелось признаваться в том, что странный человечек пугает его.

Естественно, могучий варвар не испытывал страха перед настоящим противником: перед вооруженным человеком, воином или крупным хищным зверем.

Даже монстры не вызывали у него ужаса. В конце концов, любой монстр, даже гигантский паук или змея невероятных размеров с ядовитыми зубами (таких он видел в Стигии) — все они лишь живые существа и могут быть уничтожены холодной сталью.

Но некоторые необъяснимые вещи вгоняли варвара в тоску, бороться с которой он был не в состоянии. Демоны всех мастей, призраки, сверхъестественные существа, чья природа оставалось для киммерийца загадочной, — все это страшило его, все это взывало к его варварским, первобытным инстинктам дикаря и требовало одного: «Беги! Спасайся! Тебе не одолеть их!»

И Конану приходилось призывать на помощь всю свою волю, весь свой рассудок человека, много повидавшего и победившего, в конце концов, всех своих врагов, чтобы удерживаться на месте и не поддаваться настойчивым призывам своей натуры.

Сканда явно не был агрессивен. Он не собирался нападать на своих спутников. Он даже не угрожал им, собственно говоря. Но он был

чем-то необъяснимым, и то, что оставалось в Конане от дикаря, ощущало это.

Фридугис, напротив, испытывал искренний интерес. Сразу видно, что бритунец всерьез намеревался написать трактат о своем путешествии по Вендии. И ведь напишет! Интересно, что он там расскажет о своем спутнике, о Конане? Но если он хоть словом наметнет касательно хвоста, киммериец выполнит свою угрозу: доберется до Фридугиса, где бы тот ни жил и как бы тот ни прятался, и оторвет ему голову. В прямом смысле слова.

Сканда начал прыгать, сидя на корточках. Теперь он напоминал своими повадками птицу. И «пение» его немного изменилось, сделалось прерывистым, в нем появились квохтающие звуки. Забавно!

Конан наконец заставил себя повернуться в сторону «певца». Некоторое время он наблюдал за ним, затем медленно вынул из ушей пучки травы. Впрочем, к тому моменту Сканда уже замолчал. Он сидел на земле и смотрел на обоих своих спутников вытаращенными глазами.

— Ну? — осведомился Фридугис. — И что все это обозначало?

У бритунца был такой вид, словно ему только что показали нечто интересное, и теперь требовались небольшие пояснения.

Сканда набрал в тощую грудь побольше воздуха и завопил: — Я пел для моей матери!

Затем он вскочил и побежал вперед. Пожав

плечами, Фридугис двинулся за ним. Конан замыкал шествие.

В середине дня они сделали остановку для того, чтобы поохотиться. Сканда, правда, пытался остановить их. Он настойчиво совал им какие-то грязные корни, которые вытаскивал из земли, рвал на голове волосы, беспокойно подпрыгивал и бил себя кулаком в грудь. Но ничто не помогало. Ни киммериец, ни бритунец не соглашались есть корни. Конан ушел в джунгли, ступая мягко и вкрадчиво, как камышовый кот, и скоро вернулся с птицей, которую убил самодельным дротиком.

При виде добычи Конана Сканда взвыл и убежал в джунгли. Его не было очень долго. Оба приятеля давно уже поджарили и проглотили вкусное птичье мясо, а сумасшедший «пастушок» (если он только действительно был пастушком!) все еще бегал где-то в лесах.

— Интересно он отреагировал на твое намерение поохотиться, — заметил Фридугис, ковыряя в зубах.

Конан блаженно растянулся возле костра.

— Что ж, у каждого свои обычаи и традиции, — ленивым голосом отозвался он. — Одни традиции я согласен перенимать, другие — нет. Мне доводилось жить среди темнокожих в Черных Королевствах. Я даже добился там некоторого успеха. Что ж! Я принимал участие в их войнах, я даже входил в хороводы их танцующих воинов и не оставался в стороне, когда

«мое» племя отправлялось на охоту. Но пусть разразит меня гром, и киммерийский Кром не узнает меня после моей смерти, когда я приду к его стальным чертогам с окровавленным мечом в руке, если я хоть раз делал в угоду дикарям нечто противное моей воле!

— О, — согласился Фридугис, — это чрезвычайно интересно. Можно, я использую твои рассуждения для моего трактата? Клянусь Викканой, я упомяну тебя. Личный опыт — это бесценно.

Конан беспечно махнул рукой.

— Валяй. Когда я завоюю свое собственное королевство, я отправлю к тебе людей. Пусть перепишут твой трактат и доставят копию ко мне. Я заставлю всех при моем дворе прочитать ее! Но она должна быть правдивой.

— Клянусь Подателем Жизни, она будет правдивой... кроме одного-единственного момента, — заверил Конана Фридугис и лукаво подмигнул.

Конан отчетливо скрипнул зубами. Бритунец проявил благоразумие и вернулся к прежней теме.

— Итак, что ты говорил о чуждых тебе обычаях?

— А, это... — Конан снова сделался мирным. Ни дать ни взять сытый тигр. Но даже сытого тигра лучше не злить, напомнил себе Фридугис. — Например, некоторые из моих чернокожих друзей были людоедами. Этим делом я ни-

когда не промышлял. И более того, не позволял другим есть человечину в моем присутствии.

— Мудро, — вставил Фридугис.

— Так и здесь, в Вендии, — продолжал Конан. — Кое-что из местных обычаев я согласен уважать. Я не разбиваю статуи их богов, к примеру. Я даже подносил кое-каким статуям цветы, коль скоро этого требовали традиции. Да, да, не удивляйся, — добавил киммериец, видя, как у Фридугиса брови поползли вверх. — Я знаю, о чем говорю. Вы, так называемые цивилизованные люди, полагаете, будто традиции существуют только у вас, в ваших городах, в ваших сытых, хорошо обустроенных королевствах. Ну так вот, очередное заблуждение! Самые церемонные люди — дикари. Знал я вождей, которые не носили на своем теле ни единой нитки и были черны, как ночь, а в носу у них торчали костяные палочки, выточенные из берцовой кости их родителей, — так вот, эти-то дикари были опутаны ритуалами с головы до ног. Их обычаи настолько сложны, что в нем не разобрался бы и самый искушенный сенешаль какого-нибудь аквилонского или бритунского королевского двора. Да что там — бритунского! В Султанапуре — и то ничего бы не поняли. Уж поверь мне.

— Ты-то как сумел в этом разобраться? — засмеялся Фридугис.

Конан насупился.

— Думаешь, я лгу?

— И в мыслях не было, — заверил Фридугис.

— Я не давал себе большого труда в чем-то там разбираться, — сообщил Конан. — Дело в том, что я на две головы выше ростом, чем этот вождь, и в три раза шире его голого величества. Поэтому я вел себя так, как считал нужным, а если какие-нибудь его подданные были этим недовольны, я просто поднимал их в воздух, держа поперек живота, — вот так, — киммериец тряхнул в воздухе кулачищем, — и они быстро успокаивались. Это было настоящее племя лилипутов. Забавные люди...

Он вздохнул, как будто сожалел о том, что расстался с ними.

Фридугис покачал головой.

— Удивительные вещи я слышу, мой друг.

Конан покосился на него. Обращение «друг», с точки зрения киммерийца, было несколько преждевременным. Однако Конан вполне мирно произнес:

— Словом, если вендийцы предпочитают есть не мясо, а корни, я не обязан разделять их убеждения...

— Совершенно с тобой согласен, — подхватил Фридугис.

Сканда явился вскоре после этого разговора. Он шел крадучись и оглядываясь по сторонам с явным подозрением. Было очевидно, что он ожидает какого-то подвоха — но какого и с чьей стороны, оставалось неясным.

Увидев, что трапеза его спутников окончена, и от птицы не осталось и следа, Сканда просиял.

Очевидно, он боялся заметить очевидные доказательства того, что здесь было убито и съедено живое существо. Но коль скоро нет никаких признаков совершенного преступления — то и преступление можно считать не бывшим.

Логика безумца немало позабавила Фридугиса, когда до бритунца дошел смысл череды гримас, последовательно сменивших одна другую на подвижной мордочке Сканды (называть его физиономию «лицом» было бы затруднительно, так сильно она напоминала мордочку мартишки).

Сканда махнул рукой в одном направлении несколько раз и подпрыгнул на месте. Видимо, он призывал своих спутников скорее следовать за ним. И они вняли призыву.

На то, чтобы свернуть лагерь, много времени не потребовалось. Костер уже погас. Приятели поднялись с земли и были готовы тронуться в путь.

И снова джунгли обступали их со всех сторон, звери кишели над головами, где-то среди переплетенных ветвей, где, скрытые густой листвой и цветами, они вели какую-то собственную, скрытую от посторонних глаз жизнь, весьма активную.

Птицы свистели повсюду. Иногда птичий хор становился поистине оглушительным. Несколько раз Конан замечал пеструю змею, притаившуюся среди листвы в ожидании добычи. Но киммериец держался начеку, и потому ни он, ни его спутники не пострадали.

Глава седьмая Медный идол

Внезапно Конан ощутил, как волоски у него на загривке поднимаются дыбом. Это звериное свойство не спасало ему жизнь: он почуял близость магии. Не глупой и безобидной, вроде той, что окружала Сканду и напрягала варвара лишь слегка, но истинной, древней и мощной, магии.

Конан обернулся, но ничего не увидел. И, странное дело, Сканда тоже ничего не замечал. Шел себе с самым беспечным видом, вертел головой, время от времени принимался верещать на непонятном языке или «петь». Что касается Фридугиса, то тому вообще не было дела ни до каких предчувствий. Типичный твердолобый бритунец.

Но нечто существовало в джунглях, и оно наблюдало за людьми. Оно не приближалось к ним — пока, предпочитая держаться на расстоянии. И тем не менее оно не сводило с них пристального взора.

Конан несколько раз останавливался и самым тщательным образом оглядывался по сторонам. Ничего. Листья если и шевелились, то лишь под порывами ветерка, а все звуки, раздававшиеся вокруг, принадлежали джунглям: пение птиц, верещанье мартышек, протяжный зов проснувшегося льва...

Путешествие продолжалось. Ближе к вечеру чувство, что за ними наблюдают, охватило Конана с новой силой. Ощущение это было таким сильным, что киммериец решил наконец поделиться с Фридугисом.

— Ты не замечал, что кто-то идет за нами? — спросил его Конан.

Бритунец удивился.

— Кто бы это мог быть? Впрочем, я ничего такого не заметил. С чего ты взял, будто кто-то здесь шпионит за тремя путешественниками? Вот чудеса!

Он пожимал плечами и совершенно очевидно терялся в догадках.

Конан сказал:

— Дело, за которое мы взялись, весьма необычно. И этот глупый Сканда, что повстречался нам на пути, тоже не принадлежит к числу обыкновенных людей. Я думаю, нам следует готовиться к тому, что будут еще чудеса и странные явления. Это неизбежно в приключениях подобного рода. Следует быть начеку, вот и все, — добавил киммериец, выразительно касаясь рукояти своего меча.

Фридугис охотно с ним согласился. Некоторое время бритунец выглядел несколько озадаченным, а затем прежняя беспечность вернулась к нему. Возможно, он надеется на помощь богини Кали, думал Конан. Ну конечно! Кали будет охранять человека, несущего алмаз, потому что в противном случае ее истукан не получит желанного камня обратно. Что до спутников главного героя — то с ними богиня церемониться не намерена.

М-да. Стало быть, спутникам придется позаботиться о себе самостоятельно. Что ж, они постараются не ударить лицом в грязь. В конце концов, убить Конана не удалось еще никому, ни духам, ни демонам, ни людям, ни даже мертвому королю, у которого бесстрашный киммериец позаимствовал некогда свой меч.

Ночь прошла спокойно, хотя Конан почти не спал: все время прислушивался и вглядывался в темноту, пытаясь рассмотреть опасность. За время их отдыха некто, следующий по пятам за путниками, приблизился, но по-прежнему держался весьма осторожно и не показывался на глаза.

Он стал замечен только к полудню. Неожиданно Фридугис заметил между деревьями странное свечение. Такого здесь быть не должно было: ни озера, ни реки поблизости они не встречали. И тем не менее блики отраженного света бегали по стволам, по мясистым лепесткам цветов и широким темно-зеленым листьям.

Затем до их слуха донесся гул. Как будто некто колотил в барабан. Очень большой, широкий, туго натянутый барабан. Эти звуки напоминали те, что издают боевые барабаны кочевников перед началом сражения. Они проникают в плоть и кровь, они просачиваются в самый костный мозг и наполняют души и тела воинов поистине звериной яростью.

Тум. Тум. Тум.

Конан не стал тратить время на то, чтобы пожимать плечами, произносить «Я же предупреждал» или торжествовать при виде растерянного лица Фридугиса. Да, киммериец оказался прав. Но от этого никому не было легче.

Конан с тихим шорохом обнажил меч. Фридугис взялся за кинжал. Только Сканда почему-то оставался невозмутимым. Он видел, что его спутники встревожены, но, казалось, не понимал, в чем причина их беспокойства. Сканда вертелся на месте, озирался по сторонам, быстро и мелко пожимал плечами, бил себя руками по бокам и вообще всем своим видом показывал, что оснований для паники нет решительно никаких и что надлежит как можно скорее продолжить путь.

Тум. Тум. Тум.

Вот между стволами появился золотой блеск. Теперь это были уже не отраженные блики, а настоящий металл.

Он сверкал, как будто бы весь был облит льющимся с небес светом.

Путешественники застыли на месте, не в силах оторвать глаз от поразительного зрелища.

Огромный медный идол двигался через джунгли. Это был настоящий вендийский бог, с шестью огромными мясистыми ручищами и толстенными ножищами. Крупные жировые складки покрывали бедра и живот, конусовидная прическа венчала голову. Неестественно длинные мочки ушей свисали почти до самых плеч. Точнее, только одного уха: когда божок повернул голову, стало очевидно, что другого уха у него не имеется.

Статуя была живая. Ее ноги медленно переставлялись одна за другой. Гудящие ступни и издавали этот звук, напоминающий гром барабанов. Земля под ними содрогалась, такой тяжелой была поступь медного бога.

Голова с высокой прической задевала ветви деревьев. Тщательно выполненные из эмали глаза медленно вращались в орбитах, медные ноздри раздувались, словно они и впрямь втягивали в себя воздух, хотя, подумал Конан, скорее всего, это была просто обычная для данного существа мимика.

Шесть рук медного божества были всего занятнее. Они непрерывно двигались и как будто жили собственной жизнью. Одна играла маленьким барабанчиком, вертя его между пальцами, другая непрерывно меняла положение пальцев, как будто хотела таким образом что-то рассказать окружающим, — подобным же способом

беседуют глухонемые, — третья все время прикасалась к листьям и пробовала их на ощупь, четвертая ковыряла в ухе, в глазах, ощупывала складки на теле, и создавалось впечатление, будто эта четвертая рука проверяет, все ли части медного тела на месте. Верхняя пара рук тянулась навстречу застывшим людям.

— Бежим! — крикнул Фридугис.

И все трое путников пустились наутек.

Они мчались не разбирая дороги. Идол следовал за ними. Они слышали за спиной его тяжелую поступь. Он не бежал, он даже не прибавил шага. Просто продолжал переставлять свои огромные ножищи.

Тум. Тум. Тум.

Непрерывно. Неотступно.

Проклятье, это никогда не закончится! Сканда может забраться на дерево — вряд ли чудовище достанет его. Фридугиса защитит Кали. Конан вполне верил в это.

Сражаться с монстром придется киммерийцу.

У Конана еще не сложился отчетливый план предстоящей битвы. Выходить один на один с чудовищем, которое сделано из огромного куска меди, — такого киммерийцу еще не доводилось. Меч здесь бессилен. Нужна какая-нибудь хитрость.

Тем временем медный идол начал уже наступать на них. Они не могли бежать достаточно быстро. К тому же густые заросли мешали их продвижению.

Неожиданно впереди разверзлась пропасть.

Джунгли резко обрывались. Дальше была река. Она прогрызла в мягкой вендийской почве глубочайшее ущелье и бежала по ложу, выложенному камнями. Ущелье было в пятнадцать человеческих ростов глубиной и в три полета стрелы шириной. За ущельем начиналось плато, также заросшее лесом.

Путники побежали по краю ущелья, надеясь на чудо. Либо где-нибудь отыщется переправа, либо рано или поздно они найдут способ нырнуть в джунгли и сбить монстра со следа.

И точно. Не успели они пробежать расстояние в несколько полетов стрелы, как Фридугис заметил впереди спасение.

Сплетенный из лиан мост висел над бездной. Он соединял джунгли и плато. Издалека он казался тонкой, ненадежной нитью. Но это была нить к спасению.

Конан мгновенно принял решение.

— Мы переберемся на ту сторону. Идол наверняка пойдет за нами. Мост обрушится, и чудовище упадет на острые камни. Почти наверняка он разобьется. И даже если он не погибнет от этого падения, то будет достаточно искалечен для того, чтобы утратить возможность двигаться. Больше он не сможет преследовать нас, и мы будем спасены!

— Отличный план, — одобрил Фридугис.

Сканда посмотрел на Конана со странной ненавистью в глазах, однако промолчал и стрем-

глав побежал к мосту. Двое приятелей последовали за ним.

Для того, чтобы ступить на навесной мост, требовалось немалое мужество. Над пропастью раскачивалась такая хрупкая переправа, что дух захватывало. Первым пошел Сканда. Более тяжелые бритунец и киммериец следили за ним, оставаясь на берегу.

Тум. Тум. Тум.

Чудовище неуклонно приближалось. Следовало торопиться.

Сканда пробежал через мост, точно птица, почти невесомый. Фридугис усмехнулся. Конан видел, что бритунцу по-настоящему страшно. Выражалось это, правда, лишь в том, что Фридугис сильно побледнел, и на лбу его выступили крупные капли пота.

— Надейся на Кали и ее защиту, — подбодрил его Конан. — Авось мост выдержит. Торопись. Мне идти последним, и я не хочу провалиться в пропасть вместе с монстром.

— Ты прав, — просто отозвался Фридугис и ступил на мост.

Он шел медленнее, чем хотелось бы Конану, тщательно выбирая, куда ставить ногу. На середине моста Фридугиса вдруг охватила крупная неудержимая дрожь. Он вцепился обеими руками в плетеное ограждение и затрясся. Ноги его ходили ходуном, и мост под ним раскачивался все сильнее и сильнее. Конан понимал, что еще немного — и вся конструкция обвалится. Требо-

валось немедленно вывести Фридугиса из состояния паники.

Киммериец видел, что Фридугис окончательно утратил власть над собой. Его тело больше не повиновалось разуму. И хотя рассудок у Фридугиса был замечательный — тренированный ум, блестящая память, — но сейчас все это не имело ни малейшего значения.

Фридугис превратился в комок дрожащей от смертного ужаса плоти.

Конан подобрал камень, тщательно прицелился и бросил. Удар пришелся Фридугису в плечо. От острой неожиданно боли Фридугис содрогнулся. Дрожь прекратилась, мост начал успокаиваться у него под ногами. Второй пущенный киммерийцем камень угодил бритунцу в поясницу. Фридугис громко вскрикнул. Конан, однако, не собирался останавливаться. Третий камень просвистел мимо уха Фридугиса, четвертый снова попал в плечо, угодив едва ли не туда же, куда и первый.

Фридугис быстро побежал вперед по мосту, спасаясь от каменного града. Его тело забыло о смертном ужасе, о страхе высоты, о ненадежной опоре под ногами. Его тело желало избавиться от острой жалящей боли. Оно торопилось оказаться там, куда камни не долетят.

И в конце концов Фридугис благополучно перебрался на каменное плато. Мост был пуст и свободен. Конан, не медля ни мгновения, ступил на переправу.

Тум. Тум.

Идол был уже совсем близко. Киммериец не шел, а бежал по мосту. Он был тяжелее, чем его предшественники, и понимал, что сильно рискует, но выхода другого не оставалось. Несколько раз Конан оступался, палочки, составлявшие настил моста, осыпались в пропасть. Времени обочиваться у Конана не было. Он слышал шаги медного монстра у себя за спиной, и это гнало варвара вперед быстрее, чем целый рой злобных жалящих пчел.

Идол остановился на краю пропасти и установился на мост и бегущего по переправе человека. Фридугис, уже почти совершенно оправившийся после пережитого ужаса, созерцал чудище с каким-то болезненным любопытством.

Выразительные эмалевые глаза идола следили за Конаном. Фридугису, как ни странно, не показалось, что идол выглядит злобно или разгадывает киммерийца с плотоядным интересом. Вовсе нет. Скорее, идол выглядел печальным и чуть заинтересованным.

Затем, влекомый мощной силой, которая заставляла его преследовать сквозь джунгли троих людей, идол поставил ногу на мост.

Конан ворвался на плато вихрем. Он тяжело дышал и старался не встречаться глазами с Фридугисом. Варвар и сам перепугался не на шутку, хотя это был не парализующий и не унижительный страх; то было чувство, которое, скорее, можно назвать инстинктом самосохранения. Чувст-

вом, которое ни в коем случае не затмевало способность здраво рассуждать и принимать мгновенные и спасительные решения.

Идол прошел по мосту несколько шагов. Мост скрипел, напрягаясь под тяжестью громадного медного тела.

Фридугис не без стыда понял, что веревки, сплетенные из гибких лиан, гораздо прочнее, чем предполагал бритунец. Они не порвались даже под тяжестью медного истукана.

Мост прогибался все глубже. Скрип веревок был таким громким, что напоминал человеческий стон. И вдруг все закончилось. С оглушительным грохотом веревки порвались. Мост лопнул, и медное чудовище безмолвно полетело в пропасть.

Огромное сверкающее тело пронеслось по воздуху, и Конану на миг показалось, что это божество упало с небес по собственной воле. Вот сейчас, оттолкнувшись от земли, оно взмлет в воздух и полетит...

Но ничего подобного, разумеется, не произошло. Раздался ужасающий грохот. Вода в далекой реке вскипела мириадами пронизанных золотым светом искр. Монстр упал с высоты и остался лежать неподвижно. Река с громким журчанием бежала по его медному телу.

Все было кончено.

Конан долго еще смотрел на неподвижную медную громадину. Вдруг ему подумалось, что теперь им будет не хватать этого постоянного

«тум, тум, тум» за спиной. Как будто медное существо подгоняло путников и помогало им не сбиться с пути. Во всяком случае, их решимость двигаться вперед и только вперед была отчасти спровоцирована именно этим преследователем.

Шесть рук божка были нелепо раскиданы в стороны. Одна серьезно пострадала: от нее отбилась указательный палец, и еще два были сильно погнуты. Барабанчик, который одна из рук вертела постоянно между пальцами, отлетел в сторону, и на него тотчас уселась любопытная тонконогая пичуга с длинным изогнутым клювом.

Вода немного успокоилась, взбаламученная падением огромного туловища, и теперь с легкостью преодолевала новую преграду. Она весело взбиралась наверх, на выпученный медный живот, и оттуда низвергалась небольшим водопадиком.

— Ну вот и все, — промолвил Фридугис. — Монстр нам больше не опасен.

Сканда захлопотал, запрыгал, быстро жестикулируя. Казалось, он только теперь понял смысл происходящего. Он подбежал к самому краю обрыва и уставился на упавшего монстра. Затем обернулся к своим товарищам по путешествию и громко заверещал. Безумец терзал свои волосы и вопил что-то непонятное, после чего, так же внезапно, бросился бежать.

— За ним! — скомандовал Конан.

И они с Фридугисом припустили следом за Скандой. Почему-то на душе у Конана было

весело. Это веселье он никак не связывал с тем обстоятельством, что им все же удалось перехитрить и вывести из строя медного божка. В конце концов, это существо, как оказалось, не отличалось большой сообразительностью. Обдурить такого — много ума не требуется. Нет, Конан чувствовал, что их путешествие приближается к концу. А конец подобного странствия — это всегда последнее испытание и финальный триумф!

Киммериец предвкушал, как они отыщут горы самоцветов из числа тех, что не особенно нужны богине Кали. Когда они возвратят этой капризной и грозной даме ее возлюбленный алмаз — третий глаз, — она (как сильно надеялся киммериец) закроет все три своих глаза на невинную кражу. И Конан уйдет из Вендии богатым.

Он выберется в какой-нибудь большой город. Купит там лошадь. И отправится верхом в Шадизар, где к его услугам будут лучшие кабаки, веселые красавицы и все те немыслимые развлечения, какие только доступны в Шадизаре человеку с деньгами...

Стоп. Лошадь.

Конан с подозрением уставился на Фридугиса. После всех треволнений, какие пережил киммериец, превращенный в монстра и затем исцеленный Фридугисом, после долгого рассказа об алмазе, о свойствах богини Кали, о злоключениях всех, кто когда-либо владел чудесным камнем, — после всего этого Конан напрочь забыл об одной детали.

А именно: ведь у Фридугиса прежде была собственная лошадь! Интересно, куда он ее подевал? Когда Конан очнулся в хижине бритунца — и когда происходила вся эта крайне неприятная история с хвостом, — никакой лошади не было уже и в помине.

Конан вдруг расхохотался.

Фридугис уставился на него с подозрением.

— Что это ты так развеселился, киммериец? По-моему, твое веселье имеет весьма неприглядное происхождение.

— Ну, это как посмотреть... — Конан фыркнул. — Значит, те припасы, коими ты поражал мое воображение, когда мы встретились на окраине Рамбхи, ты украл, да, Фридугис?

— Разумеется, — с достоинством отозвался бритунец. — Я их стырил, как это принято говорить в воровских кругах. Утащил и спер у этих недостойных жителей Рамбхи, которые пренебрегают законами гостеприимства. Точнее, которые простирают эти законы лишь на себе подобных, в то время как достойные чужаки...

— Остановись, — предупредил его Конан. — Я тогда был слишком болен, чтобы догадаться, а ты, вероятно, намеревался произвести на меня впечатление. Так?

— Не возьму в толк, о чем ты говоришь, любезный варвар, — холодно произнес Фридугис. — Все обстояло именно так, как я имел честь тебе рассказывать. Недостойные граждане Рамбхи отказали мне в приюте, поэтому я был вынужден...

— Ты обменял свою лошадь на припасы, — сказал Конан обвиняюще. — Вот как ты поступил. Я должен был догадаться раньше. Но слишком уж много всего навалилось! И я проглотил твою ложь вместе с твоими лепешками... Глупо.

— Ну, возможно, — не позволил себя смутить Фридугис. — Возможно, я оставил свою добрую лошадку у этих людей. Кто-то же должен был о ней позаботиться! Я нарочно выяснял обычаи этой страны. Здесь никому не придет в голову обидеть лошадь, не говоря уж о том, чтобы съесть ее. В то время как ты, дорогой Конан, вполне в состоянии сожрать даже лошадь, если будешь голоден. Тем более, если учесть некоторые особенности твоего... э... состояния... в тот момент, когда мы снова встретились, к моему великому удовольствию... Словом, я счел, что лошади будет безопаснее в Рамбхе. Подальше от тебя.

— Понятно, — хмуро сказал Конан.

— Ты как-то похвалялся своим умением добывать денежные средства и продукты, — продолжал бритунец, — вот я и решил, что честная сделка с жителями Рамбхи будет иметь в твоих глазах весьма некрасивый вид, в то время как якобы совершенная мною кража вызовет твое живейшее сочувствие. Я хотел, чтобы ты уважал меня, Конан! Вот чего я добивался своей невинной ложью.

— Ладно, — Конан махнул рукой. — В конце концов, не так уж это важно... Ты правильно

поступил, избавившись от лошади. Нам бы пришлось бросить ее в джунглях.

Фридугис вздохнул с явным облегчением.

— Рад, что ты счел меня достойным своей дружбы. И... — Было очевидно, что Фридугису трудно продолжать, однако он через силу все же договорил до конца: — Я признателен тебе, Конан, за то, что ты спас меня там, на мосту. Без тебя я бы до сих пор трясся, глядя вниз, в пропасть.

— А, — отмахнулся Конан с небрежным видом, — ничего особенного.

Фридугис покраснел:

— Моя жизнь — это, по-твоему, «ничего особенного»?

Конан удивленно посмотрел на него.

— Кто говорит о твоей жизни? Я имел в виду свое деяние. Мой друг, один глубокоуважаемый кхитайский философ, говорит: «Один-единственный, даже самый маленький камень способен сдвинуть горы. Нужно только понять, куда его положить или откуда его взять». По этому поводу он рассказывал одну притчу. Предположим, у нас имеется гора камней. Если взять один камешек сверху, то гора останется прежней. Но если вытащить камень снизу, то гора обрушится...

— Да избавят меня Митра от киммерийского горца, рассказывающего кхитайские притчи! — воскликнул Фридугис с дурашливым ужасом.

Конан оглушительно расхохотался, а Фридугис дружески хлопнул его по плечу.

И тут они увидели Сканду. Безумец бежал не с той стороны, куда он удалился, а с противоположной, как если бы он описал круг.

— За нйм! — азартно предложил Фридугис.

И приятели рванулись следом за Скандой.

Тот скакал, высоко задирая ноги и размахивая тощими черными руками. Время он времени он задирает голову и оглашал окрестности пронзительным птичьим воплем, а затем вновь принимался бежать.

Он несся, держась края пропасти. Друзья следовали за ним шаг в шаг. И вскоре худшие подозрения Конана подтвердились. Плато, на которое они забрались, убегая от монстра, представляло собой большую скалу, торчащую посреди равнины, точно последний зуб в десне старика. Оно имело вид ступы. Все его стены отвесно обрывались вниз. Река огибала плато со всех сторон. Она обвивала каменное подножие этой скалы, а затем уходила дальше, и ее змеиный хвост терялся в джунглях.

Зеленое море расстиралось вокруг скалы, куда ни бросишь взгляд. Изредка между листьями поблескивала вода — там текла все та же река.

— Странное место, — проговорил Фридугис, оглядываясь вокруг. — Для чего же сюда вел мост? Здесь должно что-то находиться.

Сканда продолжал бегать кругами. Оба приятеля давно уже сидели, пытаясь осмыслить положение, в которое угодили, а Сканда все бежал и бежал. Наконец, совершенно лишившись сил,

безумец повалился на землю и уставился на своих спутников умирающими глазами.

— Сплетем веревку из лианы, — предложил Конан. — Этого добра здесь растет предостаточно. Время у нас есть. Сделаем лестницу и спустимся вниз.

— Я был уверен, что какой-нибудь выход обязательно найдется, — сообщил Фридугис. — Передохнем — и за работу.

На том они и порешили.

Глава восьмая

Гибель селения людоедов

Конана не переставал удивлять Фридугис. Таких деятельных людей киммериец встречал довольно редко. Обычно спутники варвара сдавались перед напором жизненных трудностей. Даже самые лихие воины начинали ворчать, все более активно проявляя недовольство. Таким способом они старались скрыть то нехитрое обстоятельство, что ситуация становилась для них невыносимой, и они готовы вот-вот сдаться.

Бритунец же, хоть и не был воином, а являлся избалованным аристократом, не ворчал и даже не помышлял о сдаче. Еще чего не хватало! Оставаясь бодрым и жизнерадостным, он всем своим видом показывал Конану, что готов переносить тяготы их путешествия наравне с могучим варваром.

Они вместе нарезали гибких лиан и взялись за дело. Конан показал бритунцу, как сплести веревку, и тот принялся за работу с таким

видом, будто зарабатывал на жизнь подобным ремеслом.

Конана немного позабавило это обстоятельство. «Аристократ должен уметь позаботиться о себе сам, даже в отсутствие рабов» — так, кажется, выразился Фридугис несколько дней назад. Забавное утверждение. Интересно, что сказал бы по этому поводу какой-нибудь изнеженный, разжиревший султанапурский властитель? Ха-ха, забавно будет увидеть его физиономию!

Конан фыркнул, представив себе гримасу, которая появилась бы на пухлом лице подобного аристократа.

Фридугис весело принялся напевать солдатскую песню,

Конан не выдержал:

— Чему ты радуешься?

— А разве у меня есть повод огорчаться? — удивился Фридугис. — Станный ты человек, варвар. Мы спаслись от медного идола, хотя, казалось бы, наша гибель была неизбежна. Мы забрались на это плато, но скоро спустимся вниз и пойдем дальше. Мы избавимся наконец от проклятого алмаза, зато отыщем гору других сокровищ, вполне безопасных. А потом вернемся домой и проживем по-человечески! К тому же я предвкушаю работу над трактатом. О путешествиях зачастую интереснее вспоминать, нежели переживать их.

— А, — сказал Конан, стараясь говорить безразличным тоном.

— Ты разве не знал? — Фридугис хмыкнул. — Большинство людей вообще предпочитает слушать о приключениях, не вставая с собственного ложа. Для того и прикармливают в замках всяких сказителей и бродячих менестрелей.

— Конечно, — отозвался Конан. — Что до меня, то я предпочитаю добрую схватку на мечях бредням о чужих похождениях. Во-первых, терпеть не могу слушать, как другие хвастают. Во-вторых, почти все в этих рассказах вранье. И в-третьих, у сказителей всегда противные голодные глаза: так и шастают по сторонам, прикидывая, что бы украсть. Не замечал? Это оттого, что все кругом жуют, пока они рассказывают свои байки. Ну и, разумеется, такой сказитель разливается о сражениях, красавицах, чудовищах и драгоценностях, а в голове у него одно: «Лишь бы до той оленьей ляжки не дотянулись, проклятые обжоры! Неужто мне ничего не оставят закусить? Не видят разве, человек голоден!»

Фридугис засмеялся.

— Так ведь сказителей сперва кормят, а уж после заставляют рассказывать!

— Ну и что? — Конан выглядел искренне удивленным. — Это же ненасытные утробы! Им бы только жрать да жрать... Уж поверь мне, с таковыми имел дело. Нет, когда я стану королем, никаких сказителей при моем дворе не будет. Без вранья, без краж, без обжорства попусту... Словом, все строго — и одна только правда.

— В таком случае, ты войдешь в историю как самый жестокий тиран из возможных, — заявил Фридугис. — Ты отбираешь у людей возможность мечтать.

Конан поморщился так, словно проглотил нечто тухлое.

— Только не говори мне, что из мечтателей вырастают герои! Из мечтателей вырастают мечтатели, а героям мечтать некогда — они действуют.

— Ты неисправим, — махнул рукой Фридугис, который как раз хотел сказать киммерийцу о том, что мечта порождает героя.

Впрочем, непоколебимый прагматизм варвара менее всего располагал к унынию. Конан был из тех, кто переделывал мир под себя, если его вдруг что-то переставало устраивать.

И вскоре ему пришлось в очередной раз доказывать это на деле.

Лестница была готова уже на треть, когда начались неприятности.

Сперва их приближение ощутил Конан. На сей раз, к счастью, никакой магии поблизости не было: противник, который выслеживал незваных гостей на плато, не принадлежал к потустороннему миру. Это были люди.

Да — но на редкость неприятные люди. И самое в них неприятное заключалось в том, что их было очень много, не менее пятидесяти человек.

Казалось, джунгли внезапно разродились целым роем полуобнаженных темнокожих дика-

рей. Еще мгновение назад царил полная тишина, птицы мирно чирикали в вышине, и насекомые летали над цветами. И тотчас все изменилось. На поляну выскочила орда размалеванных воинов. Перья торчали в их прическах: их густые черные волосы были вымазаны глиной и уложены в высокий конус на макушке. Истыканный перьями, этот конус был, кроме того, щедро раскрашен красным, белым и синим цветами.

Лица напоминали о смерти: белые линии придавали им сходство с оскаленными черепами. Тело-«скелет» прикрывали расшитые бисером набедренные повязки, под коленями имелись браслеты со свисающими ремнями, перьями, кусочками меха. Ноги воинов были босы.

Эти люди вооружились копьями с острыми и длинными роговыми наконечниками. Обступив чужаков, они угрожающе трясли копьями и что-то выкрикивали.

Фридугис встал и развел в стороны руки, показывая, что он безоружен и что намерения у него самые мирные.

Этот обычный и всем понятный жест почему-то страшно разозлил дикарей. Они разразились воплями на все лады и еще сильнее затрясли оружием.

Внезапно в воздухе свистнуло копье. Конан едва успел толкнуть своего товарища в сторону, иначе копье, брошенное дикарем, пронзило бы грудь бритунца.

— Проклятье! — вскричал Фридугис. — Кажется, они намерены нас убить!

— Вот именно, — хмуро кивнул варвар, обнажая меч. — Доставай кинжал. Постараемся продать нашу жизнь подороже.

— Постой! — воскликнул Фридугис, тщетно пытаясь задержать варвара. — Не нападай на них! Если ты убьешь хотя бы одного, они нас не пощадят.

— Они не пощадят нас в любом случае, — возразил Конан, вырываясь. — Но если я уничтожу хотя бы парочку этих гадин, они будут, по крайней мере, нас уважать.

— Плевал я на их уважение! — заорал Фридугис. — Может быть, удастся их уговорить!

— Не мешай! — заревел Конан. Он стряхнул с себя руку Фридугиса и бросился в атаку.

Первым же ударом он перерубил ближайшего к нему дикаря пополам. Брызнула кровь. Конан оскалил зубы и, испустив яростный воинственный клич, накинулся на следующего врага.

Копье, нацеленное в живот киммерийца, переломилось, как хворостинка, под ударом мощного меча. Испуганный дикарь отскочил, но было поздно: сверкнув в воздухе, меч описал дугу и опустился на худую черную руку. Отчаянно закричав, дикарь повалился на землю. Фонтаны крови хлестали из его разрубленной конечности.

Конан ревел, как дикий зверь. Никто не смел больше приближаться к нему. Дикари, ошеломленные этим яростным натиском, отступили.

Должно быть, Конан показался им демоном, кровожадным чудищем, которое выбралось из самого сердца джунглей, дабы собрать свою ужасную жатву.

Киммериец откинул голову назад и громко расхохотался. Фридугис поежился. Смех этот звучал зловеще.

— Кром! — закричал Конан, обращаясь к дикарям. — Что, не смеете поднять на меня руку? Идите сюда! Идите! Я убью вас всех!

Они топтались теперь на почтительном расстоянии от него, однако не переставали размахивать копьями, подпрыгивать, сильно ударяя большими плоскими ступнями о землю, и выкрикивать отрывистые угрозы. Конан сделал движение, как будто намеревался снова напасть на них. Они загорланили и отбежали подальше, но затем снова остановились.

Конан повернулся к ним спиной и гордо зашагал прочь. И в этот миг сверху, с деревьев, на него упала сеть. Конан закричал от гнева и попытался вырваться, но сеть оказалась достаточно прочной. Десятки дикарей разом набросились на киммерийца и скрутили его. Они сидели на его ногах, прижимали к земле его руки, голову. Трое были заняты тем, что стягивали веревками щиколотки и запястья.

Фридугис выхватил кинжал. Надежды у него не оставалось никакой. В глубине души он до последнего думал, что Конан одолеет всех, кто напал на путников, или что Сканда неожиданно

придет на помощь своим товарищам. Но Сканда прятался где-то в глубине джунглей, а Конана перехитрили.

Что ж, придется воспользоваться советом киммерийца и продать свою жизнь подороже. Если Кали вздумала бросить хранителя своего алмаза, пусть. Вряд ли эти дикари знают, что означает драгоценный камень, который они найдут в кошеле на поясе убитого ими бритунца.

И Фридугис набросился на врагов первым, не дожидаясь, пока они сомнут его и истыкают копьями.

Яростно крича, бритунец ударил ножом ближайшего, затем слепо нанес еще несколько ударов. Он ощутил, как бронза входит в чужую плоть. А затем все померкло: кинжал вывалился из руки Фридугиса, солнце потемнело перед его глазами, и спустя миг он перестал что-либо чувствовать.

Потеряв сознание от сильного удара по голове, Фридугис повалился на землю рядом со связанным Конаном.

* * *

Пленники очнулись, когда день перевалил за середину. Фридугис открыл глаза и увидел, что он находится в круглой хижине. Сквозь солому проникали солнечные лучи. За плетеными стенами хижины кипела какая-то непонятная жизнь. Раздавались человеческие голоса. Разгова-

ривали между собой в основном женщины. Некоторые смеялись. Изредка доносились и окрики мужчин: судя по всему, женщины занимались какой-то важной работой, а несколько мужчин надзирали за ними и следили, чтобы все совершалось по правилам.

Фридугис попробовал пошевелиться и понял, что он крепко связан. Он повернул голову и увидел Конана. Киммериец, плотно обмотанный веревками, как бы помещенный внутри кокона, лежал на боку и следил за своим товарищем неподвижными, остекленевшими глазами. На миг Фридугису показалось, что Конан умер, таким странным был его взгляд. Но затем он догадался: дикари опоили его каким-то снадобьем, так, что Конан, с одной стороны, жив и невредим, а с другой — не может пошевелить ни единым мускулом.

Интересно, что это за снадобье? Фридугис окликнул своего товарища:

— Конан! Ты слышишь меня? Если да, то попробуй закрыть глаза.

Ресницы киммерийца шевельнулись. Было очевидно: он находится в сознании и понимает все, что происходит вокруг.

— Где мы, ты знаешь?

Конан остался неподвижен. Видимо, он так же далек от понимания ситуации, как и Фридугис.

Неожиданно Фридугис услышал, как трещит хворост. Поблизости разложили большой костер.

Под громкое ритуальное пение прокатили по земле тяжелый предмет. Фридугис собрался с силами, подобрался к щели в стене хижины и выглянул наружу.

То, что он увидел, потрясло его. Сотни обнаженных дикарей, раскрашенных, одетых в праздничную одежду из перьев, листьев, цветов и кусочков меха, бродили по поляне. Все хижины их поселения были убраны гирляндами, как будто здесь готовились к великому празднеству. В центре поляны пылал гигантский костер. Десятки женщин хлопотали возле него: они приносили дрова, рубили их, подкладывали в огонь. Все они громко распевали.

Женщины этого племени показались Фридугису особенно безобразными. Они были толстыми, распухшими, с выпученными животами и длинными, висящими едва ли не до пояса грудями. Их черные волосы были вымазаны салом и скручены в косицы, а плоские лица раскрашены красными полосами. Красным же были обведены и их глаза, в то время как губы имели ярко-синий цвет.

— Глядя на них, и впрямь поверишь в существование демониц, — пробормотал Фридугис. — Для чего же им такой здоровенный костер? Неужто будут сжигать тела своих убитых? Сколько мы уничтожили их, Конан? Двоих? Трех?

Он помолчал, зная, что киммериец все равно не сможет ему ответить. Затем продолжил рассуждать:

— Не пойму, что за штуку они катят по земле... Скорей бы уж вывернули из-за стволов и выкатили ее на площадь!

И тут наконец Фридугис увидел, что за странный предмет волокли дикари к своему костру.

Это был огромный котел, выплавленный из меди. Он был очень старым, позеленевшим от времени. Внешняя его сторона была закопченной, но ушки котла и внутренность его имела зеленый оттенок. Видимо, дикари отыскиали этот предмет где-то в заброшенном городе или старинном храме, какие можно случайно найти в вендийских джунглях.

Фридугис ни на мгновение не мог бы поверить в то, что это лютое полуговое племя в состоянии было выплавить подобный котел само. Нет, они его утащили!

Котел под громкое ритуальное пение установили на кострище. По цепочке начали передавать воду в кожаных бурдюках. Попадая в котел, вода принималась шипеть. Стенки котла нагрелись быстро.

— Они хотят вскипятить полный котел воды, — сообщил Фридугис Конану.

Конан шевельнул губами. Яд прекращал свое действие. Видимо, дикари плохо рассчитали дозу, поскольку прежде никогда не имели дело со столь могучими воинами, как киммериец.

Фридугис велушался в шепот Конана, а расслышав, похолодел:

— Это людоеды... Вода — для нас... Вопрос только в том, убьют они нас прежде, чем съесть, или сварят живыми...

— Так вот почему они не убили нас там, в джунглях! — воскликнул Фридугис. — Они намеревались дотащить нас сюда. Погода жаркая — мы бы успели протухнуть до того, как они начнут свою жуткую трапезу.

Конан криво дернул углом рта. Фридугис понял, что это — улыбка. Бритунцу окончательно стало не по себе. Мгновение он не сомневался в том, что Конан утратил рассудок.

— Что с тобой, киммериец? Чему ты веселишься?

— Фантазия... — сказал Конан. — Неплохо, да?

Фридугис закачался, сидя на земляном полу хижины.

— Ты убиваешь меня, Конан! Разве сейчас время шутить?

— Это не шутки...

Фридугис в отчаянии закричал:

— Кали! Злая мать! Черная богиня! Почему ты оставила меня погибать здесь? Смотри, у меня твой алмаз! Неужели ты думаешь, черная мать, что эти людоеды сумеют возвратить тебе твое достояние? Помоги мне!

— Нам... — вставил Конан.

Фридугис густо покраснел. В своем ужасе он совершенно забыл о том, что в мольбу, обращенную к злой богине, необходимо вставить второе имя.

И бритунец быстро добавил:

— Помоги мне и Конану, черная богиня, потому что без Конана я не справлюсь с моей задачей! Освободи нас обоих от власти людоедов-дикарей, и мы вернем тебе алмаз, Кали!

— Остается только ждать, — шепнул Конан. — Хотел бы я посмотреть, как она нам поможет.

— Разве твой бог Кром не помогает тебе? — удивился Фридугис. — Лично я не раз видел, как божество снисходит к людям и помогает им.

— Ну да, — сказал Конан, болезненно криясь. — Но только не Кром. Я уже говорил тебе. Кром дал мне все, что мне потребно, а уж как я справлюсь — дело мое.

— Кстати, раз уж ты заговорил, — произнес Фридугис, — что это был за яд, которым тебя опоили?

— В одной из хижин они держат огромного паука, — сказал Конан. — Он размером с теленка, не меньше. Такие на воле, в лесу, не встречаются. Сперва я решил было, что это магия, но — нет. Это чудовище — естественного происхождения. Просто-напросто они взяли паука из леса и выкормили его особыми травами и мясом. Мне охотно рассказал об этом их жрец.

— Ты понимаешь их язык? — поразился Фридугис.

— Совсем немного... Достаточно, чтобы разобрать кое-какие слова. Остальное они дополнили жестами.

— Странно, — промолвил Фридугис. — Странно, что они снизошли до бесед с пленником.

— Напротив, они были очень довольны, что имеют такую возможность, — возразил Конан. — Я доказал им, что являюсь могучим воином. Они завладели мной. Это стало предметом их гордости. Они готовы были рассказывать мне решительно все, на что я ни показывал пальцем. Из этого паука они добывают яд, чтобы опоить жертву. Нас, полагаю, сварят живьем. И яда не дадут, чтобы мы в полной мере ощутили пытку. Иначе это будет лишено смысла. Мы ведь оба — великие воины, так что нам оказывают особую честь. А меня опоили, чтобы я не сбежал раньше времени. Они очень, очень уважают меня.

Закончив эту тираду, Конан усмехнулся. Улыбка его вышла менее кривой, чем прежде. Яд действительно заканчивал свое действие.

— Попробуем освободиться хотя бы от веревки, — предложил Фридугис.

— Согласен.

Конан начал извиваться, чтобы ослабить путы. Фридугис последовал его примеру, дергая руками и ногами. Затем он почувствовал прикосновение и вздрогнул от неожиданности.

— Сиди тихо, — велел Конан.

Он подобрался к бритунцу и начал крепкими зубами перетирать веревки, стягивающие запястья пленника. Скоро Фридугис почувствовал, как хватка петли слабеет. Он еще несколько раз дернул руками, веревка поддалась и лопнула.

— Отлично, — прошептал он.

В этот миг в хижину вошла женщина.

Она была еще совсем молода. Ее грудь не обвисла, а горделиво торчала, темные соски глядели прямо на пленников. Живот ее, правда, был выпучен — его раздуло от трав, которыми она питалась постоянно. Плоское лицо этой женщины было размалевано, так же, как и у ее товарища, и выглядело достаточно отталкивающим. Тем не менее по ее манере держаться Конан видел, что эта молодая женщина считается среди своего племени весьма привлекательной.

Что ж, возможно, им удастся воспользоваться этим.

Женщина поставила перед ними кувшин с молоком.

— Вы должны пить, — показала она жестами.

— Ну да, чтобы быть вкуснее, — проворчал Конан. — Я знаю гурманов, которые пускают рыбу плавать в молоке прежде чем зажарить. Очень нежное мясо получается.

Женщина шутливо погрозила Конану пальцем. Затем она повернулась к обоим пленникам спиной и, задрав свою набедренную повязку, продемонстрировала черный блестящий зад. После чего горделиво удалилась.

— Ну? — сказал бритунец. — Какова? Что она хотела этим выразить?

— Полагаю, она заигрывала с нами, — сказал Конан. — Мы ведь не просто пища. Мы — ритуальная пища. Нам будут сейчас показывать

женщин, чтобы мы возбудились и чувствовали себя крепкими мужчинами. Нас начнут поить молоком или укрепляющими травами. Иначе наша плоть будет бесполезна для племени.

— Пожирая пленников, они рассчитывают завладеть их силой? — уточнил Фридугис.

Конан насмешливо сощурился.

— Естественно. Ты читал об этом в манускрипте?

— Естественно...

Фридугис вздохнул, очевидно, сожалел о том мире, где существует спокойное чтение, а затем принялся стягивать путы со своих ног.

С веревками, оплетающими могучее тело киммерийца, пришлось повозиться изрядно. Дикари навязали множество узлов, видимо, вкладывая в каждый из этих узлов особенное заклинание, дабы мощный пленник оставался неподвижным до того времени, когда настанет пора совершать ритуал.

Но никакие заклинания не устояли: веревки пали, и киммериец наконец смог расправить руки и ноги. Он яростно растирал их, чтобы восстановить кровообращение, и наконец почувствовал, что силы вернулись к нему вполне.

— Ну вот, теперь пусть только попробуют подойти ко мне! — воскликнул он и захохотал, предвкушая славную битву.

Фридугис понял, что его спутник совершенно не страшится возможной близкой смерти. Что ж, подумал бритунец несколько уныло, вероятно,

это единственный способ сразиться с врагом, который превосходит тебя по численности в десять раз. Забыть не только о том, что ты можешь умереть, — забыть даже о том, что ты можешь потерпеть поражение, и просто биться до последнего.

Потому что сдаваться без боя не хотелось ни одному, ни другому.

Когда за пленниками явились, они уже были готовы к битве. Двое воинов, вошедших в хижину в самом начале сумерек, остановились, недоуменно озираясь по сторонам. Они не увидели Конана на том месте, где он должен был находиться. И пока воины оборачивались, дабы выяснить, куда подевался наиболее ценный пленник, Конан бесшумно поднялся с пола (он сидел на корточках возле входа, набросив на себя циновку, которая в сумерках почти совершенно сливалась с плетеной стеной хижины). Не успели воины-дикари понять, что происходит, как Конан уже схватил их за шеи и столкнул лбами.

Раздался ужасный звук — как будто раскололись две тыквы. С разбитыми головами и свернутыми на сторону шеями воины рухнули на земляной пол. Конан отобрал у них копья и безмолвно потряс оружием в воздухе.

Он двигался ловко и грациозно, несмотря на свои огромные размеры. Фридугис невольно залюбовался им.

— Пора! — сказал Конан. И скользнул за дверь.

Фридугис последовал за ним.

Их встретили сумерки. Костер, разложенный посреди поляны, пылал ярко, и ослепительный оранжевый свет пламени контрастировал с синими джунглями, подступившими к деревне людоедов.

Люди с жутко разрисованными лицами толпились возле костра. Все в них выдавало острейшее нетерпение: их позы, отрывистые реплики, которыми обменивались они, громкий нервный смех. Некоторые женщины, не выдерживая напряжения, вдруг принимались визжать и терзать свои груди, одна яростно царапала себе лицо и верещала оглушительно, как разгневанная мартышка. Никто не препятствовал этим проявлениям эмоций: очевидно, подобное считалось среди людоедов в порядке вещей.

Появление пленников вызвало общий рев восторга. Дикари не сразу заметили, что пленники показались из хижины без сопровождения воинов и что они, более того, не связаны, а у Конана в руках копья.

Испустив яростный боевой клич, Конан метнул одно из своих копий в толпу, и человек в короне из перьев беззвучно повалился на спину. Копье пробило его грудь; бросок варвара оказался таким сильным, что труп пригвоздило к земле.

Общий вздох прокатился по толпе дикарей, а затем смятение сменилось гневом, и людоеды хлынули вперед, норовя смять свою жертву.

Слышно было, как в одной из хижин беспокойно ворочается гигантский паук.

Фридугис не мог бы объяснить, как это вышло, но он действительно отчетливо слышал это — сквозь вопли сотен глоток и топот сотен босых ног. Паук бесился. Он чуял близость добычи. Вероятно, его приучили поедать живое мясо — мошками это гигантское существо явно больше не довольствовалось.

Конан отвлек общее внимание на себя. О Фридугисе, как это ни странно, все забыли. Он стоял как бы в полном одиночестве среди разъяренной, кишащей толпы, и наблюдал за происходящим со стороны.

Эта отстраненность самому Фридугису казалась какой-то неестественной. В самом деле! Ведь решается его судьба, не только судьба варвара-киммерийца, а он созерцает побоище с таким видом, словно рассматривает в замке старинный гобелен с вытканной на нем древней, давно забытой битвой. Кажется, здесь дракон? Очень любопытно. А это кто там, внизу, с пикой? Предок того, кто построил ваш замок? Чрезвычайно интересно... А как его звали? Не помните? Жаль-жаль...

М-да. Что только не лезет в мысли!

Внезапно Фридугис задрал голову к темнеющему небу и закричал:

— Ка-а-ли! Черная мать! Приди!

И вытащив из кошелька алмаз, поднял его вверх, зажав между пальцами.

Красные лучи света вырвались из камня. Они пронзили сумрак, разлились над головами сражающихся. Дикари заверещали от боли. У некоторых начали тлеть, а затем и вспыхнули волосы на голове. Глина, которой дикари обмазывали свою прическу, сыграла с ними дурную шутку: головы людоедов оказались как бы заключенными внутри горшка. Пламя лизало их снаружи и нагревало, так что у некоторых мозги начинали кипеть, и глаза лопались в орбитах, а кожа на лице облезала клочьями.

Зрелище было ужасным. Женщины, не помня себя, набрасывались на упавших и лизали их, торопясь вкусить кровь, которая проступала на телах умирающих. Конан, рыча, как дикий зверь, без устали наносил удары копьем, и каждый новый удар означал смерть новой жертве.

Высоко в небе прокричала птица. Ее пронзительный голос разнесся над плато, как глас надвигающейся смерти: он был одиноким, отчаянным, в нем звучала неотвратимость.

Тум. Тум. Тум.

Приближались знакомые шаги. Они звучали приглушенно, издалека, но с каждой минутой гул делался все более отчетливым. Сомнений не оставалось: медный монстр каким-то образом ожил, сумел подняться и взобрался на плато.

Скоро он будет здесь.

— Кали! — снова закричал Фридугис.

Новый сноп лучей вырвался из камня. На сей раз это были синие лучи. Они разлетелись во все

стороны, и повсюду, где они проходили, оставались белые следы. Инеем покрылись листья и ветви, ледяная корка заpekлась на лицах людей. Они задыхались и кашляли, хватаясь за горло. Их глаза превращались в ледышки, их рты оказывались забиты снегом и льдом. Дикари падали на землю, катались, били вокруг себя руками и ногами и затихали навеки, а лед медленно таял, и из глаз-ледышек вытекали огромные мертвые слезы.

Тем временем между стволами деревьев мелькнуло темно-красное сияние. Медное тело идола отражало яркое пламя костра. Казалось, воплощенный огонь шагает по джунглям. Грозно светясь, чудище появилось на поляне.

В этот самый миг хижина, где бесновался паук, рухнула. Гигантский монстр выскочил оттуда и, приседая на мягких лапах, помчался прямо к месту скопления людей. Из рыхлого брюха, украшенного черным пятном, высовывалось жало. Оно подрагивало на бегу и изгибалось, готовясь нанести первые удары. Жвалы паука шевелились, многочисленные крохотные глазки двигались на маленькой округлой голове. Глазки эти показались Фридугису особенно жуткими. Они глядели по сторонам осмысленно, совершенно по-человечески, и неустанно высматривали себе добычу.

Один из дикарей вдруг закричал отчаянно и громко и подпрыгнул. Жало впилося ему в шею сбоку и приподняло тело несчастного в воздух.

Подвешенный на этом гибком «шесте», он несколько раз качнулся, а затем упал и больше не двигался. Паук, не останавливаясь, пронзил жалом следующую жертву.

Дикари собрались в круг, оцетинившись копиями. Теперь у них было два врага: киммериец и огромный паук. И хоть эти противники и не собирались заключать союз, оба представляли практически одинаковую опасность.

Лучше всего было бы натравить паука на Конана, но эта идея требовала бы ясности ума, бесстрашия и, главное, организованности действий, а дикари, сбившиеся в кучу, не обладали ни первым, ни вторым, ни третьим. Они были попросту перепуганы до полусмерти.

Тум. Тум. Тум.

Новая опасность надвинулась на дикарей из джунглей. Теперь уже хорошо видны были медные руки, раздвигающие в стороны ветви деревьев. Без барабанчика, с погнутыми или отломанными пальцами, эти руки тем не менее сохранили и силу свою, и хватку. Идол неуклонно двигался к своей цели.

Несколько женщин бросились навстречу шагающему монстру и метнулись к нему под ноги. Не заметив их, идол попросту наступил на их простертые на земле тела и раздавил. Фридугис услышал жуткий хруст костей, и бритунца передернуло. Многие он готов был вынести, но не это.

Он отступил назад и схватился за горло, чувствуя, что его вот-вот стошнит. И тут острая

боль пронзила его ногу. Фридугис сразу очнулся от дурноты. Он увидел рядом с собой ужасную образину одного из людоедов: блестящие глаза смотрели прямо на бритунца, а острое копье было направлено ему в грудь. Приплясывая на месте и напевая сквозь зубы монотонную мелодию, воин вгонял себя в ритуальную ярость. Он явно готовился пронзить свою жертву насквозь.

Преодолевая боль от раны в ноге, Фридугис схватился за кинжал и бросился на врага. Людоед явно не ожидал от своей жертвы подобной прыти. Он отскочил, но недостаточно быстро: Фридугис успел полоснуть его по руке.

Как и многие, этот воин был храбр и грозен только перед безоружным противником; получив царапину, он мгновенно утратил все свое мужество и взвыл от боли и обиды. Фридугису почудилось в его вопле что-то детское: так рыдает ребенок, который получил шлепок от своего наставника.

Однако, как бы тот ни плакал, а жалеть людоеда Фридугис расположен не был. Следующий удар кинжала был нацелен дикарю прямо в горло. Ударив, Фридугис отскочил, чтобы его не запачкало кровью.

И тут, подняв голову, он увидел прямо над собой занесенное вверх жало гигантского паука. Монстр избрал бритунца своей следующей жертвой.

Фридугис упал на землю и покатился прочь. Он не успел бы убежать. Тем более, что раненая

нога болела нестерпимо. Паук ударил, и жало его вонзилось в землю.

Паук задрал в воздух две передние лапы и сильно ударил ими — так взбрыкнул бы раздраженный или испуганный конь.

Затем чудовище с неестественной быстротой передвинулось и снова занесло жало над Фридугисом. В последний миг бритунец поднял алмаз Кали и воззвал к грозной богине. Желтый луч вышел из камня и разрезал брюхо паука ровно пополам. Прямо на Фридугиса вывалились внутренности чудища, хлынула зеленоватая зловонная жижа, которая, очевидно, заменяла монстру кровь. Захлебываясь, кашляя и тщетно сражаясь с тошнотой, бритунец попытался выбраться из месива, в котором он внезапно очутился.

Липкая масса облепляла его со всех сторон. «Нет ничего глупее, чем захлебнуться во внутренних частях этой твари, — подумал Фридугис. — Тьфу! Даже в страшном сне мне не могла присниться подобная смерть. Что за ерунда? Неужели бритунский аристократ допустит, чтобы его постигла подобная кончина? Впрочем, — добавил он, желая быть справедливым, — спасение мое зависит сейчас только от меня... А если я и погибну, то никто не узнает, каким образом это произошло. Что ж, хоть малое, но все же утешение».

И с этим он принялся выбираться из жижи.

Тем временем идол добрался уже до толпы людоедов. Невозмутимо, без злобы, но и без

всякого снисхождения, он принялся хватать ди-каррей поперек живота и бросать их в огонь и в кипящий котел. Ночь наполнилась воплями ужа-са и боли. Однако это не могло остановить мед-ное существо. По-видимому, оно не ведало ни сомнений, ни сострадания. Оно знало, что дела-ет, ведь оно — теперь в этом не оставалось ника-ких сомнений, — служило черной матери, Кали.

Идол действовал сразу шестью руками. Каж-дая успевала схватить одного или двух человек и метнуть их в костер. Конан успевал уворачиваться, однако в давке ему никак не удавалось выскочить из толпы перепуганных людоедов.

Теперь уж противникам Конана было не до того, чтобы пытаться сокрушить варвара. Каж-дый стремился спасти собственную жизнь. Но бегство, казалось, было невозможно.

Конан бросился на землю и покатился — как недавно это сделал Фридугис. Медная рука про-плыла по воздуху прямо над головой киммерий-ца, однако схватить его не смогла и подцепила другую жертву. Конан между тем стремительно бежал в темноту.

Фридугис, который хорошо видел киммерий-ца, озаренного пламенем огромного костра, при-соединился к своему товарищу.

Конан отшатнулся.

— Кто здесь? — грозно крикнул он.

Фридугис заметил в руке Конана меч. Долж-но быть, в пылу схватки киммериец обнаружил свое оружие у кого-то из людоедов и отобрал.

— Это я, — подал голос бритунец. — Я, Фри-дугис. Не убей меня, Конан, по ошибке.

— Чем ты воняешь?

Слышно было, как фыркает Конан.

— Это паук... Кали действительно помогает нам! Ее алмаз разрезал чудище на части!

— Хвалу доброй Кали воспоем попозже, — сказал Конан. Оставалось только поражаться бы-строте, с которой варвар обрел прежнюю невоз-мутимость. — Нам пора уносить отсюда ноги. Медный монстр пришел в себя и крушит тут все.

— Это очень кстати, — заметил Фридугис. — Без его поддержки мы бы не справились.

— Не уверен, — пробормотал киммериец. — Людоеды довольно легко поддаются панике. Заметил?

Фридугис кивнул.

— Такое случается не только с людоедами, — добавил бритунец. — На свете полным-полно людей, которые храбры только перед слабыми, а при виде сильного противника ударяются в бегство.

— Это тебе сказители напели? — осведомился киммериец.

— Нет, дошел своим умом, — огрызнулся бритунец. — А кроме того, имел возможность наблюдать.

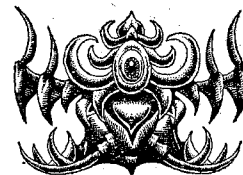
Они бежали прямо в джунгли. Конан выгля-дел как человек, который точно знает, что дела-ет. Фридугис не уставал удивляться ему. Ведь

медный монстр никуда не делся — он будет идти за беглецами по пятам, пока не уничтожит их! И сбежать с этого плато у них не получится. Они в ловушке. Разгром селения людоедов только оттянул неизбежную развязку.

Как будто прочитав мысли своего спутника, Конан повернулся к Фридугису и, широко ухмыляясь, проговорил:

— Каждый час, что мы проживем назло врагу, идет нам на пользу. Не торопись умирать. Всегда может оказаться, что есть какой-то выход. Обидно, если тебе не хватило нескольких мгновений, чтобы его найти.

Глава девятая

В поисках исчезнувшего храма

они шли через густые заросли, не разбирая дороги, всю ночь. Время от времени им начинало казаться, что идол больше не гонится за ними. Глухие тяжелые шаги стихли где-то вдалеке. Вопли людоедов, вонь костра — все это осталось далеко позади.

Конан, равно как и его спутник, отдавал себе отчет в том, что на плато им поневоле придется ходить кругами. Вряд ли преследователь оставит им время на то, чтобы спокойно сесть и сплести веревку.

Наконец они нашли подходящее место для отдыха, забились между корнями приземистой акации с множеством стволов, и заснули ненадолго. Фридугис хоть и старался не показывать виду, однако валился с ног от усталости. Пережитое совершенно выбило его из колеи. Бритунец даже попробовал пошутить над собой:

— Проклятье! — сказал он. — Гигантский паук как способ убедить пленника лежать тихо...

Котел для варки людей живьем... До таких ужасов даже моя кормилица бы не додумалась, а уж вот кто была мастерица рассказывать страшные истории!

Конан фыркнул, но никак не прокомментировал сказанное приятелем. Он и сам устал. К тому же Фридугис получил рану в ногу. Не слишком глубокую и уж явно не опасную (если не случится заражения), но все же чувствительную. Так что у бритунца были все основания для того, чтобы упасть без сил и заснуть мертвым сном, едва его голова коснулась земли.

Как только солнце встало, Конан пробудился. В джунглях было очень тихо — если не считать обычного птичьего хора, да отдаленных криков каких-то животных. Ни барабанов, ни людских выкриков, ни грохотанья медного чудовища. Ничего, что, по мнению киммерийца, угрожало бы их жизни.

Как ни странно, это обстоятельство мало обрадовало Конана. Он привык не доверять хорошему. Особенно в тех случаях, когда неприятности не были устранены привычным для киммерийца способом: то есть не плавали в собственной крови. Вот если бы удалось превратить идола в гору расплавленного металла, а всем людоедам, до последнего младенца, выпустить кишки, — тогда другое дело...

Поэтому Конан решил не терять бдительности.

Но сначала следовало понять, в каком состоянии находится его спутник. Фридугис продолжал

спать, и сон бритунца был беспокойным. Он метался по мягкому ложу — рыхлой земле между корнями акации, во сне продолжая отбиваться от людоедов и убегать от медного идола. Рана на его ноге, по счастью, не воспалилась. Более того, Конан с удивлением заметил, что она начала затягиваться.

От Фридугиса по-прежнему воняло мертвым пауком. Конан с его привычкой привыкать к обстоятельствам, изменить которые он пока не в силах, притерпелся и к этому запаху. Но стоило киммерийцу отойти в сторонку и глотнуть по-настоящему свежего ароматного запаха утренних джунглей, как паучья вонь стала казаться ему непереносимой.

Но... рана ведь затягивалась. Конан хлопнул себя по лбу. Яд паука не только парализовывал. Он еще и исцелял.

Он прошел десяток шагов, стараясь не выпускать спящего Фридугиса из виду, и обнаружил ручей, где с удовольствием умылся и утолил жажду. Затем вернулся к месту отдыха и беспощадно растолкал своего спутника.

— Избавься от вонючки и заодно выпей водички, — приказал Конан сонно моргающему Фридугису.

Тот наконец пришел в себя, охнул и захромал к ручью. Хромал он весьма бодро, так что Конан укрепился в своем изначальном впечатлении: рана благополучно заживала и через несколько дней вообще перестанет доставлять неприятности.

— Интересно, — сказал, возвращаясь, умытый Фридугис, — а где же Сканда? Мы расстались с ним, кажется, еще до того, как очутились среди людоедов.

Конан пожал плечами.

— Парень совсем дурачок, — ответил киммериец, — и не всегда отдает себе отчет в собственных поступках. Кто знает, где он прятался все это время? Я не берусь предсказывать его поступки.

— Мне почему-то кажется, — понизив голос, произнес Фридугис, — что он не просто дурачок.

— Да? — Конан равнодушно хмыкнул. — В любом случае, мы не имеем влияния на него. Да и заботиться о нем не обязаны. Он не считает нас своими спутниками в полной мере. Все равно как бездомный пес — прошел с нами часть пути, а затем убежал по собственным делам.

— Я так не думаю, — многозначительно поведал Фридугис.

И тут, словно подслушав их разговор, Сканда появился. Точнее, до приятелей донесся его пронзительный птичий голос, кричавший:

— Конан! Фридугис! Конан! Фридугис!

— Легко на помине, — сморщился Конан. Но его недовольство сменилось острой тревогой, когда до его слуха донесся знакомый грохот: тум, тум, тум. Идол приближался. Вместе с идиолом приближался и непрерывно кричащий Сканда:

— Конан! Фридугис! Конан! Фридугис!

— Подождем его, — сказал Фридугис.

Бритунец побледнел, однако старался держать себя в руках и выглядел он совершенно спокойным. Если не считать цвета лица, конечно. — Сдается мне, тут не все так, как представлялось вначале.

— Прекрасно, — вздохнул Конан. — Подождем. В крайнем случае залезем на дерево.

— Отличный план, — улыбнулся Фридугис, по-прежнему сохраняя фальшивую бодрость. — Или закопаемся в землю.

— Этот план еще лучше, — сказал Конан.

Идол между тем появился на прогалине, где росла акация. Сперва приятели увидели гигантскую медную ногу с большой вмятиной, полученной при падении со скалы. Затем появились руки, все шесть, одна за другой. И наконец огромное туловище и голова с блестящими глазами и конусовидной прической, чуть погнутой и торчащей немного на сторону, предстали перед приятелями.

А на плечах у идола восседал, болтая ногами, Сканда и вопил во всю глотку:

— Конан! Фридугис!

— Что это значит? — гаркнул Конан, задрав голову к Сканде.

Чумазный пастушок весело ответил:

— Это наш друг — Гафа!

— Кто? — вырвалось у Фридугиса. — Как ты его назвал?

— Его имя, — пояснил Сканда. — Я знаю его имя. Он сам мне сказал. А что? Хорошее имя.

Здесь. Здесь так иногда зовут простолюдинов. Вроде меня. Бедный Сканда! Бедный Гафа! Ха-ха!

Он засмеялся и ловко спрыгнул с плеч идола. Идол подставлял ему руки, одну за другой, чтобы Сканда сходил по его ладоням, как по ступеням, а затем наклонился и спустил его на землю.

Сканда подошел к приятелям и покрасовался перед ними.

— Мы насилу вас нашли, — сообщил он. — Вы прятались. Сильно прятались! Ловко. Как люди джунглей. Странно...

Конан решил выяснить дело до конца. Он взял Сканду за плечи и развернул к себе.

— Ты говоришь, этот медный идол зовется Гафа?

Сканда торжественно кивнул.

— Он еще как-то зовется, — добавил пастушок, — но для вас он Гафа.

— Не может быть, — выговорил Фридугис немющими от ужаса губами. — Но это значит, что... Что Гафа, которого сто лет назад оставили в джунглях на милость здешнего божества не просто умер, но вселился в медное тело! И все это столетие он существовал в джунглях в виде шестирукого вендийского бога!

— Гафа — не бог, — важно возразил Сканда и почему-то указал пальцем на себя, ткнув в середину груди. — Гафа только идол. Живой идол. Глупый идол. С ним надо было говорить. Его не надо было бояться.

Конан нахмурился. Ему не понравилось, что какой-то вендийский замухрышка обвиняет его в трусости. Однако возражать было нечего. С ожившим медным великаном Конан вел себя так, что у постороннего наблюдателя имелись все основания заподозрить киммерийца в... осторожности. Да, «осторожность» — очень хорошее слово. Оно многое объясняет.

Идол стоял молча и тарачился на людей немигающими глазами. При ближайшем рассмотрении, решил Фридугис, он выглядит вполне прилично. И даже добродушно. А то, что они испугались — что ж, это вполне естественно. Всякий бы испугался на их месте. Эдакая махина, да еще ожившая, да еще неустанно топающая за ними сквозь джунгли!

— Ну что ж, — заявил Конан, — в таком случае я знаю способ выбраться с этого плато.

Фридугис пораился тому, как быстро киммериец изменил свое отношение к событиям. Теперь Конан снова выглядел уверенным в себе и своих решениях. И охотно взял командование на себя.

— Рассказывай, — кивнул Фридугис. Он решил не спорить с киммерийцем и не бороться за первенство. В конце концов, дальнейшие события покажут, кто кому должен подчиняться. Да и не мериться силой они с Конаном отправились в эти джунгли.

— Нас перевезет через пропасть любезный Гафа, — сказал Конан. — Он достаточно высок для

этого. Если он будет идти осторожно, то он просто спустится с плато вниз и перешагнет через реку. А мы продедем этот путь на его плечах.

— Ловко придумано! — восхитился Фридугис. — Но согласится ли он?

— Мы его попросим, — сказал Конан.

Фридугис прошептал на ухо киммерийцу:

— Ты думаешь, он не понял, что мы нарочно заманили его на подвесной мост, чтобы погубить?

— Не знаю, — так же шепотом отозвался Конан. — Но даже если он это и понял, то явно не держит на нас зла. Посмотри, как он глядит! У него, сдастся мне, тоже имеется дело к черной матери Кали.

— Будем считать, что ты прав, — вздохнул Фридугис. — Тем более, что и выхода другого у нас нет.

И он заговорил со Скандой, дабы тот передал их просьбу Гафе.

Сканда слушал долго, вникал в сказанное по нескольку раз, кивал, затем мотал головой, в волнении бегал туда-сюда по поляне. Наконец нехитрая идея Фридугиса обрела надлежащий вид и успокоилась в беспокойной голове Сканды, явно набитой обрывками самых разных и весьма диких представлений о происходящем.

Сканда обратился к идолу:

— Возьми на плечи меня, этого Конана и этого Фридугиса. Хорошо?

Гафа медленно повернул голову и воззрился на Сканду. Тот еще несколько раз повторил эту фразу. Наконец раздался глухой, тягучий голос:

— Хорошо.

Фридугис подскочил на месте, когда его услышал.

— Он еще и говорит?

— Конечно, — прошептал Конан. — Как же иначе Сканда узнал его имя?

— Возможно, Сканда умеет читать мысли...

— Имя плохо передается даже при чтении мыслей, — сказал Конан. — При чтении мыслей хорошо передаются побуждения.

— Это тебя кхитайцы обучили или ты сам додумался?

Конан молча показал Фридугису кулак.

Между тем идол наклонился и протянул приятелям ладони нижней пары рук. Конан забрался на левую ладонь, а Фридугис — на правую. Сканда побежал по телу идола так же легко и свободно, как белка бежит по стволу дерева. Было очевидно, что пастушок уже привык к такому способу путешествий.

Интересно, подумалось Конану, как давно Сканда знает этого Гафу? Если предположить, что пастушку тоже сто лет... Но нет, эту мысль следует отмести сразу. Иначе можно сойти с ума.

Сперва решим одно дело, потом займемся следующим. Нечего забивать голову сразу несколькими вещами.

Сканда что-то верещал, прижав губы к уху идола. Тот слушал, двигая глазами, затем кивнул и зашагал сквозь джунгли.

Он раскачивался на ходу плавно, как слон. Сидя на плече огромной медной фигуры, Конан смотрел, как далеко внизу переставляются толстые ножищи, как перед мощной грудью Гафы расступаются густые заросли.

Затем Гафа приблизился к краю пропасти и начал спуск. Он шел медленно, тщательно выбирая, куда поставить ногу. Сидящим на плечах идола людям пришлось крепко держаться за свою опору, чтобы не свалиться. Фридугис вцепился в руку Гафы изо всех сил, стиснул зубы, закрыл глаза. Бритунец был очень бледен, по его лицу градом катился пот.

— Эй! — окликнул его Конан. — Ведь тебя охраняет алмаз Кали! Или ты больше не надеешься на это?

— Сказать по правде, — прошептал Фридугис, — больше не надеюсь.

— Почему?

— Потому что вы теперь и без меня найдете подземный храм...

— Но алмаз-то у тебя! Неужто Кали не сбережет его?

— Его... а не меня!

— Ладно, — засмеялся Конан, — надейся на меня. Я надежней любой богини.

Тут он понял, что изрек двусмысленность, насутился и замолчал. Фридугис, впрочем, был так

испуган и подавлен происходящим, что даже не заметил этого.

* * *

И снова они шли через джунгли, на сей раз не своим ходом, а на плечах медного идола. Конана укачало, и он несколько раз засыпал. Фридугис, напротив, не мог спать: он боялся упасть, разбиться или быть растоптанным, и этот страх не позволял ему расслабиться ни на мгновение.

Мимо проплывали зеленые моря. С визгом разбегались обезьянки; сверкая оперением, разлетались перед идолом попугаи и другие птицы. Затем густая растительность закончилась, потянулась полоса выгоревшего леса. Пожар случился здесь не так давно. Жирная земля была покрыта копотью, а стволы деревьев были голыми и обгорели. Почва растрескалась. Лишь несколько травинок успело прорасти наружу, их зелень служила ярким контрастом мертвому запустению.

Идол остановился и опустил руки на землю, помогая людям сойти.

— Неужто это здесь? — с недоумением осведомился Фридугис, озираясь по сторонам.

— Надо спросить, — ответил Конан, зевая. И сам заговорил, обращаясь к медному Гафе: — Мы пришли? Храм Кали — под этой землей?

Он повторял свой вопрос на все лады десятки раз. Первым понял суть дела Сканда. Он подпрыгнул и начал выкрикивать:

— Здесь? Здесь? Мы пришли?

Наконец над выгоревшей пустошью разнесся глубокий глухой голос:

— Это здесь...

Конан уныло огляделся по сторонам. Никаких признаков храма не наблюдалось. Если что-то и сохранялось здесь прежде, сто зим назад, то теперь все окончательно ушло под землю. Одним богам известно, сколько времени уйдет на то, чтобы перевернуть все эти пласты земли и извлечь на свет статую Кали. Что до самоцветов, погребенных вместе с нею, то отыскать их в подобных условиях будет самым настоящим чудом.

Между тем идол наклонился и зачерпнул ладонью землю. Отвалил ее в сторону. Зачерпнул снова.

Сканда бегал вокруг него, махал руками и выкрикивал что-то ободряющее. Идол работал все быстрее. Шесть его рук так и мелькали, гора откинутой земли росла. Конану и Фридугису оставалось только наблюдать за происходящим. Чем они и занялись.

— Очень хочется есть, — сказал Фридугис. — А ты не испытываешь голода, мой варварский друг?

— Испытываю, мой ученый друг, — в тон ему ответил Конан.

Фридугис приподнял одну бровь. Прodelывал эту гримасу он просто мастерски.

— В таком случае, почему бы тебе не поохотиться, мой друг?

— Ты полагаешь, в этой пустоши водится какая-нибудь дичь?

— Э-э... — протянул Фридугис. — Может быть, подстрелим птицу?

— Вряд ли Сканда сочтет подобное деяние уместным, — сказал Конан. — В прошлый раз он очень огорчился, когда мы жарили на костре какую-то птицу. Посмотри на его повадки! Он либо считает себя птицей, либо действительно таковой является.

— Что значит — «таковой является»? — удивился Фридугис. — По-моему, обычный полоумный пастушок. Мы уже обсуждали эту тему. В Вендии любят сумасшедших.

— Нет, — Конан медленно покачал головой, — я еще раз все обдумал. Мне кажется, Сканда — не сумасшедший. Напротив, у него вполне ясный рассудок. Просто он — не человек. Не человек в том смысле, какой мы вкладываем в это понятие.

— Точнее, пожалуйста, — попросил Фридугис. — Я не успеваю за ходом твоей мысли.

— Ничего особенного. Либо он — человек-птица, либо демон, но не злобный, либо... в общем, что-то в таком роде.

— Может быть, его превратили из птицы в человека? — предположил Фридугис.

— Вот и я говорю: человек-птица, — вздохнул Конан.

Оба уставились на взволнованного Сканду с таким видом, словно тот был призван прояснить

для них ситуацию. Впрочем, Сканда совершенно не замечал озадаченности своих спутников. Он тревожно кричал, подскакивал и бегал вокруг работающего идола. Своими повадками он и впрямь напоминал суматошную птицу.

Тем временем идол испустил громкий утробный крик и наклонился над вырытой им ямой. Он пошарил там руками, ухватил что-то и с усилием потащил вверх.

Вероятно, добыча была слишком велика и тяжела даже для такого колосса, как Гафа. Он широко расставил свои толстые медные ноги с отчетливо изображенными складками жира, уперся ими покрепче в землю и потянул изо всех сил. Лицо идола оставалось неизменным, все таким же невозмутимым, с блестящими глазами и сжатыми губами. Тяжесть усилия выражала лишь поза.

Несколько раз он претерпевал неудачу. Нечто не желало выходить на поверхность. Но Гафа не сдавался. Наконец он громко, отчаянно застонал. Его глухой медный голос разошелся по всей пустоши и отозвался долгим, протяжным эхом. Гафа выпрямился, держа в четырех руках статую богини. Он медленно поднял ее над головой, чтобы подставить солнечным лучам, и статуя засияла ослепительным солнечным блеском.

В отличие от Гафы, статуя вовсе не была живой. Это было именно изображение богини, но не сама богиня. Во всяком случае, пока. И Конан в глубине души надеялся, что так оно и останется.

ся. Два оживших вендийских идола на одного киммерийца — это было бы чересчур.

Победно закричав, Гафа со статуей в руках зашагал по пустоши. Он отошел чуть в сторону от ямы и утвердил свою добычу на горе земли, которую набросал, когда откапывал засыпанное подземное святилище. Затем сложил руки в разных молитвенных положениях: прижав ладони одна к другой, особым образом расположив пальцы, переплетя указательные пальцы и отставив мизинцы. И так, в умоляющей позе, чуть наклонив голову и изогнув могучее тело, застыл перед статуей.

Сканда же начал плясать. Из горла пастушка вырывались произвольные вскрики, когда он подпрыгивал или выделял какое-нибудь особенно сложное па. Затем крики эти превратились в пение — пронзительное, немелодичное, терзающее слух пение, в котором, однако, слышалось торжество. Сканда славил грозную богиню с младенческими черепами на поясе.

Солнце ослепительно сверкало на теле статуи, так что смотреть на нее было больно. Тем не менее Фридугис оценил качество работы неизвестного древнего мастера, который создал это изваяние в незапамятные времена. Изящество и четкость линий поражали, точность позы сводила с ума. Казалось немыслимым, чтобы статуя могла замереть в подобном положении и сохранять при том равновесие. И тем не менее это было!

— Давай спустимся под землю, — предложил Конан. — Поищем самоцветы. Вдруг нам повезет?

Его практическое замечание вырвало Фридугиса из мира восторженных грез. Он оторвал взор от статуи и уставился на загорелое лицо киммерийца.

— Разве не стоит сперва покончить с нашим делом? Я думал, мы для начала вернем статую алмаз, а уж потом...

— Нет, — сказал Конан. — Подумай сам. Пока алмаз у тебя, все будет сохраняться в относительном равновесии. Гафа, наш гигантский медный друг, останется в молитвенной позе перед статуей Кали, Сканда, еще один наш странный друг, будет плясать и петь, а Кали, наша добрая черная мать, в виде золотой статуи будет безмолвно сверкать на солнце. Очень хорошая, мирная картина. Ты можешь предсказать, каким образом она изменится, когда ты вернешь ей алмаз? Не можешь. И я не могу. Я только знаю, что в стране, где оживают статуи, у нас чрезвычайно мало времени на поиск сокровища для себя.

— Убедил! — воскликнул Фридугис.

И оба спустились под землю.

Гафа действительно откопал подземное святилище. То самое, куда сто лет назад пришли четверо бритунцев, влекомые отчасти алчностью, а отчасти — обычным человеческим любопытством.

Здесь сохранились обломки древних барельефов. Они все еще были раскрашены. Конан споткнулся о человеческий скелет. Несомненно, то были останки Агобарда или Турониса, одного из двоих спутников Хейрика, что погибли в подземном храме. Фридугис тоже заметил белые кости и вздохнул.

— Как бы и нам с тобой здесь не остаться...

— Вот уж о чем я помышляю меньше всего! — огрызнулся варвар. — Смотри хорошенько под ноги. Мы должны отыскать хотя бы горсточку самоцветов.

Конан наклонился. Так и есть! Среди костей лежал туго набитый кожаный кошель. Он был покрыт плесенью, но все же сохранился в целости. Киммериец поднял его, и вещь развалилась прямо у него на ладони. Внутри все еще находились самоцветы. Те самые, которые успел собрать Туронис перед тем, как погибнуть.

— Спасибо, дружище, — обратился к нему Конан. — Надеюсь, твой путь к богам был легким, а то, что ожидало тебя в конце этого пути, — приятным...

Скелет чуть пошевелился... или Конану это только почудилось? В любом случае, череп слегка переменил положение. Конан решил считать подобное хорошим знаком. Он дружески кивнул скелету и пошел дальше. Найденные самоцветы он крепко сжимал в ладони.

Они с Фридугисом спустились чуть ниже. Здесь сохранилась каменная кладка. И перекры-

тия еще оставались в целости, хотя задерживаться в этом помещении долго ни у одного из приятелей намерения не было.

— Смотри! — сказал Конан, который хорошо видел в темноте.

Фридугис прищурился, напрягая зрение. Киммериец показывал ему на большую корзину, сплетенную из ивовых прутьев. Там находилось несколько гибких белых тонких веток. И только присмотревшись, Фридугис понял, что это — скелеты издохших здесь змей. Сокровища Кали охраняли кобры!

К счастью, ни одна из них не уцелела после того, как храм обрушился. Зато камни сохранились в неприкосновенности. Сотни изумрудов, рубинов, топазов. Их грани тихо светились даже в подземной тьме.

— Возьмем сколько сможем, — предложил Конан. — Не будем жадничать. Да и времени у нас мало.

Фридугис молча взял корзину и посмотрел на Конана.

— Я готов возвращаться, — объявил он.

Конан засмеялся.

— Если она не прогнила и не рассыплется, то считай, что нам повезло.

Они двинулись обратно. Конан спешил. Нехорошие предчувствия охватили его. Как будто приближалось нечто дурное, отвратительное, с чем придется сражаться. Фридугис, напротив, был весел и бодр.

Добравшись до выхода из подземелья, бритунец первым делом поставил на край ямы свою корзину с драгоценностями. Камней там было достаточно, чтобы обогатить несколько человек и обеспечить им безбедное существование до конца их дней; однако все же не так много, чтобы корзина сделалась неподъемно тяжелой, так что один человек без труда с нею управлялся.

Затем Фридугис выбрался наружу сам. Когда Конан ухватился за край ямы, чтобы выскочить из нее, Фридугис повернулся и с силой ударил своего спутника ногой в лицо.

Конан от неожиданности разжал пальцы и повалился на дно ямы.

— Сиди! — со смехом крикнул ему Фридугис. — Нечего тебе делать среди цивилизованных людей, варвар! Неужто ты рассчитывал выбраться отсюда, да еще с моим богатством? Нет! Я владею им единолично.

Конан молча полез обратно, но Фридугис вынул из кошелья алмаз Кали и показал его медному идолу.

— Гафа! — повелительным тоном произнес Фридугис. — Я желаю, чтобы этот назойливый человек оставался в яме. Можешь убить его, если он окажется чересчур несговорчивым.

Конан заскрежетал зубами.

Медный Гафа приблизился к яме и попросту уселся на нее.

Стало темно. Никакой надежды сдвинуть медную тушу у киммерийца не было. Он решил

поискать другой выход из подземелья, хотя надежда найти таковой была крайне мала.

Драгоценности, которые Конан забрал у Турониса, по-прежнему оставались у него. Киммериец сунул их в свой кошель и тщательно затянул завязки. Хотя бы малое утешение, подумал он. Впрочем, Туронису они ничуть не помогли. Не хотелось бы разделить участь молодого бритунца, погибшего здесь сто зим назад.

Конан осторожно двинулся по подземному ходу. Он миновал сокровищницу, где больше не оставалось ни кобр, ни корзин с драгоценностями. Тоннель действительно тянулся дальше под землю. И, поскольку выхода другого не оставалось, Конан направился туда.

Дорога постоянно шла под уклон. Киммериец все глубже опускался под землю. Толща почвы давила на него почти физически: он ощущал, как над ним растут деревья, как глина и песок над этими камнями, укрепляющими своды, пропитываются влагой и порождают мириады травинок. И сам Конан превращался в некое одушевленное растение, ведущее под землей свое странное уединенное существование...

Он видел сплетенные над головой корни деревьев. Они проросли даже сквозь каменную кладку и свисали, точно лианы. Да, именно так: лианы подземного царства. Лианы, которые никогда не цветут и не знают солнечного света.

Казалось, этому пути не будет конца. Конан вел пальцами по стене и ощущал резьбу: даже

здесь неведомые древние мастера украсили камень. Странно — ведь никто бы этой резьбы все равно не увидел!

Впрочем, отчего же так? В незапамятные времена, когда этот храм находился посреди города и был объектом почитания многих верующих, поклонников богини Кали, наверняка имелись и здесь свои источники света. Факелы — быть может. А может быть, и световые колодцы в потолке.

Нужно только отыскать хотя бы один из них.

Недолго думая, Конан вытащил из ножен меч и начал тыкать в потолок. Ему пришлось заниматься этим странным делом довольно долго, но наконец его усилия увенчались успехом. После однообразного звона, который издавал металл, соприкасаясь с камнем, послышался глухой звук: острое меча вошло в мягкую почву. Здесь имелось отверстие. Нужно только убрать наносы земли и песка.

И киммериец принялся за дело. Сперва ему требовалось соорудить подставку, чтобы дотянуться до колодца. Чтобы не потерять нужное место, он вонзил в землю над головой меч и оставил его висеть. После чего начал выворачивать из стен камни. Он знал, что это обрушит часть коридора, но не боялся этого. Главное — над головой у него есть выход.

Камень поддался усилиям могучего варвара. Конан слышал, как трещат корешки растений, успевших оплести камень за сотни лет. Но в

конце концов мощь человека одолела даже мощь природы. Конан докатил камень до нужного места, поднялся на него и принялся разрывать потолок.

Земля сыпалась ему на голову, заставляя кашлять и зажмуривать глаза, но это обстоятельство ни в коей мере не замедлило работы. Варвар копал, как одержимый. Он рвался наверх, к свету и свободе. Фридугис еще заплатит ему за свое вероломство!

Глава десятая

Возвращение Кали

Вем временем Фридугис напрочь забыл о киммерийце, которого он только что обрек на голодную смерть в подземелье. Фридугис вообще не мог припомнить, с кем он пришел сюда. Он знал одно: он доставил алмаз богине Кали и за это получил в награду все ее сокровища. Все, что еще уцелело за века забвения. Это было прекрасно.

Теперь, как понимал Фридугис, он обязан приблизиться к статуе и вставить алмаз в отверстие во лбу богини. В ее прекрасном нахмуренном лбу. Ибо без третьего глаза Кали плохо видит. Ей просто необходим этот алмаз!

Медный идол по имени Гафа и странный человек-птица по имени Сканда наблюдали за тем, как Фридугис медленно приближается к статуе. Ожидание застыло на подвижной мордочке Сканды. Он был похож сейчас на ребенка, которому обещали замечательный подарок. Долго рассказывали, каким чудесным будет этот подарок,

долго намекали — чем именно он окажется. И вот желанный, долгожданный миг настал!

Гафа же оставался по-прежнему неподвижным. У него не было мимики. Разве что в глубине его глаз вдруг вспыхнула искорка человечности, но она погасла прежде, чем Фридугис успел ее заметить.

Впрочем, бритунец сейчас не замечал решительно ничего, кроме манящей золотой статуи.

Богиня перестала казаться ему страшной или грозной. Она призывала его ласковой материнской улыбкой.

Да разве она не была его истинной матерью? Разве она не хранила его во всех испытаниях? Разве не подарила ему полную корзину самоцветов? Так неужто он не сделает для нее такой малости, не отдаст ей алмаз?

Фридугис даже засмеялся при этой мысли. Ему было радостно и легко. Он подбежал к богине и простерся у ее ног. Она взирала на него благосклонно. Она даже чуть наклонила голову, чтобы ему удобнее было вставлять алмаз.

Восхищенный Фридугис вынул алмаз и показал богине. Блики засияли по всему золотому образу Кали, как бы наполняя ее радугой. Она светилась. Медленно Фридугис поднес алмаз ко лбу статуи и вложил его на место.

И статуя поглотила свет. Теперь она вся сверкала нестерпимым белым сиянием, точно была охвачена неземным огнем. У Фридугиса страшно заболели глаза, как будто прямо ему в зрачки

ткнули острыми иглами. Он зажмурился и закричал от боли.

Кали не слышала его. По джунглям разнесся ее смех. Это был глубокий, гортанный женский голос, в котором звенели серебряные нотки. Удивительный, нечеловеческий голос, пробирающий до самых костей!

Кали выпрямилась, стоя на носках. Затем подняла ногу и согнула ее в колене. Сменила положение рук. Начался поразительный по красоте танец. Бедрa богини извивались, и пояс в виде младенческих черепов колыбался, обвивая ее талию. Она пела самой себе, не разжимая губ, и этот звук заполнял все пространство вокруг богини. Фридугис едва мог дышать, но Кали не замечала его.

Она поднимала над головой руки и тщательно перемещала пальцы, создавая различные их комбинации. Мир вокруг нее изменялся. Выгоревшая пустошь медленно заполнялась растительностью. Из земли ползли извивающиеся, как змеи, гибкие стволы деревьев. Они застывали и делались толстыми, они покрывались корой, из их веток стремительно выходили листья. Затем началась «эпоха цветов». Бесчисленное множество цветов всех оттенков розового, беловато-желтого, голубоватого, фиолетового. Лепестки были повсюду: на листьях, на земле, на голове богини, на ее гладких плечах. Привлеченные ароматом, налетели насекомые, и сразу же вслед за ними — бесчисленные яркие птицы.

В глазах рябило. Впрочем, Фридугис почти ничего не видел — боль по-прежнему не отпускала его.

Он услышал громкий крик павлина. Раскрыв хвост и горделиво подняв увенчанную короной голову, огромный павлин важно шагал навстречу Кали. Богиня простерла к нему руки — это движение выглядело как часть ее танца — и павлин взошел на золотую ладонь.

— Сын мой! — громко возгласила богиня. — Сканда! Приди ко мне!

Павлин потоптался на месте, несколько раз открыл и раскрыл великолепный веер хвоста, а затем подпрыгнул и приземлился на ладонь золотой матери в виде стройного мальчика, подростка в золотых доспехах. На нем был шлем с высоким гребнем, сверкающий панцирь с шипами на плечах, на бедре его висел меч, за спиной торчал боевой лук.

Лицо мальчика в точности повторяло черты Кали, оно было таким же воинственным и свирепым.

— О, Сканда! — сказала ему Кали.

Сканда засмеялся, спрыгнул на землю и поклонился своей матери, а затем пустился бежать, выпуская на бегу ликующие вопли.

— Кали! Кали вернулась! Кали! Кали вернулась к нам! — слышалось из глубины джунглей.

С медным идолом произошла другая перемена. Когда Кали обратила на него свой третий глаз, из алмаза вышел длинный ярко-синий луч.

Этот луч был направлен прямо в середину лба медной фигуры.

На миг голубое сияние охватило идола. Он весь был объят пламенем, а когда все погасло, Фридугис сумел разглядеть у толстых медных ног темное человеческое тело. Идол сидел неподвижно в странной позе, сложив искаленные руки в молитвенном положении. Жизнь больше не присутствовала внутри его мощной медной фигуры.

Зато человек, извлеченный синим лучом третьего глаза Кали, был жив. Он застонал и отполз подальше от идола. Кали, Впрочем, не обратила на него внимания. Она продолжила танец, и теперь — Фридугис догадывался об этом каким-то странным чутьем, — этот танец имел самое прямое отношение к бывшему хранителю алмаза.

Фридугис упал на колени и закрыл лицо руками. Вся его поза выражала полную покорность судьбе, что бы ему ни уготовило будущее.

* * *

Конан стремительно бежал через джунгли. Он мчался туда, откуда доносились странные звуки: громкое пение, крики, воинственный звон доспехов.

Именно там сейчас происходило все самое главное — то, ради чего Фридугис проделал столь долгое путешествие. Да и Конан, если признать, — тоже.

Варваром двигало отнюдь не любопытство. Он желал во что бы то ни стало разобраться с коварным бритунцем. До последнего Конан считал Фридугиса вполне приличным человеком. То есть таким, который, ограбив чужую сокровищницу, непременно поделится с компаньоном.

Конан мысленно проклинал себя за доверчивость. Следовало уже привыкнуть к тому, что самые благородные с виду люди преобразаются, стоит им увидеть золотые монеты или россыпь драгоценных камней.

Фридугиса же соблазнила не только жадность, но и власть: он вообразил, будто может теперь повелевать самой богиней Кали, коль скоро алмаз у него в руках. Что ж. Пора рассеять хотя бы одно из заблуждений этого несчастного. Даже если Кали и повинуется ему, то сказать то же самое о Конане-киммерийце Фридугис никак не сможет.

Конан фыркнул. Забавное же будет лицо у бритунца, когда тот увидит передо собой мстителя-варвара! Что ж, все имеет свою цену, и коварство не является в данном случае исключением. Фридугис заплатит за все сполна.

Когда Конан выбежал на поляну, он не узнал местность.

Кругом буйно цвела пышная тропическая растительность. Воздух был полон волшебных ароматов, густых и сладких. Кругом гудели деловитые насекомые, заливались райские птички, чьи перья сверкали ярче самоцветов.

А посреди поляны медленно танцевала золотая статуя богини. Алмаз сверкал в ее лбу, и вся фигура гигантской женщины была залита переливающимся светом. Маленький юноша-воин стоял на плече у своей матери; на шлеме его красовался гребень, напоминающий по форме корону, что украшает голову павлина. Доспех его был усыпан круглыми павлиньими «глазками», вроде тех, что сияют на хвосте этой роскошной птицы.

Медный идол валялся в безжизненной позе, и при взгляде на него Конан сразу понял, что это существо — чем бы оно на самом деле ни являлось, — больше никогда не пошевелится: то, что одушевляло массивную фигуру неведомого божества, навсегда покинуло ее.

Фридугис стоял на коленях перед Кали, опустив голову. Богиня приближалась к нему с каждым новым движением своего замедленного танца. Бритунец как будто не понимал, что сейчас она наступит на него тяжелой ступней и раздавит...

Или, того хуже, схватит своими мощными руками и разорвет на части.

Прекрасное гневное лицо богини оставалось неподвижным, но Конан, наблюдавший за ней со стороны, каким-то образом понимал ее намерения. Она предвкушала скорое пролитие крови. Она стосковалась без живой крови, которой, должно быть, в прежние времена щедро кормили ее жрецы.

И Фридугис, который принес зловещей богине ее чудесный алмаз и позволил ей ожить, окажет своей повелительнице эту последнюю услугу.

— Кром! Она полностью подчинила его себе! — прошептал Конан. Он покачал головой: — В любом случае, если даже он предатель, я не позволю какой-то богине расправиться с ним. Это — мое право, и только мое. Я не намерен уступать месть другому!

Фридугис начал раскачиваться, как кобра, зачарованная флейтой факира. Он тянул руки к танцующей Кали.

Сканда, стоя на плече своей матери, весело смеялся. Он вел себя как ребенок или безумец, и в этом радостном смехе Конан вдруг угадал прежнего пастушка, который то бегал по джунглям, то вдруг начинал говорить загадками, а то погружался в безмолвие и держался как умалишенный.

Корзина с драгоценностями так и стояла возле выхода из разрушенного подземного храма. Рядом с безжизненным идолом.

Конан осторожно переместился поближе к ней, стараясь держаться в тени.

К счастью, Кали была полностью поглощена своим танцем и не замечала происходящего вокруг. Вероятно, богиня полагала, что врагов у нее быть не может. Не здесь, не возле ее древнего святилища.

Что ж, золотую госпожу с алмазом во лбу ожидает крупное разочарование.

Свет и тени переливались так причудливо, что движущаяся бесшумно фигура варвара, хоть и массивная, была почти совершенно незаметна.

Только очутившись возле корзины, Конан обнаружил рядом с медным идиолом человека. Живого человека. Судя по внешности — вендийца. Очень уставшего и какого-то серенького. По прежнему опыту Конан знал, что подобный цвет лица бывает у старых узников, либо у смуглых людей, переживших сильный страх.

— Эй, — шепотом окликнул его Конан.

Вендиец подпрыгнул от неожиданности и посерел совершенно.

— Не бойся, — сказал ему Конан. — Меня зовут Конан. Давно она тут выплясывает?

Кивком головы он указал на Кали.

Вендиец дернул углом рта.

— Я Гафа, — сказал он, невнятно выговаривая звуки. Было ясно, что он отвык разговаривать.

— Гафа? Погоди-ка... — Конан нахмурился. — Ты был с этими... с бритунцами? Сто зим назад? Хейрик, Туронис?... Как там звали прочих, не помню... Да? Мне об этом рассказывали.

— Да, — сказал Гафа. — Сто зим? Не верится!

— Где же ты провел все это время?

— Я принадлежал идолу.

Конан посмотрел на медный жирный бок. Поморщился.

— Так они оставили тебя на милость этого красавца, а он понял все буквально и забрал

тебя к себе? — Киммериец покачал головой. — Воображаю, каково тебе было!

— Не хуже, чем всегда, — выдавил Гафа.

Богиня между тем приблизилась к Фридугису почти вплотную. Конан посмотрел на то, что творилось на поляне. Сейчас или никогда! У него еще оставался шанс дожидаться смерти Фридугиса, забрать корзину, навьючить ее на безропотного Гафу и покинуть это место богатым и счастливым.

Но... счастливым ли? Заслужил ли Фридугис того, что с ним сейчас произойдет? Даже если бритунец на мгновение поддался алчности, не отменяет того обстоятельства, что он спас Конана от ядовитой крови убитого монстра. Да и позже вел себя вполне достойно.

Конан взял из корзины крупный рубин, подбросил его на ладони, а затем метко бросил в Кали. Камень, отскочив от золотого тела статуи, громко зазвенел и упал на землю. Второй камень, поменьше, угодил во Фридугиса. Бритунец вздрогнул всем телом. Боль привела его в чувство. И не только: она вызвала в нем воспоминание. Точно так же Конан кидался в него камнями на подвесном мосту, когда Фридугисом овладела паника...

Воспоминание пришло очень вовремя. Фридугис поднял голову и увидел над собой занесенную для последнего удара ногу статуи. Свет изливался с нее потоками, он стекал, точно вода. Это было красиво — и страшно.

Бритунец вскочил и отбежал в сторону, громко крича:

— Нет! Нет!

Конан вылетел из своего укрытия, как разъяренный демон. В его руке сверкал меч.

— Фридугис! — заорал киммериец. — Сюда!

Бритунец шарахнулся от нового явления: ему почудилось, будто он видит перед собой грозного мстительного духа. Фридугис не помнил, что именно случилось с Конаном, — в подземелье бритунец действовал, не вполне отдавая себе отчета в своих поступках.

Однако остатки воспоминаний настойчиво твердили ему о том, что в последний миг Фридугис, повинуясь приказаниям Кали, предал своего спутника.

Рассуждать, впрочем, было некогда. Равно как и гадать. Кем бы ни был этот гигант, выскочивший из джунглей и ревущий яростным голосом, ему следовало повиноваться. И Фридугис бросился в укрытие. Он спрятался за тушу медного идола. Конан между тем вышел вперед и встал перед танцующей богиней.

— Сразимся? — предложил он и поднял меч.

Кали медленно перевела взгляд на дерзкого человека. Голос ее загудел на весь лес:

— Мне? Сражаться с тобой, ничтожный? Отдай мне то, что мое, и уходи!

— А что твое? — спросил Конан.

— Человеческая кровь! — ответила богиня. — Я голодна.

— Я намерен остановить тебя, — сказал Конан.

Сканда прыгнул с плеча своей матери и встал перед варваром.

— Бейся, — сказал божок.

И Конан сделал первый выпад.

Сканда без труда отразил его. Запрокинув голову, он засмеялся серебристым смехом. Джунгли отозвались птичьим пением. Казалось, все вокруг ликует, глядя на поединок божества, законченного в латы, и полуодетого человека.

Что ж, Конану не впервой было одолевать противника, который не только превосходил его силой или умением, но и обладал магической защитой.

Раз за разом Конан бросался в атаку, и всегда Сканде удавалось отвести меч киммерийца. Божок был невероятно ловок. Он уворачивался, отскакивал, а если уйти от удара не удавалось — смело подставлял свой короткий кривой меч. Щит он отбросил в сторону: массивный и очень красивый, в настоящем сражении этот щит только мешал, затрудняя движения.

Конан начал задыхаться, между тем как Сканда продолжал хохотать и вертеться перед глазами, точно уж. Станным показалось Конану и то обстоятельство, что сам Сканда не атаковал. Очевидно, божок намерен прикончить своего дерзкого соперника одним-единственным последним ударом, дождавшись, пока Конан выдохнется.

А может быть... Конан похолодел. Ну разумеется! Сканда вовсе не собирается его убивать. Он хочет нанести человеку такое увечье, чтобы богиня Кали получила наконец возможность выпить из него, живого, кровь и утолить свою вековую жажду. Вот и причина для столь странного поведения Сканды.

И Конан удвоил усилия. Он метил своему сопернику в глаза. Других уязвимых мест на теле Сканды попросту не было.

А Сканда применил новую хитрость. Теперь он постоянно менял рост. Становился то выше, то ниже; иногда он был не больше карлика, а то вдруг вырастал почти в великана. И все время смеялся. Этот смех утратил прежнюю детскую жизнерадостность, теперь он звучал назойливо и казался совершенно неестественным. Конан вдруг понял, что хохот божка выводит его из себя.

Рыча от ярости, киммериец взмахнул мечом... и голова Сканды покатила по земле. Конан целил, как и намеревался, в глаза, однако Сканда опять изменил свой рост, и острие варварского меча перерубило шею.

Тело существа в чешуйчатом доспехе застыло на месте. Оно стояло неподвижно в той позе, в какой застигла его смерть: одна рука изогнута в изящном жесте, другая, с мечом, чуть отведена назад для очередного удара. Голова Сканды в шлеме лежала на краю поляны.

Пение Кали сделалось яростным. Богиня шагнула навстречу убийце своего сына.

Конан понимал, разумеется, что совершенно убить Сканду ему не удалось. Боги никогда не погибают истинной смертью. Но на время киммериец изгнал дух божества из красивого вместилища, где тот обретался. И этого времени, как надеялся Конан, будет достаточно, чтобы киммериец и его спутники успели унести из Вендии ноги.

Кали между тем надвигалась на Конана, гневно двигая руками. Ее пальцы сжимались и разжимались, как бы предвкушая, что тело дерзкого человека вот-вот хрустнет в ее кулаке.

Киммериец, тяжело дыша, поднял меч. Он готовился дорого продать свою жизнь.

И тут целый град камней обрушился на богиню. Фридугис и Гафа хватали из корзины гигантские изумруды и рубины и бросали их в статую Кали. Разумеется, причинить ей серьезный вред они не могли, но этот град отвлекал ее от главного противника, подобно тому, как жалящие мошки раздражают коня и мешают ему выполнять приказания всадника.

Испустив воинственный клич, Конан кинулся на богиню. Он знал, что ему делать. Теперь знал.

Схватив рукоять меча обеими руками, Конан высоко занес его над головой и, подпрыгнув, ударил прямо по алмазу, плававшему во лбу Кали.

Если бы Кали не отвлекалась на осыпавший ее град драгоценных камней, она никогда не пропустила бы этого удара. Но Фридугис с

Гафой сделали свое дело: они дали Конану шанс, и киммериец не упустил его.

Раздался ужасающий звук.

В нем смешалось все: пение стали и звон разбивающегося камня, вопль отчаяния и яростный боевой клич, в котором звучало обещание мести...

Алмаз изменил цвет. Он покраснел, налился темной кровью. Сияние, исходившее из камня, сделалось багровым, по золотому телу богини потекли кровавые потоки.

Шатаясь, она сделала еще несколько шагов, нагнулась в последней попытке схватить киммерийца — и застыла.

Золото начало стремительно тускнеть, покрываться пыльным налетом. Багровый цвет сменился коричневым, алмаз во лбу статуи погас, как гаснет око хищной птицы после того, как в нее вонзится стрела. Голос, выходивший из чрева статуи, сделался глухим, а затем и вовсе замолчал.

Еще несколько мгновений — и золотая статуя исчезла. Вместо нее перед Конаном лежала гора сырой бесформенной глины.

Где бы ни находилась сейчас сущность богини Кали, на этой поляне, в сердце вендийских джунглей, подле старого заброшенного храма, ее явно больше не было.

Гафа и Фридугис, помедлив, выбрались из своего укрытия и приблизились к киммерийцу. Конан повернулся навстречу им.

— Вот и все, — с нарочитой небрежностью молвил варвар. — А говорят, будто на богов управы нет. Добрая сталь победит все что угодно. Я всегда это утверждал, клянусь Кромом!

Фридугис не знал, смеяться ему или плакать.

— Мы спасены! — проговорил наконец бритунец. — Конан! — Он с неожиданной опаской посмотрел на киммерийца. — Я не помню... мне кажется сейчас, что я совершил по отношению к тебе предательство... Если это так, то...

Конан пожал плечами.

— Полагаю, ты сам не понимал, что делаешь. Эти боги бывают на удивление назойливы. Заберутся в твои мысли и начинают помыкать свободным человеком, точно рабом. Забудь.

— Да я еще и не вспомнил — как мне забыть? — засмеялся наконец Фридугис. Усталость навалилась на него, и бритунец уселся прямо на землю. — Я бы поспал, — сказал он. — Да, кажется, нам лучше поскорее уйти отсюда. Только соберем сокровища.

Конан и Фридугис принялись оглядываться по сторонам. И в самом деле! Ведь здесь должны сверкать изумруды, рубины, топазы, сапфиры, другие чудесные самоцветы, и ограненные, и гладкие, лишь слегка отполированные... Где же они?

— Глянь в корзину, — посоветовал Конан. — У меня почему-то дурное предчувствие.

Гафа, повинаясь жесту бритунца, принес корзину, где прежде хранилась сокровищница Кали.

Точнее — часть ее сокровищницы, ибо основные богатства, вероятно, скрывались в местах, недоступных человеку.

Фридугис схватил корзину и перевернул ее. На траву высыпалась все та же глина...

Конан развел руками.

— Что ж, боги на то и боги, чтобы насмехаться над людьми! — философски заметил киммериец. — Я не встречал еще богов, которые играли бы честно с нами, простыми смертными. Будь я богом, я бы, наверное, поступал бы точно так же. Устанавливал бы правила — и изменял бы их по собственному усмотрению.

— В конце концов, — усилием воли справившись с болезненным разочарованием, проговорил Фридугис (голос его звучал на удивление ровно и спокойно!), — богиня Кали ничего мне не обещала. Она лишь требовала назад свое имущество, только и всего.

Конан покосился на Фридугиса, крайне недовольный тем обстоятельством, что бритунец слишком быстро обрел былую невозмутимость и даже не обратил внимания на скрытую похвалу варвара: он-де, Конан, не раз общался с богами и изучил их повадки как никто другой!

Зато Гафа отреагировал иначе. Робко коснувшись плеча варвара, он проговорил:

— Ты видел и других богов, господин?

— Видел — и ничего хорошего они собой не представляли, — буркнул Конан. — Кстати, я тебе не господин. Твой хозяин — вот он, Фридугис.

А лично я не намерен обременять себя прислужгой. Другое дело — бритунец. Ему, кажется, просто необходим человек, способный починить ему штаны или почистить сапоги.

Фридугис мельком оглядел свою одежду и выразил согласие с предложением Конана.

— А кроме того, я унаследовал тебя вместе с алмазом после бедняги Хейрика, — добавил Фридугис, хлопая бедного Гафу по плечу. Он видел, что вендиец совершенно растерялся, но что такое огорчения человека, сто зим просидевшего в теле медного идола, по сравнению с расстройством богатого чудака, только что утратившего несметные сокровища Кали!

* * *

Путники расставались спустя месяц возле моря Вилайет. Фридугис с Гафой направлялись дальше на запад, в Бритунию. Фридугису не терпелось засесть за работу: план будущего трактата уже полностью сложился у него в голове. По правде говоря, Фридугис успел утомить Конана своими восторженными рассказами о том, как будет в грядущем сочинении подана тема оживающих идолов, и под каким неожиданным углом Фридугис намерен посмотреть на проблему неприязни к чужестранцам в маленьких городках Вендии.

Гафа не отходил от Фридугиса ни на шаг: он словно боялся, что его бросят по дороге за

ненадобностью. Конан замечал потуги бедного вендийца быть полезным и сообразительным; Фридугис же не обращал на страхи своего нового слуги никакого внимания.

В конце концов при расставании Конан сказал Гафе — уже наедине:

— Перестань бояться. Даже если Фридугис выгонит тебя, ты не пропадешь. Кругом живут люди. Всегда найдется работа, а не сумеешь работать — сумей украсть. Дело нехитрое.

Гафа вздохнул:

— Очень уж кругом все широко и просторно. Да и размер у меня теперь маленький. А я привык быть огромным... Да и вообще... — Он понизил голос, как будто вознамерился выдать какой-то очень важный секрет. — Мир кругом поменялся. Я примечаю. Одежда другая и говорят немного иначе... И обычаи — тоже.

— Да ладно тебе! — Конан махнул рукой. — Люди всегда и везде — просто люди. А деньги, Гафа, всегда и везде — просто деньги. Я тебе одну штуку подарю, только ты ее никому не показывай. Храни при себе на черный день. Конечно, я не думаю, что Фридугис тебя когда-нибудь прогонит, но тебе, я знаю, с этой штукой будет спокойнее.

И Конан сунул ему в руку крупный рубин.

— Это твое. Не продашь — так сбереги на память.

Гафа сунул камень за пазуху и вдруг расцвел широкой улыбкой.

— Прощай, киммериец!

— Прощай, — буркнул Конан.

Фридугис, подойдя, хлопнул киммерийца по плечу.

— Что ты дал моему Гафе, коль скоро он заулыбался? Что-то я прежде не видел его таким радостным.

— Я подарил ему лучшее, что только может дать доброжелатель, — ответил варвар. — Добрый совет.

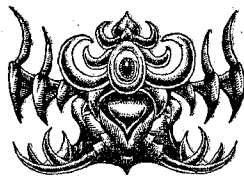
— Когда ты станешь королем, я постараюсь добиться для себя назначения посланником в твою страну, — сказал Фридугис.

— Польщен, — ответил Конан и расхохотался.

На том они расстались. Фридугис со своим слугой двинулись дальше, а Конан зашагал к известному ему поселку на берегу моря Вилайет. Киммериец намеревался провести там некоторое время. Передохнуть, обзавестись лошадью, обновить сапоги... Он помышлял о предстоящем путешествии — в Стигию или в Черные Королевства, как получится.

Хоть драгоценности, которые хранились в кошельке Турониса и которые до сих пор в неприкосновенности лежали у Конана за пазухой, и имели большую ценность, киммериец не думал, что их хватит ему надолго. Самое большее — на полгода. Так что на спокойное житье рассчитывать ему не приходится.

1

Ничто не предвещало беды. Море было спокойным, как престарелый евнух. Нагретая солнцем вода, повинуясь сонному бризу, лениво морщилась покатыми волнами.

Торговый корабль «Глаз Асурь», принадлежавший купцу Дханпату, казалось оцепенел на бескрайней глади Вендийского моря. Паруса едва трепыхались. Палуба тоже казалась вымершей. Поддавшись разлитой над влагой лени, моряки предавались праздности. Сил хватало лишь слегка шевелить языками.

Только один мореход не поддавался общему настроению. Высокий и статный, непохожий на других, в одной набедренной повязке, с бронзовым от загара телом и черными волосами, заплетенными в длинную косу, он, словно изваяние, застыл на носу судна. Он не доверял обманчивому спокойствию моря.

Корабль шел из Вендии к берегам Черных Королевств, мимо островов Жемчуга. Два дня

назад он отплыл из гавани Ашохана. Трюмы судна были доверху забиты драгоценными специями. Пряные запахи витали над палубой, наполняя души моряков спокойной уверенностью в успехе предприятия.

Не в первый раз морские бродяги совершали этот путь. И потому они были беспечны и предвкушали то время, когда они вернутся назад, выручив хорошие деньги за товар. Когда они бросят якорь в родной бухте, а выпотрошенный корабль останется под присмотром портовой стражи и пары часовых, которые, само собой, тут же напьются и заснут прямо на дощатой палубе — под усыпанным крупными звездами небом родины. Они мечтали о гибких храмовых танцовщицах, о юных плутовках на улочках трущоб, готовых на все ради площадки зерна и крепком пальмовом вине, которое так славно готовит старый Чанда из Бхарупы.

Моряки смеялись, нежась под лучами южного солнца, позабыв о том, что боги не любят, когда простые смертные пророчат себе удачу.

Время от времени они беззлобно задирали угрюмого гиганта с косой.

— Иногда я принимаю Конана за обрубок мачты. Он так же неподвижен и молчалив. Эй, братья, надо проверить, может, он уже умер? — балагурил просмоленный моряк, с черным, словно головешка лицом.

Ватага хохотала, продолжая зубоскалить, но он не обращал внимания на пустомель. С самого

начала путешествия им владели дурные предчувствия. Варварский инстинкт предупреждал: будь начеку!

Зато его хозяин «Глаза Асуры», Дханпат был весел и не помышлял о беде. Он лежал в своей каюте, единственной на корабле, и лениво наблюдал за черноволосым гигантом сквозь открытый зарешеченный люк в палубе. И даже две юные служанки, молчаливо сидящие по обе стороны от ложа купца и готовые исполнить любое желание хозяина, не могли отвлечь его хотя бы на мгновение.

Дханпат был тучный, круглолицый мужчина с глазами навывкате и толстыми бородавчатыми пальцами, напоминающими хвосты древесных гадюк. Купец любил жизнь и надеялся, что боги и впредь будут одаривать его своими милостями.

Сейчас он размышлял, и на это у него была веская причина. Он не понимал — почему Конан не пьет и не веселится со всей командой, а держится особняком. Да и по мнению жен Дханпата — северный варвар выглядел крайне подозрительно. Может быть он поспешил и не стоило брать киммерийца рулевым на корабль и доверять драгоценное судно лапам этого дикаря?

— Конан, ты стоишь так уже два колокола! Пойди отдохни! — воскликнул Дханпат, рассчитывая что варвар встрепенется и выйдет из своей угрюмой задумчивости.

При этих словах, находившаяся в его рту виноградина вылетела, и едва не упала на гряз-

ный пол. Юная служанка поймала ягоду, и, чтобы загладить неловкость хозяина, быстро ее проглотила.

Конан молчал. Он прекрасно слышал слова купца, но отвечать не спешил. Не пристало воину попусту молотить языком, подобно этому отребью на палубе.

— У меня есть для тебя подарок, Конан, — продолжал Дханпат. — Две мои рабыни полюбили тебя, едва увидев впервые. Спускайся вниз и я позволю им утолить твою страсть. Посмотрим, что ты скажешь, когда увидишь их прекрасные точеные лица и гибкие тела. Поверь, они восхитительны. Мои добрые жены прислали их, чтобы я не скучал в плавании. Но я хочу поделиться с тобой своим наслаждением, Конан. Ведь я еще не отблагодарил тебя за то, что ты ловко разделался с теми мерзавцами, которые подстерегли меня на задворках Ашохана.

Конан вовсе не собирался разочаровывать Дханпата и признаваться в том, что он сам подговорил этих бродяг напасть на купца. Они долго спорили, поскольку привыкли разбойничать в пустыне, грабя караваны.

Но варвару удалось втолковать этим тупоголовым детям Нергала, что нападение в тенистом переулке куда безопаснее и прибыльнее, чем лобовая атака среди песков. Они поверили и жестоко поплатились за свою доверчивость. В живых не осталось никого. Конан, конечно, надеялся, что кому-то из них удастся уцелеть. Но

вышло по другому — им не повезло. Зато все выглядело весьма убедительно.

Тогда он спешил. Капитан Гураб буквально наступал ему на пятки. Коварный пират готов был пойти на все, чтобы выпустить Конану кишки. Нельзя было терять ни дня. И Конан, услышав, что некий Дханпат назавтра должен поднять якорь и покинуть Ашохан, решил войти к купцу в доверие самым простым и быстрым способом — спасти ему жизнь.

Драка в переулке получилась на славу. Конан положил на месте всех грабителей, к вящему изумлению перепуганного купца. Дханпат остался доволен.

— Я помню, как ты играючи перерезал им глотки, — довольно шурился Дханпат. — Это было поразительно. Я тоже хочу поразить тебя, варвар. Ты поразишься тому, насколько не вяжется невинная внешность моих рабынь с их умением обращаться с мужчиной. У них тонкие талии, и плоские животы. Грудь едва проявились и соски розовы и нежны, словно бутоны цветов. Они отзываются на каждое прикосновение. Языки их подобны лианам. Они умеют мурлыкать и выгибать спины, как кошки. Они сделают для тебя все, что только ты сможешь вообразить.

Голос Дханпата дрожал от вожделения, но Конан продолжал упорно молчать.

Ближе к вечеру, когда Податель Жизни уже направил свою золотую колесницу к кромке

окоема, на небе появились мрачные облака. Варвар насторожился — такие обычно предвещают бурю. Облака лениво ворочались на багряном небе, словно стадо пустынных туров посреди осеннего поля. Потом от них отделилось одно — больше и темнее прочих. И поползло по направлению к кораблю.

Очертания облака менялись, его края становились все более четкими. Моряки забеспокоились. Они повскакали с мест, что-то залопотали на своем гортанном вендийском наречии, и стали отчаянно жестикулировать, показывая на небо.

Недавняя безмятежность уступила место тревоге.

— Таннин! Таннин! — вдруг истошно завопил темнолицый. Остальные тут же подхватили: — Таннин, таннин, — и начали метаться по кораблю, словно Зандра разом лишил их рассудка. Одни в ужасе полезли на мачты, другие решили забиться в трюм, а кто-то просто упал на палубу и попытался растечься по ней, словно вытащенная из воды медуза.

— Таннин! — снова и снова раздавались вопли.

Конан не шелохнулся.

Его лицо с каждым мгновением мрачнело все больше. Он понимал, что перед ними никакой не таннин, как это представлялось суеверным вендийским мореходам, но по сути это ничего не меняло.

Небесный зверь Таннин, как считали вендийцы, не любит жары. Чтобы быть все время в прохладе, чудовище забирается внутрь облака и лежит там, свесив черный хвост. Но облако постепенно поднимается вверх и, приближаясь к солнцу, теряет прохладу и испаряется. В конце концов, оно рассыпается в невесомую пыль, и уже не способно удержать таннина. И черный зверь, кружась в потоках ветра, падает вниз. Обрушившись на землю или в море, он в неистовстве вытаптывает посевы, обгладывает листву с деревьев, пожирает скот, и губит людей, не разбирая кто перед ним: раб или король. Но когда, устав, он все же останавливается, то тут же мгновенно погибает, превращаясь в черный дым.

Волнение на море усилилось, горизонт сделался черным, ливень стал подобен туче стрел. Свиристый ветер гнал перед собой огромные волны, похожие на горы.

Морякам чудились в волнах безглазые морды морских химер, обезображенные яростью, которые приготовились жрать человеческое мясо. Вендийцы верили, что эти твари со змеиным телом, обитают в крошечной тьме на морских глубинах, куда не отваживаются заплывать даже кракены. И только в шторм их, случается, выбрасывает на поверхность.

Налетел порыв резкого ветра, сильного как пощечина обиженной невесты, и холодного, как вода в подземных погребах Халогии. Корабль сильно качнулся, как будто задел днищем мель.

Паруса шумно хлопнули, потом на короткий отрезок времени обвисли, и затем неожиданно снова наполнились ветром. Но на этот раз в противоположном направлении.

Свободный конец одного из тросов, удерживавших край большого паруса, захлестнулся вокруг растяжки. Да так неудачно, что потянул за собой конец рея. Большой парус снова хлопнул — и развернулся поперек судна. Море, словно ожидало этого. Налетел еще более бешеный порыв ветра — и мачта качнулась, обмакнув нижний край паруса в воду. Снасти, заскрипели, будто застонали от боли — а потом затрещали.

Вопли обезумевших моряков, решивших, что на их головы пало наказание злого божества, и спасения нет и быть не может, едва не заглушили эти звуки. Но следом раздался треск, настолько громкий, что никакой человеческий голос не смог бы с ним сравниться.

Мачта надломилась у основания, и во все стороны полетели щепки, одна из которых попала в глаз чернолицему моряку, который еще совсем недавно подшучивал над Конаном. Моряк застыл на месте и истошно заорал, вместо того, чтобы попытаться спасти собственную шкуру. И корабль тем временем дергался, как норовистый конь, который хочет отомстить своему наезднику за годы подневольного труда.

Краем глаза Конан заметил гигантскую волну, лоснящуюся, словно спина исполинского змея — она стремительно приближалась к тонущему

судну. Не теряя больше времени, он подхватил бочонок с остатками пресной воды, и прыгнул с ним в воду, надеясь, что успеет отплыть на безопасное расстояние до того, как корабль разнесет в щепки.

Стихия закружила и завертела его, плеснула соленым в глаза и последнее, что смог разглядеть варвар сквозь влажную пелену, было маленькое судно вдалеке, к которому неумолимо приближался чудовищный морской зверь с плотью из темных волн.

А потом вокруг все померкло, и глаза варвара перестали различать что-то, кроме собственных рук и скользкого бока бочонка.

Он быстро потерял счет времени. Бочонок удерживал его на поверхности, давая возможность беречь силы. Время от времени он громко кричал, надеясь, что еще кто-нибудь уцелел, кроме него. Но ночь отзывалась только голосами ветра и волн.

К утру тучи рассеялись, взошло солнце, море стало утихать. В предрассветной мгле киммериец увидел, что выжил только он. Все остальные пошли ко дну — духи стихий собрали обильную жатву.

2

Вода была везде — куда ни кинь взгляд. Лишь изредка вдали мелькали черные лоснящиеся спины морских коров, чьи самки, по словам моряков, вполне могут заменить женщин, а самцы имеют мужское достоинство, неотличимое от человеческого.

Конан решил плыть на север. Где-то там должны находится острова Жемчуга.

День был тягучим, как смола. Время словно остановилось и не собиралось никуда идти. Солнце наблюдало за киммерийцем, как ленивый вор, лежа в тени, наблюдает за жертвой у которой стоило бы срезать кошелек.

К вечеру Конан заметил, что облака снова собираются в неприятного вида тучи, и закрывают небо. Он приготовился к новой буре, но ночь прошла довольно спокойно и Конану даже удалось слегка вздремнуть, под равномерное колыхание водной глади. Мало-помалу забрезжил рассвет. И в серых утренних сумерках варвар заметил у края окоема очертания земли.

3

Горб острова, полускрытый туманом, напоминал тушу кабана, валяющегося в луже. Конан вспомнил о Кабаньем острове, названным так как раз за свою схожесть с лежащим животным. Расстояние до острова было приличное, но Конан умел плавать, экономно расходуя силы.

Утренний туман рассеялся, и Кабаний остров стал виден лучше. Но чем ближе подплывал Конан, тем явственнее понимал, что хотя этот кусок суши и смахивал изгибом на спину вепря, надеяться на то, что это тот самый остров не приходится. Потому что над лесом, похожим на гигантскую кабанью щетину, выступали высокие острые скалы, очертаниями напоминавшие башни. А ничего подобного, насколько варвар помнил, на известном ему Кабаньем острове не имелось.

Через пару лиг, когда Конан смог рассмотреть эти скалы получше, он окончательно уверился в том, что это не игра природы, а творение человеческих рук. Впрочем, были ли эти руки человеческими, варвар до конца уверен не

был. Но как бы то ни было: перед ним были постройки, а не скальная гряда. А когда под ногами зашуршало пологое песчаное дно, в этом не оставалось никаких сомнений.

Тот Кабаний остров, который знал киммериец не мог считаться самым милым местом в Хайбории. Попасть сюда считалось если не худшим из зол, то, по крайней мере, большой неприятностью. Остров находился в стороне от главных морских путей, и здесь можно было прожить пятьдесят зим, не увидав паруса.

Именно поэтому они привезли сюда Шивадана, предателя, который намеревался сдать их разбойничью ватагу аколита владыки Бодей, давно мечтавшему заслужить щедрую награду торговцев и заодно прослыть в веках народным избавителем.

Но Шивадан скверно обучил своего ручного ринха, который неожиданно для своего хозяина, не найдя суши, прилетел обратно на корабль, так что капитан Гураб смог прочесть свиток, обмотанный вокруг его четвертой лапки.

Убивать Шивадана не стали, потому что капитан рассудил, что смерть слишком легкая кара за предательство. И будет гораздо справедливее, если их заблудший товарищ сдохнет от голода, жажды и укусов ядовитых сколопендр Хотха на Кабаньем острове, затерянном среди южных вод.

Конан брел по мелководью к берегу и настороженно вглядывался в приближающийся лес.

Если на острове были люди, то им могло не слишком понравиться его внезапное появление.

Погрузившись в размышления Конан чуть было не наступил на бурю тварь покрытую ядовитыми иглами, которая зарылась во влажный песок. Лишь в последнее мгновение он успел отдернуть ногу.

Он чуть-чуть сожалел, что пришлось бросить бочонок, спасший ему жизнь. Но вода в нем закончилась и тащить его на берег было бы глупо.

Сильно пахло гнилыми водорослями. Мертвые моллюски и медузы подсыхали на песке. Людей не было видно, лишь птицы перелетали с ветки на ветку, оглашая лес звонкими трелями. Солнце поднялось высоко и стало припекать. Жажда сделалась невыносимой.

Шатаясь, Конан добрал до леса и оказался под спасительной сенью. Отыскав звериную тропу, он двинулся по ней вглубь острова, зная что она приведет его к пресной воде.

Лес ничем не отличался от других лесов на островах Вендийского моря. Все те же огромные зубчатые листья, вездесущие лианы, яркие цветы, масса гниющих поваленных стволов, звонкое жужжание насекомых, и гомон птиц в вышине.

На всякий случай, Конан подобрал суковатую палку, достаточно тяжелую и прочную, чтобы при случае раскроить кому-то череп. Хотя на островах и не водилось крупных хищников, а опасаться следовало только ядовитых гадов, терять осторожность не пристало.

Далеко идти не пришлось. Конан почуял запах воды, а вскоре и увидел ее. Ручей разливался, огибая большой замшелый камень. Вода была прозрачной — и в ней словно застыли несколько рыбешек пестрой окраски.

Конан протянул руку, чтобы зачерпнуть воды — и обомлел. На дне сверкала половинка серебряной монеты. И северянин хорошо знал, где находится оставшаяся часть: у капитана Гураба! Тот всегда оставлял распиленную пополам монету в жертву Нергалу, надеясь, что это зачтется, когда его бесплотный дух попадет на Серые Равнины.

По всему выходило — это все-таки Кабаний остров!

А это значит, что место последних мучений Шивадана должно быть где-то здесь, неподалеку от ручья. Конан вдоволь напился, наполнил кожаную баклажку у пояса, с которой никогда не расставался, и отправился на поиски останков несчастного. Там должно было сохраниться кое-что, в чем сейчас он очень сильно нуждался.

Узнавая ориентиры, он скоро вышел на поляну с расщепленным деревом.

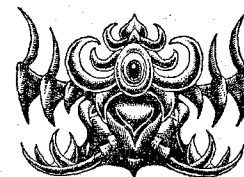
Шивадан был здесь. Точнее то, что от него осталось. Умер он, так, как и предсказывал Гураб. Ядовитые сколопендры Хотха выели его изнутри..

Лохмотья дхоти на скелете Шивадана полностью выцвели. И это было не удивительно — предателя вымачивали три дня в вязком соке

дерева сихора, чтобы тело его стало сладким и привлекло летающий гнус. Потом, уже на острове, привязав к дереву, предателю разжали зубы его же кинжалом и влили в глотку остатки сока, чтобы доставить удовольствие и сколопендрам. А для того, чтобы несчастный ненароком не сомкнул челюсти, ему в рот забили полую трубку из сухой кхитайской травы, так что членистоногим любителям сладкого путь был открыт. замысел Гураба удался на славу — предателя выели изнутри и, Кром свидетель, — смерть его не была легкой.

Конан осторожно пошарил палкой в густой траве, а когда на земле что-то блеснуло — нагнулся и поднял. Слава Солнцеликому, тот кинжал, что послужил оружием возмездия, уцелел и почти не покрылся ржавчиной. Недаром говорят, что секрет ханасульской стали людям открыл сам Индра. Киммериец отыскал подходящий камень и стал приводить клинок в порядок. С кинжалом на поясе он сразу почувствовал себя уверенней и был готов ко всему, что уготовили ему лукавые боги.

4

Варвары не мстят мертвецам. Поэтому Конан похоронил останки Шивадана, и попросил Нергала отнестись снисходительно к его мелкой душонке. Забросав могилу ветками киммериец пожал плечами и направился в сторону башен. Раз так получалось, что это — Кабаний остров, значит, башни появились в последнее время. А Конан что-то не мог припомнить случаев, чтобы такие строения возникали только благодаря человеческому трудолюбию всего за каких-нибудь пару лун. Значит дело не обошлось без магии. Что не предвещало ничего хорошего.

Впрочем, выбирать не приходилось.

Лес неожиданно кончился, а перед Конаном оказалась высокая стена, которая насколько хватало глаз уходила в стороны. Конан поднял бровь. Камни кладки были покрыты мхом, на кромке росли медкие кустики, в небольших трещинах курчавились лианы. Стена выглядела так, будто простояла не меньше десятка сотен зим.

Конан направился вдоль стены. Вокруг не было ни души, но напрягая слух можно было различить отголоски музыки и звуки человеческой речи, доносящиеся из-за каменной кладки.

Варвар поднял голову вверх. В приличных местах на таких стенах несут дозор стражники. Но тут никого не было, только ветер колыхал ветки кустов наверху.

Конану необходимо было попасть внутрь. Там должна быть вода и пища. Кроме того тот, кто сумел в короткие сроки возвести такую цитадель, обязан был знать и парочку способов как убраться с этого негостеприимного острова. Поэтому киммерийцу не оставалось ничего иного, как перелезть через стену.

Подниматься было нетрудно. Время или колдовство не пощадило строение, в каменной кладке было много выбоин и трещин. Теперь она мало чем отличалась от обычного утеса, а лазать по скалам для Конана было привычным занятием.

Замерев у верхней кромки, Конан прислушался. Вдалеке по-прежнему слышались звуки города, но вокруг было тихо. Он сделал последнее усилие и, одним рывком преодолев оставшееся расстояние, распластался на стене.

Огляделся.

Никого.

Похоже эти горожане были на редкость беспечны и совершенно не опасались вторжения..

Конан начал внимательно изучать раскрывшийся перед ним вид. Из-за стены не было

заметно, что город располагался на высоком холме. Улочки представляли собой лестницы с длинными ступенями, поднимавшиеся к центру, где надо всем нависали две черные мрачные башни без окон. Большинство строений было выкрашено в яркие цвета, на некоторых стенах домов виднелись геометрические узоры. Дома, как и улицы, поднимались ярусами. Крыши были плоскими, и на многих разбиты сады.

В одном из таких садов Конан заметил обнаженную женщину со смуглой кожей и множеством длинных черных косичек. Женщина стояла в небольшой лохани, а мальчишка-слуга в набедренной повязке тянулся вверх изо всех сил, прижавшись к цыпочке, чтобы полить из ковша на грудь хозяйке. Женщина заметила Конана, надменно улыбнулась, и повернулась к нему спиной.

Да, похоже они действительно не опасались врагов! Даже женщина и та не испугалась незнакомца! Более того: ее нисколько не удивило присутствие чужого человека на крепостной стене.

Странно.

И если прекрасная незнакомка продолжала как ни в чем не бывало совершать омовение, то мальчишка-слуга потерял толику бывлой расторопности и с не мог отвести глаза от Конана. В конце концов, его хозяйка не выдержала, вырвала у него ковш и как следует стукнула ротоzeug по голове.

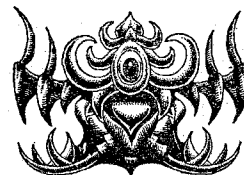
Конан поднялся на ноги и подошел к внутреннему краю крепостной стены. Неподалеку он

заметил каменную лестницу, спускавшуюся в город. Ступени были выщерблены и частично обвалились, но при некоторой ловкости можно было рискнуть и спуститься.

Едва он преодолел пару пролетов, как тут же появились зрители: стайка грязных и оборванных мальчишек, каких полно в любом городе Хайбории. Они начали свистеть, улюлюкать, кривляться и дразнить варвара.

Не обращая на мальчишек внимания, Конан наконец спустился и направился вверх по улочке. Он справедливо рассудил, что в центре города скорее сумеет найти место, где можно подкрепиться и отдохнуть. Хотя, для начала не мешало бы раздобыть немного денег: вряд ли, несмотря на всю свою беспечность, местные жители захотят даром предоставить незнакомцу то, в чем он так нуждается.

5

Знакомый запах привлек внимание Конана. Это был запах хорошей выпивки и жареного мяса. Он доносился от открытой двери неказистого домишки, к двери которого вели несколько покосившихся ступенек.

Конан рассудил, что не будет ничего дурного в том, если он зайдет и посмотрит что там происходит. Когда дверь не затворена, это означает — хозяева не прочь увидеть у себя гостей.

Едва он появился на пороге, как шум стих и на него уставилась добрая сотня глаз. Конан ухмыльнулся. Здесь было все то, что он так любил: жарящийся на вертеле ягненок, свежие фрукты, вареные овощи, и кувшины доброго вина. Все выглядело вполне сочным и аппетитным. Особенно для человека, который пережил кораблекрушение и почти два дня питался только водой из бочонка.

У дальней стены, под узким окошком, из которого падал тусклый свет, пристроились трое музыкантов среди которых была одна женщина.

Впрочем, она не слишком отличалась от остальных. Те же спутанные волосы, тот же потупленный взгляд и наклон головы. Она так же извлекала заунывные звуки из своего знавшего лучшие времена инструмента. Смертельная усталость чувствовалась не только в мелодии, но и в облике музыкантов. Они еле шевелили пальцами и даже не считали нужным отгонять огромных черных мух, которые беспрепятственно ползали по их лицам, словно играющие были уже мертвецами.

Глаза посетителей были направлены на Конана, но на него смотрели отнюдь не все. Опытный взгляд киммерийца мгновенно зафиксировал молодого человека, который не сводил глаз с кошелька дородного бородатого мужчины, прислонившегося к стене и пьющего из огромной кожаной кружки. Конан понял, что сейчас должно произойти и не ошибся. Юноша подошел поближе и легким движением крохотного ножика срезал кошелек с пояса бородача.

Юноша был худ, скуластое лицо с длинным тонким носом выдавало его дальнейшее родство со стигийцами. Он быстро поймал взгляд варвара.

Стало понятно, что он не собирается расставаться со своей добычей только потому, что кому-то кажется, что он не имеет на нее законного права. Юноша отделился от стены и небрежной походкой двинулся к выходу.

— А ну, стой, — рявкнул Конан и, схватив во-ра за плечо, развернул его к себе. В раскосых

черных глазах стигийца было изумление. Впрочем, в другое время и в другом месте, эти двое могли бы найти общий язык. Но не сейчас.

Словно, чтобы подтвердить этот вывод, вор стремительным движением выхватил из складок плаща нож, раза в три больше, чем тот, которым он срезал кошелек.

— Попробуй, возьми меня! — воскликнул он ломающимся, словно у подростка, голосом. Это настолько не вязалось с его обликом, что Конан на мгновение замешкался и едва не пропустил удар. Только в последний момент он сумел отклониться, и лезвие лишь слегка царапнуло варвара по животу.

Юноша рассмеялся. Смех его был подобен лаю гиены.

— Тебя, варвар, оказывается будет легко убить!

Это были лишние слова и Конан крепко схватил чересчур уверенного в себе бедолагу и швырнул его наземь. Причем постарался, чтобы встреча с полом была как можно более чувствительной. Вор вдруг с недоумением обнаружил перед своим лицом вместо живого противника твердую и холодную поверхность, по которой медленно растекалась лужа его собственной крови. Он схватился за разбитый нос и попытался встать, но это оказалось невозможно. Его будто придавил огромный камень.

— Ну, — раздался голос варвара, — а что ты скажешь теперь?

— Отпусти, я не могу дышать.

— Отпустить — это вряд ли, а вот дышать — пожалуй можно. Иначе палачу будет скучно возиться с мертвецом, — усмехнулся Конан, слезая со спины своего противника.

Тот поднял голову и пристально посмотрел на варвара.

— Ты — не он, — загадочно произнес воришка. — Тебя не было. Меня должен был поймать не ты, а тот, кто сейчас войдет. Войдет, когда я буду выходить.

— По-моему, тебе совсем худо, — задумчиво произнес Конан, — если ты начал нести такой вздор. Но ничего, думаю, здешние законы похожи на законы материка. Не зря же вы все изрядно смахиваете на вендийцев. Значит, за воровство тебя ожидает смерть. И не слишком быстрая.

Бородатый мужчина, пьющий у стены пиво и лишенный кошелька, до сих пор не понимал, что происходит. Он воловьими глазами глядел на Конана и воришку, и в этих глазах светилась пустота. Так смотрит на мир рыба, вытащенная на сушу.

Конан пошарил за пазухой вора и выудил на свет украденный кошелёк.

— Я поймал вора! — громко, чтобы всем было слышно, объявил он. — а ты, приятель, держи свой кошелёк! — добавил он, обращаясь к бородачу.

Бородач сделал очередной глоток и равнодушно ответил:

— Мой кошелёк у меня.

— Проверь, — посоветовал Конан.

— Зачем мне проверять. Я и так знаю.

— Бывает, что знание оказывается ложным. А проверить лишний раз никогда не помешает.

Бородач протянул руку к поясу и обнаружив, что там пусто — громко завопил.

Конан помотал кошельком над поверженным вором и швырнул его хозяину. Тот неловко его поймал и опять застыл в прежней позе. Похоже, благодарность здесь была не в чести.

Воришка пошевелился и указал пальцем на вход:

— Меня должен был поймать он...

Придерживая вора одной рукой, Конан оглянулся. В дверном проеме стоял толстяк. Лицо его скрывалось в тени. Зато можно было разглядеть дорогую одежду, зачем-то прикрытую лохмотьями нищенского плаща.

— Что вы все так устались на меня? — осведомился толстяк.

— Он говорит, что ты должен был поймать его, — объяснил Конан. — Хотя мне кажется, что он помешался от страха. Ты знаешь его?

— Впервые вижу, — отмахнулся толстяк. — Эй, хозяин, выпивку и жратву мне! Живо!

— Несу, — послышался сильный голос.

Конан оглянулся и увидел человека в кожаном фартуке, с голым волосатым торсом, который по внешнему виду и телосложению мог бы легко посоперничать с диким вепрем.

— Выпивки, — повторил толстяк. — И еды. Да поживее, Нергал тебя задери!

Кабаноподобный кивнул и скрылся за дверью, прикрытой занавесью из полой кхитайской травы.

Через некоторое время он вернулся, неся в одной руке оловянную кружку, наполненную так, что содержимое расплескивалось при ходьбе, а в другой — жареную фазанью ногу.

— Это тебе, — сказал он, протягивая руки к странному посетителю.

— Сожри меня морской змей! — воскликнул толстяк, принимая еду и выпивку. Потом шумно и надолго приложился к кружке. Закусив огромным куском фазаньей ноги, он пришел в доброе расположение духа, и обратил, наконец, внимание на нелепую пару на полу.

— Я поймал вора! — сказал Конан. — Он украл кошелек вон у того здоровяка у стены.

— Я плотник, — уточнил зачем-то бородач.

— Украл кошелек у плотника, — согласился Конан.

— Так что же мы стоим! — загрохотал вдруг толстяк. — Я убил двенадцать химер, двух морских змеев и одного кракена, и я не боюсь нечего! Эй, музыканты, играйте громче! Играйте песни моря! Так чтобы были в них слышны волны бездны, ветер и тучи!

Конан перевел взгляд на безумца и чуть ослабил хватку. Этим воспользовался стигиец, сумев выскользнуть из-под Конана, и рванул к двери.

Но на этом его везение закончилось. Потому что толстяк сделал резкое движение и вор затрепыхался в его железных лапах.

Юноша болтал ногами, как будто бежал, все еще не понимая, что вновь попался. Безумный любитель бурь крепко держал его за шкуру, не забывая при этом обглаживать фазанью ногу.

— Мы поведем тебя к судье, — ласково сказал толстяк, приблизив лицо к вору. — И после суда тебя... — И он красноречиво провел объедком возле шеи.

— Эй, все кто чтит власть царя Нилама! Я призываю вас к справедливости! Мы должны отвести вора в суд. Виновный должен быть наказан!

Он отхлебнул из кружки, затем посмотрел на Конана и добавил:

— Иди и ты, чужеземец!

Вместо борьбы за справедливость, Конан сейчас бы предпочел парочку окороков и пяток кружек доброго вина. Но отказаться было нельзя.

— А может он голоден? — неожиданно раздался женский голос, и Конан с удивлением увидел огромную женщину в грубой мужской одежде. — Попей мамино молочка! — Женщина подняла рубаху и высвободила чудовищных размеров грудь, больше напоминающую коровье вымя, с той только разницей, что соска было всего два.

Люди в таверне расхохотались. Так громко и заразительно, что даже музыканты, наконец, прекратили свою заунывную игру.

— Спасибо, дорогуша! Но с тех пор, как я вырос, я предпочитаю вино, — ответил Конан.

Хохот достиг чудовищной силы. По столам застучали кружки и кулаки.

— В суд! В суд! — закричали со всех сторон, и толпа направилась к выходу.

6

Судья Ахупам развалился в огромном резном кресле с высокой спинкой, в окружении стоящих советников и слуг. Он был благостен и находился в состоянии сонливой мечтательности. Советникам приходилось хуже. Они были вынуждены стоять и томиться на солнцепеке. Советники с завистью смотрели на судью и исподтишка толкали друг друга, стараясь занять местечко поближе к нему. И дело было не столько в почтительности к благонравному Ахупаму, сколько в опакале из перьев оликса, которое держал над судьей высокий и жилистый раб.

Перед Ахупамом на низком столике, с изогнутыми ножками в виде бодейских змей, стояли разные яства: шербет, сладкие сливы, орехи разных сортов, мелкие кхитайские груши, виноград с пятнистыми ягодами, напоминавшими перепелиные яйца.

Ахупам пошевелил пальцами — и юный слуга с лицом девочки и округлыми бедрами оторвал от кисти виноградину и поднес ее ко рту господина. Судья причмокнул и лениво приот-

крыл глаза. Но на этот раз сполна насладиться вкусом винограда ему не удалось, ибо он увидел то, что весьма его раздосадовало. К нему приближалась разношерстная толпа, состоящая из ремесленников, торговцев, слуг, и одного огромного варвара.

— Кто ты? — спросил судья, когда варвар приблизился. — И что это за люди с тобой?

Конан ответил не сразу, ибо был поражен даже больше уважаемого судьи, который сильно напоминал Дханпата. И если бы варвар не был уверен, что его бывший хозяин, вместе со своими юными наложницами, сейчас кормит рыб, то вполне мог бы подумать, что тот милостью богов перенесся на остров и заделался городским судьей.

— Я поймал вора. А эти люди пришли, чтобы подтвердить его вину. Мы требуем справедливого суда, ибо воровство должно быть наказано, а добродетель — поощрена.

— Ты выглядишь, как грубый варвар, — сказал судья. — Но изъясняешься, как цивилизованный человек. Сколько же времени понадобилось твоему хозяину, чтобы научить тебя говорить?

Конан сжал кулаки, но тут вперед выступил любитель фазанов, моря и бурь.

— Да, он — варвар! Но этот варвар поступил благородно — поймал вора! Это случилось в одном из достойнейших наших домов, где добрые люди обычно отдыхают! Но разве могли бы мы

впредь отдыхать спокойно, если бы узнали, что у одного из посетителей украли кошелек?

— Я знаю тебя, достойный господин Нубар и твое мнение значит немало, — прищурился судья. — Но для начала мне нужно знать, кто пострадавший.

— Мы все пострадали! — с жаром заявил Нубар.

— Но ведь не мог же вор украсть все ваши кошельки одновременно? — усмехнулся Ахупам. — Для этого у него должно было бы быть гораздо больше рук. А я вижу только пару.

— Он украл один кошелек, — сказал Нубар. — Но это все равно, как если бы он украл все. Он опозорил уважаемое заведение!

— Я знаю, о каком уважаемом заведении говоришь ты, Нубар, — сообщил судья. — И это прискорбно, что такой невзрачный тип, чье лицо отягощено всеми мыслимыми пороками, позарился на отраду страждущих и вопиющих. Но все-таки кто же пострадавший?

Нубар обернулся и показал на флегматичного плотника.

— Я — плотник, — представился бородач.

— Это сейчас неважно. А скажи-ка нам, плотник, у тебя действительно украли кошелек, и вот этот варвар вернул его тебе?

— Да, судья Ахупам.

— А где сейчас этот кошелек?

— У меня на поясе, судья Ахупам.

— Кто еще может подтвердить слова Нубара

и плотника? — судья привстал. — Кто видел, как вор украл кошелек у плотника? А потом этот варвар поймал вора с кошельком, и вернул украденное владельцу?

— Я могу подтвердить, — сказала дородная женщина в мужской одежде. — Я видела. — Она с глупой ухмылкой подмигнула Конану, и вытянула губы.

— Датарфа, я давно знаю тебя. И помню, что ты не способна лгать, поскольку разум твой подобен разуму ребенка. — Ахупам снова опустился на кресло. — Что ж! Я убедился, что тот, на кого вы все указываете, виноват. Хорошо, будь по вашему, — сказал он и щелкнул пальцами. — Стража, ведите злодея сюда!

Стражники с длинными палками подхватили вора, подволокли к судье и заставили опуститься на колени.

— Признаешь ли ты свою вину?

— Нет! — отрезал вор с лицом суровым, как у отца, который застал невинную дочь с любовником.

Брови Ахупама приподнялись.

— Значит, несмотря на то что было здесь сказано, несмотря на свидетельства уважаемых горожан славного Терена, ты, несчастный, все еще отрицаешь свою вину? В своем ли ты уме, или Нергал лишил тебя рассудка? Ты знаешь, где находишься?

— Вполне. Я нахожусь в грязнейшем и отвратительнейшем из городов Хайбории, который населяют трусы, шлюхи, чревоугодники и лгуны. Я

весь, с головы до ног, запачкан вашими грязными подозрениями! Вы отравили меня ядом своих уст, ядом смертельнее, чем у самой злобной из вендийских змей!

Ахупам покачал головой.

— Ты складно говоришь, но тебе это не поможет. Ты виновен, а значит — понесешь наказание. Но за эту луну ты третий, кого я приговариваю к смерти, а значит, по нашим мудрым законам, ты имеешь право выбрать себе способ казни. Как ты хочешь умереть?

— Я бы хотел умереть от старости, — заявил стигиец.

Ахупам рассмеялся.

— Bravo, юноша! — сказал он. — Ты не потерял способность к веселью даже перед лицом смерти! Ты отважный человек, раз шутишь, вместо того, чтобы дрожать от страха. За это я исполню твое желание. Я могу оценить добрую шутку и докажу это тебе. И ты сполна это оценишь, когда узришь палача.

Ахупам снова рассмеялся. Вор захотел сказать что-то еще, но быстро получил по губам палкой.

— С тобой все решено, но надо и другим воздать по заслугам, — произнес судья и сложил руки на животе. — Мой приговор будет справедливым! Подойди сюда, плотник. И вручи мне твой кошелек, дабы я мог пересчитать монеты, находящиеся в нем.

Плотнику явно не хотелось снова расставаться со своим добром, но он пересилил себя и

поплелся к судье, протягивая тому кошелек. Судья развязал его, высыпал монеты, пересчитал их и разделил на три равные кучки. Плотник с ужасом наблюдал за его манипуляциями.

— Нашедший утерянное имущество имеет право на треть этого имущества, а поскольку кошелек был потерян тобой по глупости, а чужеземец, нашедший его, проявил смелость и доблесть, ему полагается дополнительное вознаграждение в одну треть. Таким образом, тебе остается треть твоих денег, и ты должен быть благодарен мне за мудрое решение.

У бородача отвисла челюсть, когда он услышал слова судьи. Про первую треть он знал, а вот вторая совсем не казалась ему справедливой. Но спорить было бесполезно, поэтому он утрюмо кивнул.

Ахупам взял одну горстку монет и, ссыпав ее в кошелек плотника, завязал его.

— Возьми то, что принадлежит тебе по праву.

Рука бородача дрожала, когда он забирал кошелек, но он сумел скрыть досаду.

Ахупам подозвал Конана.

— Как тебя зовут, варвар? — спросил Ахупам.

— Конан, но иногда меня называют и другими именами. Например, Амра, что значит Лев, — ответил Конан.

— Подойди, Амра. Я хочу воздать тебе по заслугам.

Ахупам поманил к себе одного из советников, прошептал ему что-то на ухо, и советник быстро

удалился. Вернулся он еще быстрее. В руке у него был пустой кошелек, который он передал судье. Тот насыпал в него монеты и протянул Конану.

— Возьми, это твое, — произнес он.

Конан не стал возражать.

Затем судья обратился к все еще стоящему на коленях стигийцу.

— А тебе пора! — грозным голосом заявил он. — Раз ты хочешь умереть от старости, ты умрешь от нее! Готовьте плаху!

Стигиец снова получил удар палкой: просто так, на всякий случай. От такого предупреждения из расщелины губы брызнула кровь, а стражники рывком подняли его на ноги, и погнало к выходу. Толпа загудела в предвкушении зрелища.

В воротах суда вор обернулся и посмотрел на Конана и усмехнулся. словно он знал нечто, чего не знали другие.

Конан тоже направился к выходу.

Вслед киммерийцу раздался голос Ахупама.

— Надеюсь, мы скоро встретимся, Конан, Лев Из Иных Земель, — сказал он.

7

Кошелек приятно постукивал по бедру варвара при ходьбе и Конан воспрянул духом. Привлеченный аппетитным запахом, прилетевшим издалека, Конан отстал от толпы и свернул на кривую узкую улочку. Никто не обратил на это внимания.

Длинные ступени улочки вели вниз и Конану показалось, что он уже видел ее с городской стены. По мере того, как Конан спускался, притягательный аромат усиливался. Меж крыш киммериец заметил пустое пространство, а потом услышал доносящийся оттуда гомон. Заглянув за угол, он понял, что нашел источник запаха.

На маленькой площади находился рынок, на котором торговали съестным: битой птицей, рыбой, плодами, мясом и хлебом. Здесь же на раскаленных камнях готовили простые кушанья, которые полагалось есть, завернув в тонкую лепешку. Что и делали с явным удовольствием покупатели в разноцветной одежде. Они чавкали, обливаясь жиром и маслом, и роняли на землю

куски, которые тут же побирали снующие повсюду шакалы.

Блуждающий в нетерпеливом возбуждении голодный взгляд Конана остановился на аппетитном куске мяса, который шкворчал на медной решетке. Остановился не только из-за восхитительного вида пищи, но и из-за внешности торговки, стоявшей рядом.

Она как две капли воды была похожа на Датарфу, только, пожалуй, имела более внушительные формы.

— Ну что, красавчик, хочешь отведать этой прелести?

И торговка сделала жест, будто предлагала ему не еду, а себя.

На самом деле Конана волновала не она, а тот замечательный кусок, от которого исходили сводящие с ума запахи. И Конан, не сдержавшись, потянулся к нему.

Хозяйка мгновенно сменила милость на гнев, и шлепнула киммерийца по руке.

— А ну прочь! Думаешь, раз я болтаю с тобой, так тебе можно воровать?

— Не бойся, женщина, я заплачу, — сказал Конан, развязывая кошелек. Краем глаза, он заметил, что этим заинтересовались мальчишки, которые не отставали от него с тех пор, как он ступил на базарную площадь.

На свет появился небольшой тусклый кругляш. Хозяйка мельком взглянула на нее и расхохоталась, упирая руки в бедра.

— Ты думаешь, я не знаю, как выглядят деньги? — ехидно спросила она, приблизив лицо к лицу Конана, и почему-то перешла на громкий шепот. — Засунь свою кругляшку обратно и никому не показывай, а то сочтут за мошенника и позовут стражу!

Мальчишки заулюлюкали. Некоторые из них принялись шарить по земле в поисках объедков и мусора, чтобы издалека запустить в чужеземца и всласть посмеяться над тем, как он будет потрясать кулаками и призывать богов.

Конан помрачнел. Он не терпел когда его обманивали. Только вот кто? Торговка, собирающаяся выманить у него монету побольше, или кто-то из тех, у кого кошелек побывал раньше?

Конан вспомнил усмехающееся лицо вора, когда его повели на казнь. Но почему судья, пересчитывая монеты, ничего не заметил? Разве что этот благородный господин никогда не видел денег. Что, впрочем не было исключено, учитывая количество толпящихся вокруг судьи слуг и рабов. Ахупаму не было нужды пачкать пальцы о презренный металл — для этого у него было достаточно клеветников.

— А может ты и впрямь мошенник? — не унималась торговка, так и не дождавшись ответа от варвара. Конан молчал и тучная ведьма вдруг истошно завопила:

— Эй, люди! Он покусился на мое мясо!

Конан сделал шаг назад, но толстуха с остервенением вцепилась в край набедренной повязки

и потянула, будто собиралась его раздеть. Женщина весила чересчур много, и хватка у нее была соответствующая, но Конан рванул повязку обратно и ткань, не выдержав, разорвалась. Варвар потерял равновесие и, споткнувшись о нехоти подвернувшегося шакала, со всего размаху рухнул на землю, подняв тучу красноватой пыли.

Сразу раздался смех мальчишек — и в голову киммерийца полетела подгнившая слива. Следом за ней — другие. Но торговка грозно прикрикнула на сорванцов и они прыснули по сторонам.

Едва Конан поднялся, как его обступили люди, которые стали разглядывать варвара: кто с презрением, кто с ненавистью, а большинство с равнодушием..

— Кром, чем я провинился перед вами? — насупился Конан.

— Ты пытался нас надуть, а мы этого очень не любим, — сообщил косоглазый мужчина с лепешкой в руке.

— К тому же, ты строил мне глазки, пытаешься соблазнить, делал грязные намеки, да еще силлся лапать мои прелести своими грязными ручищами!, — подбоченилась торговка.

— Этого я не делал! — не выдержал Конан.

— Значит, остальную свою вину ты признаешь? — невнятно осведомился косоглазый, вновь принявшийся жевать лепешку.

— Не признаю я никакой вины! — заявил Конан. Рука его потянулась к кинжалу.

— Значит ты обвиняешь нас во лжи? Ты хочешь сказать, что мы глупы, слепы и у нас нет совести? — спросил мужчина. При этом кусочек лепешки вывалился у него изо рта, и на него с чавканьем набросился тот самый шакал, о которого споткнулся Конан.

— Мы отведем тебя к нашему судье, — произнес мужчина. — Он мудр и справедлив, он сумеет рассудить нас. И я думаю, ты получишь по заслугам. Ты виноват. Ты пришел в наш город и пытаешься установить тут свои варварские порядки.

— Я не пытаюсь устанавливать никакие порядки, я просто хочу есть, — ответил Конан. — Мой корабль потерпел крушение, я провел в море два дня. Я смертельно устал и очень хочу есть!

Толпа угрожающе зароптала. И придвинулась ближе.

Конан пожал плечами.

— Не махать же кинжалом из-за какого-то куска мяса! Тем более, что у судьи я уже был. Почему бы не навестить его еще раз.

Он решительно толкнул бледного человека, с пустыми глазами, нехотая заступившего ему дорогу и направился по улочке вверх. Толпа поспешила за ним. Торговка опять ухватила его за набедренную повязку.

Конан обернулся.

— Послушай, красавица, — сказал он. — Я не выношу, когда меня принуждают. Не давай воли рукам!

Торговка опустила глаза и разжала пальцы.

Толпа во главе с Конаном дошла до конца улочки. Завернув за угол, они встретились с другой толпой, поменьше. Она состояла в основном из юношей, едва вышедших из детского возраста, но была слегка разбавлена несколькими столь же юными девами. Все, кроме женщины шедшей впереди, были одеты подчеркнуто просто. Но их предводительница с лихвой восполняла скромность остальных. На ней была одежда из разноцветного шелка, затейливо повязанный пояс украшен сверкающей вышивкой цветов и птиц. Длинные волосы были заплетены тонкими косичками с серебряными шнурами, на шее висело ожерелье из крупных жемчужин идеально круглой формы.

Конан узнал ее. Это была та самая красавица, которую он лицезрел купающейся, когда лежал на городской стене.

— Ах, его уже схватили! — взвизгнула дама, тыча в киммерийца пальцем. — Я так и знала, что мною он не ограничится!

Она подскочила к Конану и плюнула ему в лицо. Потом обернулась к недоумевающей торговке, и громко заявила:

— Он пытался учинить надо мной насилие!

Зато торговка, лицо которой от злобы вдруг преобразилось до такой степени, что перестало казаться круглым, процедила сквозь зубы:

— Ты ошибаешься, милочка. Вряд ли этот несчастный позарился бы на тебя! Ты скудна

телом, как вяленая на солнце рыба! Посмотри на свои кости, кому ты нужна?

Дева с жемчужным ожерельем сжала кулачки.

— Конечно! — с тонкой улыбкой сказала она. — Куда мне до тебя. Ты же уверена, что тело покрытое слоями жира — привлекательно? Тогда самой желанной должна быть телица, которую специально откормили для жертвоприношения. Из тебя, из тебя может получиться отличное сало... Чтобы делать свечи для воскуривания темной Кали!

Круглая торговка развела руки в стороны, набрала в грудь побольше воздуха, и истощно заорала:

— Да об тебя можно пораниться! Из тебя во все стороны торчат кости, как иглы у мартихоры. Бедняжка, как же тебе, наверное, трудно уговорить настоящего мужчину лечь с собой в постель!

— Зато на тебе мужчина почувствует себя моряком! Его укачает и вывернет наизнанку!

Женщины уставились друг на друга с испепеляющей ненавистью.

— Вот уж не скажи! — возразила торговка. — Никого еще не укачало. Ни один даже не заснул. Потому что мои прелести не оставляют мужчину равнодушным. А вот тебе, бедняжке, такого ни разу не довелось испытать. Недаром ты держишь столько рабов. Ты просто не способна соблазнить свободного мужчину.

— Мои рабы — это мои рабы! — взвизгнула девица с косичками. — И не тебе о них судить. И не смотри на них так сладострастно. От твоего похотливого взгляда, у моих слуг могут начаться колики!

Торговка сделала к ней шаг, и женщина поспешила укрыться за двумя слугами, которые с испугом взирали на крупную женщину.

— Мы идем к судье, — сказал косоглазый мужчина, беря торговку за локоть. — И я уверен, что наш мудрый Ахупам все устроит наилучшим образом. Этот чужеземец осквернил наши обычаи. Он пытался расплатиться фальшивыми деньгами. Кроме того, он позарился на невинность наших женщин.

При слове «невинность» торговка громко фыркнула и выразительно посмотрела в сторону своей обидчицы.

— Этот чужеземец хотел надругаться над мной! — топнула ногой дева с косичками. — Рабы, вы подтверждаете мои слова?

— Да, госпожа! — потупили взор юноши и девушки.

— Как бы то ни было, — сказала торговка, — а варвар заплатит сполна!.. Но и ты ответишь за свою ложь тоже! Хотела бы я посмотреть, как ты будешь орать, когда тебя будут наказывать палками!

8

Казалось, судья Ахупам ничуть не удивился, когда Конан появился вновь. На этот раз в сопровождении еще большей толпы и не менее пестрой.

— Снова ты! — причмокнул губами Ахупам. — Кого ты поймал на этот раз?

— На этот раз поймали его! — заявила торговка.

— Он хотел надругаться надо мной! — добавила женщина с косичками. — Его нужно оскопить и бросить в море.

Судья пожевал губами.

— Подданные царя Нилама находятся под защитой справедливого закона. Ты, варвар, колокол назад совершил благородный поступок, но теперь ты поступил дурно и будешь наказан.

От щелкнул пальцами, делая знак стражникам.

Воины, вооруженные палками, подскочили к Конану и попытались заставить его опуститься на колени, но киммериец вырвал палку одного из них, пнул его в живот другого, а потом

сломал об колено. Это мгновенно прояснило умы нападавших.

— Я требую справедливости! — заявил Конан, отбросив в сторону обломки.

— И ты получишь ее, страждущий! — уверенно сказал судья. — Только надо сначала разобраться, кто пострадал, в чем, и от кого. Это вопросы, требующие однозначного ответа, и никто не вправе посягнуть на самую суть правосудия, которая заключается в том, чтобы отличить правду от лжи. Женщина, поведай нам, что стряслось? — спросил судья, обратившись к торговке.

Она тяжело вздохнула.

— Он хотел расплатиться со мной ненастоящими монетами, господин судья. Он посягал на мою честь, и хотел осквернить мою невинную плоть грязными прикосновениями!

Брови Ахупама приподнялись.

— Как тебя зовут, красавица? — спросил он.

— Меропа. Меня все знают на рынке. Я никогда не лгу! — ответила торговка.

— Я верю тебе, Меропа. Ты очень похожа на ту женщину, которую я наблюдал чуть раньше. Это сходство говорит мне, что и твой разум столь ничтожен, что ты просто не умеешь лгать. Значит, ты сможешь ответить мне правду без промедления. Скажи, как именно обвиняемый хотел осквернить твою невинную плоть?

— Он собирался прикоснуться ко мне! — с искренним возмущением воскликнула Меропа.

— Ты вся такая округлая и прекрасная, что трудно выбрать в тебе что-то одно. Тебя хочется сразу всю, красавица! Но скажи мне, не стесняйся, какое именно место хотел потрогать чужеземец?

Меропа опустила глаза, и ее лицо, и прежде румяное, сделалось багровым, как заходящее солнце.

— Я не могу ответить, господин судья, — смущенно произнесла она, принявшись водить по земле толстой ножкой, облаченной в грубую кожаную сандалию.

— Она лжет! — вдруг не выдержала дама с косичками.

— Я никогда не лгу! — взвизгнула Меропа. — Господин судья, прикажите высечь эту выскочку. Посмотрите на ее порочное лицо! У нее совсем нет совести!

— Зато у тебя этой совести столько, что ей можно накормить всех шакалов в городе. Совесть из тебя со всех сторон выпирает. Ее так много, что ты можешь в любой момент лопнуть!

— Сама не лопни от злости, уродина! — возразила Меропа.

С улицы вдруг раздались ритмичные звуки и выкрики.

— Стража царя! — вскрикнул судья Ахупам и встал с кресла. Росту в нем было меньше, чем казалось, когда он сидел.

С ритмичными выкриками в ворота суда вошли солдаты и построились. Их облачение мог-

ло бы вызвать зависть многих владык Хайбории: темные одеяния, кожаные нагрудники, бронзовые птичьи маски, и остроконечные шлемы. Они казались воплощением небесного воинства и были вооружены мечами, похожими на плавники летучих рыб. На поясе у каждого красовались ножны с тремя кинжалами различной формы.

Офицер в шлеме с двумя сверкающими перьями птиц римуза — знак особых полномочий — отделился от остальных, и подошел к судье. Поклонившись, он протянул ему небольшую досщечку с письменами.

Читая, Ахупам преобразился. На его лице последовательно промелькнули: гордость, недоумение и просветленное понимание.

— Царь Нилам милостив, — радостно сказал он. — Он заботится о нас, как о своих собственных детях. Его мудрость безгранична. Его справедливость достойна всяческого восхищения. Никто не мог бы вернее рассудить любой спор, чем наш добрый владыка.

Ахупам еще раз поклонился и прижал руки к груди, изъявляя глубочайшее почтение.

Офицер повернулся к Конану:

— Ты пойдешь со мной, варвар. Тебя будет судить сам царь! Он прослышал о твоих деяниях, и хочет видеть тебя лично! Солдаты, взять его!

Те с лязгом вытащили из ножен мечи и окружили Конана. Тот и не думал сопротивляться.

Вряд ли стоило присылать отряд солдат только для того, чтобы отправить его в чертоги Крома. В любом случае познакомиться с владыкой этого странного местечка было явно не лишнее.

— Как же так? — возмутилась женщина с косичками. — Господин офицер, почему его не судят обычным судом? Он нанес мне ущерб и я требую справедливости!

— Ты сомневаешься в справедливости царя? — поднял бровь офицер.

— Она сомневается! — подлила масла в огонь Меропа. — Хватайте ее!

— Нет, нет, я ничуть не сомневаюсь! — заголосила дама, прячась за спины рабов.

— Солдаты, вперед! — приказал офицер.

Воины замаршировали, заголосив свой странный однословный клич. Конан пожал плечами и невозмутимо двинулся вперед, окруженный птичеголовыми конвоирами.

Они направились в ту же сторону, куда увели вора. Миновали узкую кривую улочку, ведущую к рынку, поднялись по лестнице с широкими ступенями, прошли под высокой широкой аркой с нишами, в которых стояли статуи людей и зверей из черного базальта, и вышли на улицу, самую широкую из всех, виденных Конаном в городе. К тому же, она, в отличие от остальных была пряма, как стрела, и устремлялась вверх, к торчащим в небеса двум черным башням. Эта улица была безлюдна, если не считать лежащих по обочинам грязных калёк, которые

стонали и протягивали к солдатам руки. Поодаль копошились их голые дети. Они выглядели еще отрешеннее, чем взрослые, и смотрели бессмысленным взглядом, будто опоенные пылью черного лотоса.

Улочка заканчивалась большой пустой площадью, на которой лишь кое-где мелькали живые островки людей — все тех же нищих. По обеим сторонам площади высились черные башни, одна из которых смотрела на Восход, другая на Закат.

Вблизи стало заметно что башни выглядели по разному. Создавалось впечатление, что их возвели с промежутком в сотни зим. Стены левой были закопчены и выщерблены до дресвы, штукатурка отвалилась, и орнаменты на ней были потускнели от времени. Правая же выглядела так, будто ее только что построили. Роспись была яркой и свежей, над стенами покачивались верхушки деревьев, у входа были натянуты разноцветные полотнища.

Птицеголовые воины направились к правой башне и Конану ничего не оставалось, как последовать за ними. У бронзовых ворот стояли воины, вооруженные алебардами.

Кортеж Конана остановился. Офицер с перьями обменялся приветствием и дощечками с караульными, и их пропустили внутрь.

Конан быстро огляделся, привычно оценивая обстановку. Прямо перед ним находилось длинное здание: в торце восточного крыла, загибавшегося в сторону площади, красовалась черная башня. Напротив ворот был выкопан круглый водоем, в котором плавали красные рыбы с длинными желтыми плавниками. Над ним выгнулся узкий мостик, увитый лианами и цветами.

— Иди, царь ждет тебя, — сказал офицер, показав на мостик.

Конану не пришлось повторять дважды. Мост несколько не напоминал ловушку, да и красные рыбы выглядели подкупающе безобидно. Да и вряд ли стоило тащить его так далеко только

ради удовольствия умертвить незадачливого чужеземца, в чертогах местного владыки.

Перейдя мост, Конан очутился на плетеной дорожке, которая тянулась к дворцу и поднималась по его ступеням. На лестнице стояли воины, но облачение их сильно отличалось от того, что уже довелось увидеть варвару.

Собственно, доспехи у них были разные.

Все. Складывалось впечатление будто местный владыка коллекционирует солдат из разных уголков Хайбории. Мимо идущего Конана мелькали длинные и короткие мечи, боевые молоты, кожаные, медные и бронзовые кирасы, украшенные лапами тигров, медведей, или инкрустированные драгоценными камнями.

Впечатление усиливалось еще и тем, что воины явно принадлежали к разным народностям хайборийского мира. Рядом с белокурый гигантом стоял невзрачный смуглый крепыш, а следующим в строю был гибкий раскосый солдат, который соседствовал с чернокожим гигантом, украшенным раздвоенной бородой.

Речь воинов также вызывала недоумение.

— Царь ждет тебя в тронном зале! — срывающимся фальцетом сообщил крепыш.

— Иди вперед, и ты увидишь царя! — добавил его крупный собрат.

И оба: маленький — коротким мечом с волнообразным лезвием, а большой — боевым молотом, указали на арку, занавешенную зелеными полотнами, колеблющимися на ветру.

Конан вошел. За полотнами скрывался зал с множеством колонн, между которыми струился тусклый рассеянный свет. На противоположном конце помещения виднелась арка, освещенная теплым светом огня.

Конан направился к ней.

Неожиданно рядом послышались быстрые, легкие шаги, и Конан услышал переливчатый девичий смех. «Он идет, идет!» — долетел шепот.

Конан повернулся и успел заметить мелькнувшую по ближайшей колонне тень, а потом все смолкло. Но стоило киммерийцу возобновить путь, как шаги и смех раздались снова. Теперь их стало больше, они доносились с двух сторон, но, как Конан ни вертел головой, он так и не смог никого разглядеть: лишь за колоннами мелькали края легких одежд.

За аркой находился другой зал, ярко освещенный масляными светильниками на высоких медных треножниках. Чад от сгоревшего масла уходил в искусно сделанные вытяжные отверстия, скрытые в стенах. По залу молча бродили люди с окаменевшими лицами, напоминающие восковые статуи.

В глубине зала, на небольшом возвышении Конан разглядел резной каменный трон. К нему вели ступеньки, богато изукрашенные орнаментом. У подножия трона распластался раб в разноцветных одеждах. Конан догадался, что это шут, призванный скрасить скуку владыки. На

троне сидел высокий и худой человек с властным и сильным взглядом.

Конан приложил согнутую в локте руку к груди.

— Я Конан, варвар из Киммерии. Приветствую тебя, владыка здешних мест!

Царь медленно поднял правую руку.

— Ты должен был прийти, и ты пришел, — изрек он.

— А чтобы это уж наверняка произошло, ты послал за мной своих солдат.

Царь слегка улыбнулся.

— Мы ждали тебя.

Конан покачал головой.

— Наверное, я не тот, кого вы ждали. Я оказался здесь случайно. Мой корабль попал в бурю и разбился. Я единственный, Кром-повелитель, кому удалось уцелеть. Я плыл два дня, прежде чем попасть на ваш остров. Прежде я бывал на нем, но твоего города не видел. Возможно тогда я чем-то прогневал богов и они застили мне глаза.

Шут вскочил со ступенек, подбежал к царю и склоняясь к его уху, прошептал что-то, поглядывая в сторону Конана.

— Они хотят убедиться в том, что ты существуешь. Они хотят коснуться тебя, — заявил царь.

Конан обернулся. Все безмолвные обитатели дворца, выстроились сзади плотной толпой. Вар-

вар почувствовал как от них исходят волны страха.

Шут опустился на четвереньки и, подойдя к Конану, принялся обнюхивать его, словно шакал.

— Настоящий! — взвизгнул он, и заскулив, отбежал к трону.

Черета придворных выстроилась в длинную цепь. Они шли, шурша одеждами, холодные и надменные, и дотрагивались ледяными пальцами до руки или плеча Конана.

— Они убедились, что ты настоящий. Значит, настала пора идти в храм Гекатонхейра, — промолвил царь и устоял на Конана таким пристальным взглядом, словно опасался, что тот исчезнет или превратится в женщину.

Окруженный толпой застывших придворных. Конан на мгновение замешкался.

— Чего же ты мешкаешь? Иди. Промедления не было в наших снах, — нахмурился царь.

Конан окинул взглядом бесстрастные лица. Вот, значит, как. Оказывается он всем им снился. А теперь, наконец, его увидели воочию. Так что же хотят от него эти безумцы, Нергал их заberi...

— Но вы то мне не снились, — возразил варвар.

Тут уже можно было начать смеяться, если конечно все это было шуткой. Но с каждым поворотом клепсидры Конан все меньше и меньше верил в то, что местный владыка просто решил позабавиться с чужеземцем.

Повисла тишина. Конан посмотрел на застывшие тела придворных и пожалел, что при нем нет его доброго меча. Сложившаяся ситуация нравилась ему все меньше.

— Этого тоже не было в наших снах, — нарушил молчание царь. — В наших снах ты сразу уходишь, как только я говорю, что настала пора идти в храм. Тот, который известен нам из сновидений, не задает вопросов. К чему? Если ответы на них он знает лучше любого из нас. Но теперь я вижу, что сны не всегда правдивы. Если богам так угодно, то я расскажу тебе обо всем. Но сперва изволь вкусить гостеприимство царя Нилама.

С теплом в сердце Меропа возвращалась домой, таща за собой косоглазого любителя лепешек.

— Ты узнаешь, Арфар, что я не солгала, — говорила она. — В моих объятиях ты забудешь обо всем. Я женщина горячая и вкусная, как мясное кушанье с вендийскими приправами! И ты не пожалеешь, что согласился провести со мной ночь!

Улица была непривычно пуста. По пути не попалось ни одного мальчишки, которые обычно увивались вокруг толстухи, как осы у винограда. Меропа поднялась по ступеням под анфиладой деревянных арок, увитых плющом, и отворила дверь.

У входа стоял ее старик-отец, который силился натянуть на себя ветхую одежду багрового цвета, украшенную костяшками из фаланг пальцев.

— Куда это ты собрался? — осведомилась Меропа.

Отец гордо поднял голову. Шея у него была тонкая, кожа на ней висела, как у туранского петуха, кадык торчал острым мыском.

— А ты, верно, считаешь, что твой отец ни на что уже не годен? — спросил он и с укоризной подняв вверх указательный палец. — Вот и ошибаешься! — Он засмеялся, точнее, попытался это сделать, потому что смех сразу же, не успев начаться, перешел в кашель. — Ошибаешься! Твой отец еще нужен!

Он продолжил застегивать пуговицы дрожащими руками, с трудом попадая в петли.

— За мной прислали, — сказал он. — Это был прекрасный молодой человек. Юный и нежный, как дева! Он сказал, что для меня есть работа...

— Но отец, ты ведь десять зим никого не казнил! — воскликнула Меропа.

— Мастерство не умирает! Принеси мне меч! Меропа покачала головой.

— Разве ты сможешь поднять его? Отец, что же нам делать?! Зачем же ты согласился!

— Настоящий мастер не должен чураться испытаний! — гордо заявил он одергивая слежавшуюся одежду. — Я казнил сотни преступников, и никто из них не мог бы пожаловаться, что я недостаточно искусен в своем ремесле.

Меропа печально улыбнулась и ушла в дом. Через пару терций она вернулась с большим мечом в ножнах сандалового дерева.

— Ах, если бы только ты родилась мужчиной! — вдруг воскликнул отец. — В тебе есть

все, что необходимо для нашего ремесла. Но тебе никогда не стать палачом только потому, что боги сделали тебя женщиной. И мое мастерство умрет вместе со мной. Боги не наградили меня наследником, которому я мог бы завещать свое умение...

Меропа привлекла отца к себе, и он уткнулся седой головой в ее плечо, едва сдерживая рыдания. Косоглазый Арфар, возлюбленный Меропы, смутившись, отвернулся.

— Ты не похожа на сестру, — всхлипнув, сказал старик. — Недавно я встретил ее. Она плясала со своими любовниками, и вместе с ними распевала песню. Стыдно сказать, во что она была одета!

— Отец, наверное, это были не любовники, а ее друзья. Ты же знаешь, как она обожает их. Именно поэтому она стала дровосеком. Она не переносит одиночества. И очень любит орудовать топором.

— Мне пора, — сказал отец, отрываясь от Меропы.

Она вручила ему меч в ножнах. Старик сразу же согнулся под его тяжестью, и был вынужден упереться мечом в пол. Меропа хотела ему помочь, но он с негодованием отказался.

— Ничего, я дойду. У меня хватит сил, — сообщил он, и поплелся, волоча меч. — Я сделаю все, как надо. Не беспокойся обо мне, дитя мое!

Он вышел и вздыхая и кряхтя, принялся медленно спускаться по лестнице.

Меропа взглянула на возлюбленного. Он с потерянным видом стоял у окна в сад и делал вид, что любит деревьями и маленький прудом.

— Арфар, любовь моя! — позвала Меропа.

Арфар обернулся. Он был прекрасен. Он был словно ребенок, который увидел мать после долгой разлуки. Хотелось прижать его к груди и целовать, целовать.

— Идем наверх, вкусный мой! — сказала Меропа.

11

Царь Нилам повелел, чтобы его гость получил все, что он только пожелает, дабы никто не мог усомниться в великодушии и справедливости владыки Терена.

— Мы хотим, чтобы ты увидел мир богов, — изрек царь.

Мир богов начался с мебели. Слуги внесли столы и скамьи, и составили из них прямоугольник без одной стороны. Потом появилась посуда. Ритоны и килики, блюда круглые, овальные, квадратные, чаши и пиалы, золотые и серебряные кубки. И, наконец, внесли птиц в золотых и серебряных клетках, которые принялись услаждать слух пирующих волшебным пением.

Воскурили благовония, и по тронному залу поползли тонкие ароматы, которые разжигали аппетиты всякого рода, начиная с желания вкусно поесть, и заканчивая любовным томлением. В возбуждение пришли все: и придворные, и слуги. Дух Камы, вендийского бога любви, витал в зале. Раздавался смех, служанки покачивали бед-

рами, а женщины бросали на мужчин обжигающие взгляды.

— Богам угодны зрелища! — воскликнул Нилам и громко хлопнул в ладоши.

Зрелища начались с акробатов. На оставленную пустой площадку перед тронном вышли десять человек разного возраста — от старика с седой бородой до ребенка. Они принялись создавать пирамиды из собственных тел и заплетаться в немыслимые узлы, так как будто у них не было костей.

Вместительная двуручная чаша из блестящего металла, казалась естественным продолжением конечностей Конана. Могучий варвар держал ее одной рукой так, будто это была легкая деревянная плошка. Раб-чашник, оставаясь не у дел, смущенно переминался с ноги на ногу.

Конан не слишком любил акробатов, он почти не смотрел на них, зато с удовольствием наблюдал за рабыней, подливавшей вино из медного кувшина.

Когда она наклонялась, сквозь тонкую ткань хитона проступали возбужденные соски. Золотистые кудри, обрамлявшие тонкое, правильное лицо спадали, мешая ей, и она с улыбкой откидывала их назад.

Ее густые ресницы были не способны скрыть одновременно испуганный и смешливый взгляд. Она была похожа на голубицу, заигрывающую с кружащимся в любовном танце голубем, которая усиленно делает вид, что хлебные крошки

интересуют ее гораздо больше, чем всякие глупости.

Конан привлек ее к себе. Рабыня испуганно отпрянула.

Варвар захохотал.

— Наливай, красавица! Наливай, пусть вино будет бродить во мне так же, как в тебе бродит твоя молодая кровь!

Руки ее задрожали, и золотистый локон как бы невзначай опустился в чашу киммерийца. Когда килик был почти доверху наполнен, златокудрая красавица с улыбкой распрямилась, и вино, словно красная кровь, тонкой струйкой потекло с ее волос на белый хитон.

— Я пью за тебя! — сказал Конан, подмигивая девушке.

Девушка покраснела, у нее подкосились ноги и раб-чашник метнулся, чтобы поддержать ее.

Конан ухмыльнулся.

Ему нравилась эта рабыня. Было бы хорошо заняться с ней любовными утехами и обучить кое-каким тонкостям. Она явно стала бы прилежной ученицей.

Но сначала нужно понять: что от него хотят. Когда будущее в неизвестности тут уж не до прекрасных девических тел.

Конан отставил чашу и обратился к царю.

— Ты говоришь царь, что я тебе снился? Тебе и твоим подданным. Но почему тогда на улицах твоего города меня не узнавали? Они вели себя так, словно видели меня впервые.

Царь Нилам вытер губы и взмахом руки отослал рабыню.

— Они ничего не помнят. Все простолюдины перед сном пьют Напиток Забвения. Таков древний обычай. Поэтому каждый день для них — новый. По крайней мере, так гласит закон. Есть конечно и те, кто пренебрегает этим мудрым обычаем, но он все равно вскоре выдаст себя и тогда его силой принудят пить настой.

— Почему же его пьют только простолюдины? Если он дарует грезы и позволяет забыть о невзгодах, почему же им пренебрегаешь ты и твои аколиты?

— Мы храним Истину, — ответил Нилам. — Мы не прочь бы тоже были жить одним днем, как все. Удивляться, радуясь новому и восхищаться невиданным. Но кто-то обречен хранить Истину в ту пору, как иные живут безмятежно, словно цветы под лучами солнца. Наше предназначение открыть Истину, дабы рассеять иллюзии.

Акробаты раскланялись и убежали, подпрыгивая и кувыряясь на ходу. Как только они скрылись за одной из дверей, из соседней появилась стройная, длинноногая девушка, в том нежном возрасте, когда женское естество лишь начинает пробуждаться в детском теле. Маленькие груди едва были прикрыты серебряными колпачками, похожими на ритоны.

Дева знала о своей красоте, и пользовалась всеми средствами, чтобы разжечь страсть в мужс-

ких сердцах. Полупрозрачные шальвары прикрывали ее прелести ровно настолько, чтобы они казались еще желаннее. Она начала медленно танцевать и каждое продуманное движение показывало зрителям как нежна ее кожа и сколь туги бедра. Чарующе изгибаясь, она тяжело дышала, словно в возбуждении от того, что сильный мужчина уже проник в ее юное лоно.

Конан забыл о чаше в руке и златоволосой рабыне. Он следил за грациозной танцовщицей, которая постепенно избавлялась от своей невесомой одежды.

Конан даже привстал от возбуждения. У него слишком давно не было женщины, чтобы он мог спокойно воспринимать подобное действо. Златоволосая служанка даже фыркнула от возмущения.

— Она не достойна такого мужчины как ты, чужестранец, — вполголоса проворчала она.

Нилам обернулся к ней и нахмурил брови.

— Зато ты удостоилась гнева царя, презренная! Как ты смеешь распускать свой дерзкий язык, когда твоему повелителю и его гостю угодно любоваться танцем?

Служанка побледнела и задрожала, кувшин едва не выпал у нее из рук.

— Не наказывай ее, царь, — попросил Конан. — Пусть останется строптивой, покорные женщины скучны.

— Хорошо, варвар. Она не будет наказана. Твое желание — закон, — ответил владыка Терена.

Танцовщица обернулась, улыбаясь и тяжело дыша. Она чувствовала, что произвела большое впечатление на гостя, и явно радовалась этому. Одним движением она скинула последнее одеяние, оставшись полностью обнаженной. Постояв мгновение она резко развернулась и скрылась за занавесками.

Музыканты перестали играть. Только птицы продолжали выводить свои рулады.

— Тебе понравилось? — спросил царь.

— Она прекрасна! — воскликнул Конан.

Нилам рассмеялся.

— Я подарю ее тебе, как и всех, кого ты пожелаешь. Она невинна. И тело ее очень нежное.

— Я вижу, — сказал Конан. — Ты щедр на обещания. Но я все еще не услышал от тебя, что мне предстоит сделать.

— Ты тот, кто предназначен нам судьбой, — ответил царь. — Ты должен разорвать Круг. Много раз мы видели во сне, как тыходишь в храм и сражаешься, как падают стены храма и вновь начинает идти время. Говорят, это страшно, когда время идет. Ибо оно идет неумолимо, как глухой палач, не внимающий мольбам.

Царь умолк, погрузившись в глубокие раздумья. Лицо его стало серым, словно грозовая туча, а глаза готовы были метать молнии.

— В начале времен было три Гекатонхейра, — продолжил он после недолгого молчания. — Это были самые могущественные существа в мире. Даже боги боялись их. Один вид Гекатонхейров

мог довести до безумия любого небожителя. Так, гласят предания. Я не знаю, и никто из жителей Терена не знает, как выглядят Гекатонхейры. Потом из них остался только один, но мы никогда не видели его воочию, только в снах, так же как и тебя. А в снах он предстает всегда в чужом облике. Он может обернуться женщиной, мужчиной или ребенком. Может быть зверем, птицей или рыбой. Но в наших снах мы всегда знаем, что это именно он — Гекатонхейр. Сторук и пятидесятиглавый. Он принес всех нас в жертву времени. Весь Терен. Говорят, он сделал это, сражаясь с ужаснейшими демонами, которые собирались выбраться из-под земли, чтобы погубить поднебесный мир. Он низверг подземных тварей в пучины Зандры, но сделал нас заложниками времени.

Конан не верил ни единому слову из услышанного. Слова царя совершенно не соотносились с тем, что он видел собственными глазами. А своим глазам северянин привык доверять больше, чем каким-то рассказам.

— Как же мы можем разговаривать, если время остановилось? — не сдержался Конан. — Ведь чтобы ты смог произнести речь, тебе нужно время!

Царь улыбнулся.

— Да, ты прав, чужеземец. Мне нужно время. И тебе нужно время. Нам всем нужно время, и совсем без него мы не смогли бы жить. Ты прав, оно есть здесь. Но я уже сказал, что ты должен

разорвать Круг. В Терене нет потока времени, привычного тебе. Гекатонхейр замкнул время само на себя, сделав Кругом. В начале Часа Овна Круг замыкается — и все повторяется вновь. Каждый день, как один-единственный. Мы говорим те же слова, совершаем те же поступки. Ничто не меняется. Мы все страшно устали от этого. И вот теперь пришел ты. Ты вторгся в Круг нашего времени, как и было предсказано.

— А кому ты говоришь эти слова обычно? До того, как появился я? — спросил Конан.

— Никому. Я впервые их произношу.

— Значит, Круг Времени уже разорван?

— Нет, просто ты вошел в него. И выход у тебя только один.

Конан помрачнел. Служанка была достаточно сообразительной, чтобы вновь до краев наполнить его ритон. Запах хорошего вина слегка унял начавшее было подниматься раздражение варвара. Он не любил, когда его принуждали.

— Хорошо, — сказал он. — Я готов поверить. Хотя это и совсем невероятно. Как можно существовать только в одном дне, совершая одни и те же поступки? Вы что, не можете попытаться сделать что-нибудь по-другому? Ну, скажем, хотя бы напиться против обыкновения. Или забраться в постель к чужой жене?

Царь рассмеялся.

— Все бесполезно. Силы, неподвластные земным царям, заставляют нас делать то, что мы уже делали. Произносить слова, которые мы

прежде произносили. Но они не властны над нашими мыслями. В мыслях мы свободны, в мыслях мы можем совершать любые поступки, вплоть до самоубийства. И это мучительнее всего.

— Что-то это слишком сложно. Я не понимаю, — заявил Конан.

Он чувствовал, что от усилий понять его голова сейчас развалится на части, как перезревший плод под пятой прохожего. Он взял ритон и с удовольствием утопил непонимание в вине. — Хорошее вино, — сообщил он. — Вот это я понимаю. Ладно, Гекатонхейр он там или нет, правду ты говоришь или выдумываешь, это, в конце концов, не так уж и важно.

— Я говорю правду, воин! — воскликнул царь. — Судьбы людей всего лишь отражение игр богов. Но боги могут что-либо изменить. Они могут начать игру заново, если проиграли. А люди не могут. Люди играют только один раз — и проигравший проигрывает единожды. Второго шанса не дано.

— А кто эти девушки, там, в соседнем зале? Там было так темно, что я не смог толком разглядеть ни одну из них, но мне показалось, что они молоды. Почему они не здесь и не пируют с нами?

— Это жрицы Гекатонхейра. Они девственницы, и поклялись не выходить из Зала теней, пока Гекатонхейр сам не придет к ним.

— Глупая клятва, — отрезал Конан. — А что их родители, как они дали свое согласие?

— Когда Гекатонхейр появился из Чертогов

Тьмы, они убили своих родителей. Такова была воля Гекатонхейра, который пришел к ним во сне, и приказал сделать это. Они безумны, но так же безумна их страсть. И все будут в твоём распоряжении после того, как ты убьешь Гекатонхейра. Если не будет его, то хранить свою девственность им будет незачем. А они с малолетства обучены ублажать мужчин. Они безумны и жаждут отдаться победителю. Боль для них тоже страсть. Ты сможешь делать с ними, что хочешь. Они будут влюблены в тебя настолько, что, не задумываясь, ни на мгновение отдадут тебе свои жизни, стоит только попросить.

— Если время у вас течет по-другому, то как кто-то может вообще чему-то обучиться? — поднял брови Конан. — Как же этот самый Круг, который повторяется изо дня в день?

— Жрицы богов не подвластны Кругу. Их господин дарует им свою милость.

— Непонятно, как они вообще появились на свет, если их родители обречены каждый день делать одно и то же, — буркнул варвар, — впрочем, ты нарисовал заманчивую картину. Пожалуй, мне действительно стоит поболтать с этим самым Гекатонхейром.

— Убей его! — воскликнул царь. — Освободи нас! И ты станешь нашим величайшим героем!

— Героем — это, конечно, хорошо. И я с удовольствием побуду им некоторое время. Но потом мне бы надо попасть на материк. Ну и чтобы там у меня позвякивало что-то в кошельке.

Может на твоём острове это незаметно, но в большом мире люди стали алчными и полюбили звон монет...

Царь рассмеялся.

— Мы снарядим корабль, нагрузим его лучшими товарами и ты поплывешь на материк богатым купцом!

— Проще было бы заплатить золотом, — заметил Конан.

— А эти презренные металлы все еще в цене? — искренне удивился Нилам. — Наш предсказатель утверждал, что в будущем золотом будут мостить улицы.

— Удавите его, или отрубите голову, — посоветовал Конан. — Все равно она ему не нужна, раз он не умеет ей пользоваться.

— Ты прав, варвар, — сказал царь. — Только уже поздно. Голову ему уже отрубили. Как раз за то, что он не сумел предсказать появление Гекатонхейра. Точнее не отрубили, а оторвали. Задом оторвали руки и ноги. Не пожалели быков для такого дела.

Конан еще раз приложился к вину. Оно было простым и понятным, оно никогда не лгало, на него вполне можно было положиться, если, конечно, уметь пить. Конан пить умел. На этот раз он пил долго, не спеша, обдумывая, как поступить.

Наконец он поставил пустую чашу на стол.

— Хорошо, я разорву Круг. Если это вообще возможно! Но для начала я хотел бы отдохнуть. А потом — взглянуть на храм с башни.

12

Храм Гекатонхейра представлял собой крест с длинной поперечной перекладиной, концы которой опускались книзу, к площади. Своими очертаниями оно напоминало урезанный кхитайский знак, обозначавший Смерть.

Стены почернели, то ли от времени, то ли от ненависти, которая каждое мгновение невидимым потоком обрушивалась на храм из города. От детей, которые не понимали, почему им никогда не удастся скрыть свои проказы, купцов, которым опостылело торговать одним и тем же товаром, воров, вечно кравших то, что на следующий день возвращалось к хозяевам, пьяниц, каждое утро испытывавших мучительное похмелье, стариков и старух застывших в своей дряхлости и отчаявшихся попасть на Серые Равнины. Те, кто пили Напиток Забвенья забывали о том, что происходило вчера, но те, кто из чувства противоречия или безрассудности пренебрегали этим обычаем, были обречены на весь ужас катящегося по кругу Бытия.

Круглый пруд перед главным зданием был заполнен костями и черепами, словно в запретной башне огнепоклонников из Айодхьи, которые отдают своих мертвецов, на корм для птиц, веря, что пернатые доставят их души на небеса.

На костях лежали обломки моста.

Конан, стоя с владыкой Терена на вершине башни, угрюмо разглядывал картину внизу.

— Что с ними случилось? Откуда там кости? — поинтересовался Конан, обернувшись к царю. — Это что, те несчастные, которых угораздило войти в ваш Круг Времени до меня, и ты направил их сражаться с древним демоном? Те, кто снились вам раньше?

— Нет, Конан, ты первый. И единственный. Ты не можешь не победить. Я знаю. Мы все знаем, — опустил глаза царь.

— Не слишком верю я вашим снам! — бросил Конан, и увидел, как по ступеням поднимается рослый воин с длинным деревянным ларцом.

— Твой меч, — пояснил Нилам.

Воин опустил перед киммерийцем на колени и протянул к нему ларец.

— Открой его, — приказал царь.

Конан откинул крышку ларца. В продолговатом углублении лежали древние ножны. Они выглядели, как высохший труп жреца Сета, пролежавший без надлежащего ухода не меньше тысячи зим. До растрескавшейся коричневой кожи страшно было дотронуться — казалось, она рассыплется в прах от одного прикосновения.

Но она не рассыпалась.

Конан потянул за рукоять, и меч легко вышел на свет. Лезвие было великолепным. Темный металл тускло отсвечивал на солнце. По лезвию струились неведомые письмена, напоминавшие лемурийскую вязь.

— Значит, ты хочешь, чтобы я убил Гекатонхейра? — уточнил Конан, рассматривая меч. Оружие в руках снова вернуло ему доброе расположение духа и самоуверенность. — Может сначала стоит поговорить с демоном? Глядишь он одумается и вернет вам отнятое...

— Да, он должен быть умерщвлен, — не поддерживал шутку царь Нилам. — Когда он будет низвергнут в Пучину Зандры, Круг Времени будет разорван. Вечность остановится. Мы вновь обретем свободу.

— Но как я, обычный варвар из далекой северной страны, смогу справиться с существом, которого боялись боги?

— Нам снилось, что ты убил его.

Конан усмехнулся.

— Да, причина серьезная! А как я убил его? Это вам случайно не снилось?

Нилам покачал головой.

— Увы, сны не могут дать ответы на все вопросы! Довольно и того, что боги пророчат тебе победу!

— Жаль, что они не потрудились предупредить об этом Гекатонхейра! — проворчал Конан.

Царский кортеж вышел за ворота дворца на колокол раньше, чем обычно. Это настолько поразило городских нищих, что они погрузились в почтительное молчание, пряча глаза, дабы не осквернить повелителя нечистым взором.

Все было, не как всегда. Обычно царь Нилам находился в середине процессии, в богато украшенном паланкине, который несли четыре огромных, кешанских раба, ступавших так слаженно, что паланкин почти не качаясь словно бы плыл по тихой воде. Только ветер слегка колыбал занавески на его дверях.

Но на этот раз владыка шел впереди остальных. Это было поразительно, потому что он двигался, переступая ногами, словно простой смертный. Нищие с изумлением узрили, что царь был среднего роста, отнюдь не великан, — и лицо его совсем не сияло неземным светом. Но на этом чудеса не заканчивались. Рядом с владыкой Ниламом шествовал человек выше его на целую голову. Оттого, при разговоре, он был вынужден слегка нагибать голову — и повели-

тель вместо того, чтобы приказать отсечь наглецу голову, словно и не замечал столь вопиющего нарушения обычаев!

Стражников было немного. Вместо того чтобы окружать толпу подданных, они двигались в хвосте кортежа, а их обычное место занимали воины, которых нищие не видели уже много зим.

Разного роста и телосложения, они были и облачены в доспехи со всей Хайбории, и от того больше напоминали не грозных бойцов неведомых стран, а бродячих комедиантов, привыкших сражаться исключительно на потеху зрителям, чтобы снискать благоволение дам и получить в награду мелкую монетку. Болтали, что это разношерстная компания — это вольные наемники, однажды появившиеся в Терене, и застрявшие здесь навсегда. Но не нашлось бы человека, способного вспомнить: когда и зачем эти искатели приключений прибыли на их землю.

Кортеж остановился на некотором расстоянии от ворот Мертвого Дворца. Стражники, шедшие сзади, выбежали вперед и скрылись в узких проемах по обе стороны от огромных бронзовых створок, подернутых патиной. Терцию ничего не происходило, затем ворота задрожали — и с жутким скрежетом приоткрылись.

Нищие в ужасе отхлынули назад. Послышались вопли женщин и детей. Царь поморщился.

— Эти оборванцы нарушают торжественность момента.

— Так выгони их из города — и дело с концом, — посоветовал Конан, поглаживая рукоять меча.

— Пока не будет разомкнут Круг Времен эти нищие не могут уйти. Их можно казнить, но завтра они снова воскреснут. Мы не в силах изменить последовательность событий.

Конан крикнул и почесал в затылке.

Тяжелые ворота открылись до половины, потом застыли.

Сквозь образовавшийся проем можно было разглядеть, что мертвая часть дворца выглядела еще мрачнее, чем сверху.

С башни нельзя было почувствовать того жуткого запустения смерти, которое здесь царило. Было тихо и пустынно: не летали птицы, не шмыгали гривастые вендийские крысы, даже мухи и те не роились над костями. Только ветер вздымал красную пыль и вдалеке колыхались лохмотья истлевшего полога.

— Иди, и смилуется над тобой Податель Горнего Очага!

Царь сделал пальцами знак, отвращающий демонов и обвел им вокруг головы Конана. Варвар ничего не ответил, только сощурил синие глаза и осторожно двинулся к воротам.

Перешагнув незримый порог он немного прошел и застыл на месте. Сзади слышался протяжный скрип. Конан обернулся. Ворота закрыли, но не до конца, оставив щель, через которую мог бы протиснуться человек. Что ж, по край-

ней мере, похоже на его возвращение действительно надеются.

Мертвая половина дворца была зеркальным отражением живой. Подобно тому, как мир людей был отражением мира богов, а мир мертвых был отражением мира живых. Только вместо воды в круглом пруду были черепа и кости, а зеленые занавеси перед входом превратились в выцветшие лохмотья.

Конан поднялся по ступеням и вошел внутрь. Как ни странно, здесь было куда светлее, чем в обители безумных жриц. Конан поднял голову: так и есть, здесь проделаны световые окна. Некоторые из них уже успели зарости колючим ползуном, но большая часть уцелела и сквозь них просачивался игольчатый призрачный свет в котором танцевали пылинки.

Под ногами варвара хрустели обломки штукатурки и дресва, сквозь трещины в стенах с приглушенным воем протискивались порывы ветра.

Конан остановился и прислушался. Терять осторожность не следовало, хотя вокруг было пустынно и тихо. Но варвар знал, что вот в таких руинах часто любят находить пристанище всевозможные малоприятные твари, которые не прочь полакомиться некстати расслабившимся путником.

Вдруг какой-то посторонний звук донесся до ушей киммерийца.

Варвар застыл.

Тряхнул густой гривой черных волос.
Показалось.

Но звук повторился и Конан с удивлением понял: это не что иное, как приглушенные человеческие голоса.

Конан приложил ладони к ушам и стал медленно поворачивать голову. Так искали источник звука воины Похиолы. Через несколько мгновений киммериец установил, что голоса доносились снаружи.

Он, стараясь не наступать на обломки, крадучись вернулся и приложил глаз к прорехе в ветхой ткани полога.

За ним шли двое. Это были те воины, с которыми он встретился у входа во дворец владыки Терена: коротышка с волнообразным мечом и гигант с боевым ванахемским молотом. Значит, Нилам решил подстраховаться и послал следить за Конаном парочку наемников. Вот, что бывает, когда люди перестают доверять даже собственным снам!

Но через пару ударов сердца Конан понял, что царь тут ни при чем. Эти двое явно вели какую-то собственную игру.

Говорил в основном крепыш. Слова распирали его изнутри и он, не в силах сдерживать напряжение, без умолку болтал, размахивая в такт собственной речи мечом.

— Мы и сами могли бы справиться с дряхлым демоном! Никто в этом проклятом месте не владеет клинком лучше нас. Теперь же вся слава

и все почести достанутся этому тупому варвару. Разве что...

Он на мгновение осекся.

— Тише ты, он может услышать! — вполголоса ответил громила.

— Да брось! Никто ничего не услышит. Этот никчемный северянин уже успел уйти далеко вперед. Ему наверняка не терпится поскорее обстрипать это дельце и вернуться за щедрой наградой. Мзда так велика, что ни один смертный не способен хотя бы на миг отсрочить собственную алчность!

— Варвар — может быть! Зато царь Нилам, да продлит Митра его жизнь, может разгневаться, услышав такие слова.

— Ты прав, Торквал — согласился крепыш. — Царь, скорее всего не уйдет от ворот до тех пор, пока исход дела не будет предрешен. Рога Нергала, как ты думаешь, нас никто из не хватится? Ты случайно никому не разболтал про тайный лаз в стене, через который мы сюда попали?

— Это ты, Сфирос, слишком много болтаешь, а не я, — вздохнул великан.

— Ты прав, ты прав! — воскликнул Сфирос, — и с досадой ударил себя кулаком по бедру. — Боги наградили меня любовью к плетению слов и я ничего не могу с этим поделать. Порой мне так надоедает собственный язык, что я готов его отрезать.

— Я готов тебе помочь! — буркнул громила, и подкрепил свои слова затрещиной.

Сфирос упал, перекатился и вскочил.

— Остынь, Торквал! — громким шепотом просипел он. — Не трать попусту силы. Они нам еще понадобятся! Кольца Сета, ведь мы даже не знаем, с кем нам предстоит сражаться!

Конан не стал слушать дальше. Он понял, что наемники знают не больше его самого.

Варвар бесшумно преодолел зал и углубился внутрь мертвого дворца. Тронный зал представлял собой удручающее зрелище. Казалось, что парочка безумных великанов решила тут всласть поразвлечься и принялась все крушить на своем пути.

Кругом валялись покрытые пылью и паутиной обломки, плиты пола вздыбились, стены растрескались, даже тяжелые бронзовые колонны были выкорчеваны, погнуты и искорежены.

Правда трон уцелел и стоял на своем месте. Конан поднялся на возвышение и не обращая внимание на слой пыли и тенета опустился на каменное сидение, решив поразмыслить о том, что предпринять далее.

Где может обитать этот Гекатонхейр? Демону не пристало жить при солнечном свете, значит обитель твари следовало искать под землей. Значит нужно отыскать вход в подземелье, котроое тут наверняка имеется.

Рассудив, что даже плохой план лучше чем никакой, Конан снял с пояса кожаную баклажку сделал глоток воды и приготовился к поискам.

Сидеть на троне было жестко и холодно и

варвар мысленно посочувствовал владыкам Хайбории, которым приходилось с этим мириться.

Издалека уже доносилась визгливая болтовня коротышки Сфироса и Конан всерьез призадумался о том, а не стоит ли размять кости и поговорить по душам с этой парочкой. Но силы следовало беречь и варвар с сожалением решил отказаться от заманчивой идеи. Бесшумно, словно крадущаяся пантера, он сошел с тронного возвышения и быстро скрылся в проходе, ведущем в западное крыло дворца. Он решил, что башня, как и все здесь, тоже должна иметь свое отражение. Отражение — вниз.

Нижний ярус башни был пуст. Узкая лестница, начинаясь в центре, уходила наверх. Перекрытия между ярусами почти полностью разрушились, было видно, что и верхняя смотровая площадка представляет собой лишь жалкие останки бывшего величия: пару уцелевших плит и торчащие обломки балок.

Конан поставил ногу на нижнюю ступеньку. Она угрожающе затрещала. Сверху посыпалась пыль. Вдруг одна из балок перекрытия зашаталась и сорвавшись с места, стремительно ринулась вниз.

Варвар проследил за ней взглядом и аккуратно сделал шаг в сторону. Балка грохнулась рядом, и выбив из пола пыль вперемешку с каменными крошками, с шумом отскочила в сторону...

Прошло мгновение, и от удара балки, промявшей каменный пол, вдруг зазмеилась черная трещина.

Конан подпрыгнул. Трещина пробежала между его ног — и понеслась ко входу в башню. У открытого проема она резко свернула в сторону

и уперлась в стену... А потом поползла по ней наверх!

Конан понял, что еще пара терций и он будет погребен под обломками башни. Было пора уносить ноги. Недолго думая он кинулся к выходу. Пол под его ногами ходил ходуном, как палуба корабля, попавшего в нешуточную качку. Не успел Конан сделать и десятка шагов, как пол под ним выгнулся и пополз вбок. Еще одна трещина зазмеилась впереди и киммериец заскользил вниз, с трудом сохраняя равновесие. Внезапно пол под ним кончился, на миг он повис в пустоте, а потом с силой рухнул на твердое дно.

Варвар с трудом поднялся, встряхнул головой и передернул плечами: спина, вроде цела. Руки и ноги тоже. Что ж, вещие сны обещали ему победу, поэтому он просто обязан уцелеть, чтобы не разочаровать подданных островного владыки. Он напряг глаза. Ясно было, что он очутился в подвале. Наверху все еще грохотало и вниз летели обломки и пыль. Конан чихнул и, поправив меч, двинулся вперед. Острые глаза северянина быстро приспособились к слабому освещению, и он заметил неподалеку ступени. Кром, значит он оказался прав: башня и впрямь имеет отражение.

Он стал осторожно спускаться. Лестница, ведущая вниз, сохранилась вполне прилично и спуск обещал быть нетрудным. Свет, проникавший сверху, вскоре окончательно рассеялся и вместо него забрезжил другой: неровный, крас-

ный, зловещий, словно исходящий от подземных огненных рек.

Рдяный свет усилился и в его колеблющемся зареве Конан разглядел, что лестница заканчивается. Пол внизу блестел как вода. Дойдя до нижней ступени, Конан понял, что это не причудливая прихоть неведомого зодчего: пол и впрямь залит слоем воды и поэтому коридор, представлявший перед его взором, напоминал лунную дорожку в ночном море.

Конан ткнул острием меча в воду. Раздался стук — лезвие наткнулось на камень. Конан поводил клинком по сторонам. Камень, везде камень. Вода едва покрывала плиты тонким слоем.

Впереди был выход, светящийся багровым огнем. Конан помянул Крома и, вспомнив царя, сделал знак, отвращающий демонов. Понятно, что до владений Зандры еще недалеко, но ожидать, что в красном мареве его ожидает накрытый для пира стол и стайка соблазнительных дев, было бы тоже как-то наивно.

Конан осторожно ступил на каменный пол, покрытый водой. Ничего не произошло, кроме того, что вода сомкнулась вокруг щиколоток.

Конан двинулся к выходу, красный свет отражался в его синих глазах, скользил по черной гриве волос.

Зал, куда он вошел, был огромен. Шаги отдавались под сводами многократным эхом. Оглянувшись вокруг, Конан понял, что зловещий свет, исходил от сотен горящих факелов, торча-

щих из медных треножников. Вверх, к терявшемуся в сумраке своду, уходили массивные квадратные колонны, сложенные из гигантских каменных кубов. На некоторых можно было различить полустертые фрески со сценами из существ мало напоминающих людей.

Вдалеке виднелся вход в другой зал. Тоже светящийся красным.

Все было гигантским, словно построено не для людей. Или — не людьми. Но думать о том, кем были эти неизвестные строители, Конану не хотелось. Были дела поважнее. Поэтому осторожно шлепая по воде и держа меч наизготовку, киммериец пересек зал и вошел в следующее помещение.

Человекоподобная тень упала на него. Варвар отпрыгнул и, вслепую, еще толком не разглядев противника, рубанул мечом. Лезвие расколо лишь воздух.

Поняв, что произошло, Конан рассмеялся.

Статуя!

Всего лишь каменное изваяние двуногого существа, увенчанного спиралевидными рогами. Варвар понял, что это — Нергал, Темный бог подземного мира.

Древний ваятель хорошо знал свое дело! Гигантская, в два раза выше Конана, фигура из черного базальта была так выразительна, что казалась: сейчас она сойдет с пьедестала, чтобы сразиться с врагом. Лицо базальтового воина поражало величественным спокойствием, руки опи-

рались на меч, клинок которого по форме напоминал молнию.

Он был не одинок, этот каменный исполин. Другие статуи виднелись в неверном, мерцающем свете факелов. Стены зала были увешаны огромными щитами, размерами под стать воинам.

В центре зала стоял огромный саркофаг. Конан осторожно приблизился, пытаясь рассмотреть подробности. Нечто подобное он видел в тайном городе Кемии, в самой плодородной части Стигии. Для своих сановитых мертвецов стигийцы делали усыпальницы похожей формы.

Сверху саркофаг был покрыт толстым слоем пыли. Конан осторожно провел краем лезвия по верху, разгребая пыль. Потом смахнул остатки рукой. Это был точно стигийское изделие: на нем был высечен барельеф лежащего человека. Его черты лица и поза сложенных на груди рук явственно говорили опытному взору, что это дело рук подданных Сета.

Неожиданно раздался скрежет. Тени каменных воинов задвигались. С ужасом киммериец уставился на ближайшего к нему исполина, но статуя оставалась на месте. Свет, понял Конан, неверный свет факелов создает иллюзию движения. Варвар догадался, что ощупывая саркофаг он, сам того не подозревая, запустил древний механизм или же пробудил спящую магию.

И в следующее мгновение киммериец увидел, как ближайший к нему треножник с факелом вдруг странно накренился. Вслед за ним задвига-

лись и остальные. Некоторые только меняли наклон, другие же начали скользить по пазам в полу, оставляя на воде пенные следы. Медные щиты на стенах тоже принялись менять положение, выдвигались и поворачивались, отражая и перенаправляя свет факелов. Кругом затанцевали тени.

Лучи сплелись и весь свет сконцентрировался в одном месте. Это было рельефное изображение ворот на стене, на котором кое-где еще сохранились следы охры. В центре зияло отверстие — гигантский зрачок нарисованного глаза, и когда узкий луч дополз до центра зрачка, ворота дрогнули — и в месте сочленения створок посыпался песок. Ворота стали открываться!

Конан отступил и укрылся за пьедесталом ближайшего базальтового воина.

За открывшимися воротами находилась анфилада пустых комнат. Они уходили вдаль и терялись в темноте. И еще был странный звук, долетавший издалека.

Конан прислушался.

Больше всего это напоминало шелест множества разворачиваемых пергаментных свитков.

Больше ничего не происходило. Конан перехватил меч поудобнее.

Ладно, раз приглашают, то не следует обижать неведомых хозяев. В конце концов, за его спиной остался нелегкий путь и было бы странно не сделать последний шаг. Он вошел в темноту и двинулся по пустынным комнатам. В тиши-

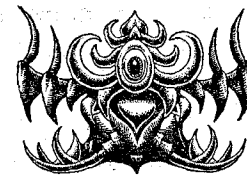
не гулко отдавались его шаги, но они не могли заглушить странного шелеста, который усиливался с каждой терцией.

Свет, проникавший в анфиладу из зала каменных воинов, становился все слабее, но глаза постепенно привыкали к темноте. Так что вскоре северянин разглядел, чем заканчивалась анфилада.

Темные тяжелые занавеси, когда-то — красные, а теперь — цвета земли, закрывали последний проем.

Подойдя вплотную, Конан осторожно раздвинул занавеси острием меча.

Увиденное настолько ошеломило варвара, что он громко захохотал — меч дернулся, занавеси соскользнули с клинка и вновь закрылись.

15

Грозный Гекатонхейр, обладатель ста рук и пятидесяти голов — или по крайней мере, его местная разновидность — оказался всего лишь скопищем выпотрошенных и засушенных мертвецов, которых стигийские жрецы Сета именуют мумиями.

Конан отодвинул ветхие занавеси и шагнул внутрь, крепко сжимая меч. Мертвецы стояли вдоль стен и равномерно покачивались, широко раскрывая беззубые рты. Поначалу варвару их движения показались хаотичными, но потом, присмотревшись он понял в чем дело.

Мумии пели.

Пели песню без слов и звуков. Песнь Тишины.

Конан покачал головой. Непросто, должно быть петь, когда у тебя нет легких, горла и языка.

Да, это жалкое скопище мертвецов было способно напугать разве что какого-нибудь трусливого торговца, чьи руки никогда не держали меча или пустоголовую матрону, разжиревшую от

вкусной еды и мягкого ложа. Неужели вот эти пустые бурдюки из кожи и костей оказались способны сокрушить подземных демонов, которые, если верить словам царя, пытались пробиться в подлунный мир? Киммериец нахмурился. Нет, поверить в такое просто невозможно. Кучка мумий — против тварей Зандры!

Немыслимо!

Разве только эти мертвецы присвоили себе чужую славу? Славу истинного победителя демонов? Северянин почесал в затылке: собственного никто этих самых демонов и в глаза не видел. Да и он сам, если уж на то пошло, слышал эту историю только из уст лукавого владыки.

Мертвецы продолжали тянуть свою песню, шелестя сухой кожей. Они склоняли головы, словно прислушиваясь к пению соседей и поводили плечами, помогая себе держать ритм.

И Конан расхохотался. Эти беззвучные рулады, как не крути, все-таки выглядели довольно потешно.

Гекатонхейр, не прекращая петь, повернул все пятьдесят голов. Варвару почудился пристальный взгляд в пустых глазницах. Конан оборвал смех и крепче ухватил рукоять меча. Настоящий это Гекатонхейр или нет, но все равно в этом подземном чертоге стоит быть начеку.

Мумии стали расступаться по обе стороны, открывая дорогу в центр зала. Когда они остановились, Конан увидел вдалеке огромную фигуру. Варвар прищурился, пытаясь разглядеть веро-

ятного противника. Несомненно, перед ним стояла мумия, но от прочих мертвецов ее отличал не только гигантский рост, но и прекрасно сохранившиеся длинные седые волосы, заплетенные в косу. А у его свиты черепа были голые, покрытые сморщившейся матовой кожей, по ним скользили блики красноватого света.

В иссохшей руке гигант держал длинный меч, потемневший от ржавчины. И вся его поза, излучавшая спокойную, тысячелетиями накопившуюся ненависть, не предвещала ничего хорошего нарушителю покоя.

Послышался скрежет.

Конан невольно вздрогнул.

Гигант сделал шаг и его изъеденный ржою меч, стукнув о каменный пол, высек искры.

Еще шаг.

Мертвец направлялся вперед, явно желая расправиться с чужеземцем, посмевающим осквернить ритуал Песни Тишины.

— Кром, ты видел, я не хотел этого! — зарычал Конан.

Не любил он сражаться с мертвецами.

Мертвец не способен умереть, потому что уже мертв. Он не цепляется за жизнь, потому что уже ее потерял. Он сражается, механически как зингарская марионетка — не сбиваясь с первоначального ритма, и не боясь получить ранения.

Неожиданно гигант с косой перешел на бег. Тercию назад он двигался, словно плыл в стоя-

чей воде, но спустя мгновение — вдруг бросился вперед, стремительно, как камень, из пращи.

Конан отпрыгнул от красных занавесей — и тяжелая ткань скрыла от него Гекатонхейра. Но ненадолго. Послышался треск — и темный от ржавчины меч прорезал ветхое полотно. Мертвец взмахнул клинком и клочья ткани закружили в спертом воздухе подземелья.

На мгновение длинноволосый остановился. Рядом с ним показался отряд из десятка мумий поменьше, вооруженных ржавыми алебардами. Они выбежали и застыли по обе стороны от своего предводителя. Он покрутил головой и медленно поднял руку. Острия алебард нацелились на киммерийца.

Конан слегка наклонился и повел клинком перед собой. Важно не пропустить удар. Ржавый меч, опасен вдвойне. Даже крохотная царапина может привести к тому, что в крови начинает полыхать огонь Архона, — болезнь куда коварнее самых страшных ран.

Мертвец со свистом рассек мечом воздух. Варвар отскочил в сторону и лезвие лязгнуло о плиты пола. В сторону полетели брызги.

Гигант с недоумением безуспешно вглядывался в пронзенную пустоту. Наверное, когда-то он был хорошим воином, может даже гораздо лучшим, чем Конан сегодня, но с тех пор прошло слишком много времени. Кроме того — тело мумии, пропитанное стигийскими бальзамами и высушенное временем, потеряло былую гибкость...

Конан подпрыгнул, и, вылетев из тени, обрушился на сгорбленную спину мертвого солдата. Вскарabкавшись ему на плечи варвар поднял двумя руками меч над головой и что есть сил вонзил его в сухую шею воина. Мертвец завертелся на месте, пытаясь сбросить дерзкого пришельца. Но тщетно. Двумя ловкими движениями Конан отсек голову мумии и спрыгнул на пол, подняв тучу брызг. Отрубленная голова покатилась по полу и, оставляя вихреватый след на стоячей воде, ткнулась в ногу варвара. Мертвец постоял еще несколько мгновений, опираясь на меч, а потом рухнул.

Алебардщики бросились на Конана. Тот подхватил меч падшего и метнул в своих врагов. Тяжелый клинок, вращаясь в воздухе, играючи расчленил мертвецов. Одному отсек голову, другому — руку, третьему — раскрошил ребра.

Удар оказался неплох.

Трое из десятка перестали существовать. Конан с удовлетворением отметил про себя, что оказывается даже мертвые тела могут обратиться в прах. Если, конечно, им помочь при помощи доброй стали.

Конечно — сражаться с мертвецами не самое подходящее дело для настоящего воина. Но, Кром, почему эти мертвецы, вместо того, чтобы мирно лежать в земле, перевариваться в желудках зверей и рыб, или стать пеплом на костре — размахивают ржавыми пиками и пытаются осложнить жизнь честным людям?

Он полоснул мечом ближайшую мумию, отсек ей руку и выхватил алебарду из отрубленной конечности. Через мгновение он вонзил свой трофей в грудь другого мертвеца. Не дожидаясь, пока тот упадет, варвар выдернул алебарду из крошева ребер и метнул ее в парочку приближавшихся бойцов.

Почувствовав, как ему заходят за спину, киммериец резко обернулся и перерубил позвоночник очередному врагу.

Трое оставшихся мертвецов сгрудились в стороне, беспорядочно размахивая алебардами. Северянин погрозил им кулаком, не спеша подошел к поверженному противнику, вынул из мертвых пальцев алебарду и метнул ее в троицу.

Острые алебарды с хрустом раскрошили череп левого.

Падая, он задел двух других и те заскрипев костями, рухнули на пол, подняв тучу брызг. Не дожидаясь, пока они опять поднимутся, варвар, подскочил к груде высохших тел и несколько раз широко рубанул мечом, особо не разбирая, куда попадает.

Покрутив головой Конан заметил ближайший треножник и, подскочив к нему, выдернул факел. Треножник упал с медным гулом. Варвар перепрыгнул через него и подбежав к мертвым воинам, вонзил горящий факел прямо в месиво тел.

Высохшая плоть мгновенно вспыхнула. Через мгновение на месте побоища уже полыхал ог-

ромный костер, отблески пламени которого змеились по темной воде.

Оставшиеся тридцать девять голов Гекатонхейра вдруг прервали Песнь Тишины и стали медленно подниматься со своих мест. Перед лицом варвара замелькали мечи, топоры, боевые молоты, бичи из кожи элфонтуса, круглые кистени с острыми шипами. Мертвая стая потянулась в сторону киммерийца.

Атака началась.

Конан поднял алебарду и метнул ее в нападавших. Удар получился настолько сокрушительный, что прошел сквозь грудь бойца с топором и вонзился в шею стоявшего за ним воина, крутившего кистенем. Падая, первый мертвец, потянул собственным телом алебарду — и голова соратника с хрустом отделилась от плеч.

Напиравшие сзади, споткнулись о поверженных. Строй сломался. Замелькали обтянутые кожей конечности, головы с пустыми глазницами, клетки ребер, остатки тусклых волос.

Не теряя времени, Конан яростно обрушился на своих врагов. Засвистел меч, перемалывая своим темным лезвием сухой букет костей.

Хруст.

Свист клинка.

Шлепки по воде.

Отдаленное эхо.

И надо всей этой мешаниной звуков вдруг прогремел боевой клич варвара, сокрушавшего своих демонических противников.

Это была странная битва. Без криков раненых и крови. В какие-то мгновения Конану стало казаться будто он рубит дерево. Мертвый лес из человеческих костей и остатков плоти вместо листьев.

Но нападавших было чересчур много и Конан понял, что начал терять силы.

Но варвар не собирался ждать, пока силы окончательно оставят его. Он кинулся на воина с бичом, выхватил его страшное оружие с вплетенными металлическими кольцами и шипами.

Удар.

Еще удар.

Бич со свистом рассекал сухие черепа, позволяя киммерийцу оставаться неуязвимым для клинков врага. Конан поискал взглядом очередной факел. Кром, слишком далеко. Не успеть. Стоит ему перстать хлестать тяжелым бичом, как атака мумий возобновится и они просто сомнут его грудой тел.

Северянин понял, что пора отступать. Швырнув бич в нападающих, он крепко сжимая в руках меч, стремительно кинулся наружу сквозь анфиладу комнат, к залу с базальтовыми воинами.

Оставшиеся мумии неслись за ним следом. Шелест от их движения достиг такой силы, что казалось, с неба просыпалась стая саранчи.

Приблизившись к саркофагу, Конан на мгновение остановился и с усилием провел по его поверхности клинком. Как и в прошлый раз вклю-

чился древний механизм — и ворота стали медленно закрываться. Один из мертвецов, понимая, что их враг ускользает, поднял меч и просунул между створками. Мумии поодиночке стали протискиваться через узкую щель.

Достигнув статуи рогатого бога, Конан остановился, чтобы перевести дух. В этот момент от толпы преследователей отделился мертвец, вооруженный молотом. Он стремительно подскочил к киммерийцу и нанес ему сокрушительный удар.

Если бы перед варваром был живой боец, то Конан уже валялся бы на полу с раскрытым черепом. Но скорость движения мертвых сочленений уступала реакциям тела из плоти и крови. Конан в последнее мгновение успел отпрянуть и тяжелый боевой молот, промахнувшись, ударил по мечу каменной статуи, переломив его. Следующий удар, предназначавшийся варвару, тоже не попал в цель, а пришелся по ноге статуи.

Послышался треск. Каменный исполин зашатался и стал медленно крениться вбок.

Краем глаза Конан успел уловить это движение и попытался отпрыгнуть в сторону. Подскользнувшись на залитом водой полу, он упал и проехал в угол зала на собственной спине.

Гигантская статуя рухнула на пол. Часть нападавших оказались погребены под ее обломками. Гул от ее падения стоял такой, что Конан невольно зажал уши.

Оставшиеся головы Гекатонхейра наконец сумели пробраться в зал базальтовых воинов. Меч, которым были заклинены ворота, сломался, и одного мертвеца раздавило сомкнувшимися створками.

Светильники продолжали двигаться в пазах, когда Конан бросился в атаку на мертвых воинов. Несколько стремительных движений, десяток отрубленных голов и отсеченных конечностей и можно двигаться к выходу. Нужно успеть выбраться из подземелья — силы слишком неравны. Еще пара-другая терций и он не будет в состоянии отразить даже выпад ребенка.

Мертвецы неотступно следовали за ним.

Сражаясь и убивая, Конан оказался в коридоре, а потом и на лестнице, ведущей из подземелья в башню. Вскочив на первую ступеньку, Конан обернулся и отразил удар мечом. Потом — второй. Его мертвый противник искусно бился двумя короткими кривыми мечами, так что варвару пришлось удвоить осторожность.

Конан уклонился от очередного выпада, но усталость взяла свое — он потерял равновесие, и упал. Варвар уже приготовился предстать перед Кромом, но вдруг нападавший, словно бы забыл про Конана и перешагнув через поверженного варвара, заспешил туда, откуда раздавался знакомый голос.

— К бою, мастер! Вот для тебя и появилась работенка! — донеслось до ушей киммерийца.

16

Торквал, великан с боевым молотом, метнулся вниз по лестнице, навстречу мумии с двумя мечами. Но следом за мертвым врагом поспешили еще двое: один вооружен топором, другой — молотом, почти таким же, как у Торквала.

— А вот этот мой! — воскликнул Сфирос, размахивая своим странным мечом.

Торквал не стал возражать. Противников в подземелье было так много, что славы должно хватить на всех.

Два молотобойца сошлись в едином ударе. Но стальные мускулы живого воина оказались сильнее. Молот Торквала с хрустом пробил грудь восставшего трупа и перемолол в пыль его ребра.

Останки, покрытые пергаментной кожей скатились вниз.

— Скучно сражаться с мертвыми, — сплюнул Торквал.

Воодушевившись примером соратника, Сфирос с гортанным криком пронесся вниз. Его волнистый меч со скрипом вошел в череп мертвого

врага. Коротышка толкнул ногой поверженного противника и когда его кости рухнули вниз, победоносно стукнул себя в грудь кулаком.

Тем временем Торквал занялся вторым. Он играючи отразил удар топором, и что есть силы пнул ногой в чресла мертвеца. Конечно, никакой боли он причинить ему не смог, но зато сумел нарушить равновесие. Мумия пошатнулась на краю ступеньки, пытаясь удержаться на ногах. Гигант не стал дожидаться, пока тому это удастся и обеими руками толкнул его в грудь. Мертвая тварь упала спиной вниз, развалившись на несколько кусков.

Рука с топором все еще шевелилась. Торквал наступил на нее — и несколько раз деловито ударил молотом, превращая конечность в крошево.

— Мы лучшие, Торквал! — заверещал Сфирос, вздымая клинок вверх.

— Заткнись и бейся! — воскликнул Торквал, видя, что по лестнице приближаются другие мертвецы.

— Ты прав, мой друг! — вздохнул Сфирос, и развернулся навстречу врагам.

Увы, совет запоздал. Один из мертвецов сумел подобраться на расстоянии удара. Сфирос попытался отразить молниеносный выпад, но не успел. Острие ржавого меча вошло в левую половину его груди и вышло из спины. Волнообразный клинок, выдавший сотни битв, выпал из ослабевшей руки Сфироса и зазвенел по ступеням.

Мертвец выдернул меч — и маленький воин упал навзничь. Кровь залила каменные ступени.

— Эй, коротышка, держись!.. — заорал Торквал, отражая удары мертвецов.

Воин, убивший Сфироса, бросился к Торквалу.

Из залитого водой зала по коридору спешили мертвецы. Когда они достигли лестницы, Конан был уже на ногах, в полной боевой готовности. Он отразил атаку одного, потом другого. Но несколько воинов пробежали мимо варвара, вверх по ступенькам.

Он услышал сверху вопли и тяжелое дыхание живых. Потом раздался звук пронзаемой плоти, и дыхание одного из бойцов прервалось. Конан понял, что это был коротышка.

— Держись, Торквал! — крикнул Конан. — Я иду!

— Займись лучше делом, варвар! Мне не нужна помощь!

Некоторое время гигант бился молча, а когда выдалась небольшая передышка, прокричал:

— Откуда ты знаешь мое имя, северянин?

Конан замешкался с ответом, срубая голову очередному иссохшему молотобойцу.

— Я заметил, как вы шли за мной, и слышал, ваш разговор!

— Я так и знал! — захохотал Торквал. — У Сфироса был слишком длинный язык!

— Ничего, — заметил Конан. — Зато теперь его язык укоротили на целую голову!

Торквал бросил взгляд на тело напарника. Киммериец оказался прав. Один из мкртвецов, отрезал Сфиросу голову, и теперь, помахивая ей, словно гордясь трофеем, приближался к Торквалу.

Гигант зарычал от ярости и бросился ему навстречу, но Конан опередил воина. Свистнул меч и правая нога мумии покатила по лестнице. Пальцы его разжались. Голова незадачливого болтуна выпала и запрыгала вниз по ступеням, навстречу поднимающейся толпе неживых.

Конан проводил ее взглядом.

— Оставь! — закричал Торквал. — На Серых Равнинах голова она ему не понадобится!

Гигант отступил наверх. Конан последовал за ним. Молотобоец ловко взбежал по упавшей одним концом вниз балке перекрытия, обернулся и протянул руку киммерийцу. То сделал вид, что ничего не заметил и взобрался на возвышение без чужой помощи.

Торквал пожал плечами.

В коридоре от башни к тронному залу на стенах висели полуистлевшие гобелены, рисунок на которых разобрать было уже невозможно.

Торквал, обернулся.

— Эй, киммериец, берегись!

Конан повернулся назад. К нему мчался мертвец. Не пробежав десятка шагов, он вдруг прыг-

нул на стену, оттолкнулся от нее, долетел до противоположной, и вцепившись в гобелен, понесся по нему, словно огромный паук.

Высохшая мумия, лишенная внутренностей, была очень легкой и ей под силу было то, чего живые делать не могли. Мертвый боец снова оттолкнулся от стены, почти достиг потолка — и полетел вниз, на Конана, выставив перед собой двойную секиру.

Конан отскочил. Топор мертвеца вонзился в каменный пол, выбив из него сноп искр.

Удар был столь силен, что древко надломилось. Но увлеченный боем мертвец не заметил этого. Он рванул топор на себя. Обоюдоострое лезвие окончательно отломилось от древка и вошло ему в лоб. Мертвец стал дергаться, пытаясь выдернуть. Конан прекратил эту жуткую пляску точным ударом меча.

— Они мне не нравятся! — заявил Торквал.

— Они не нравились даже богам, — согласился Конан. — Но, слава Крому, их осталось совсем немного.

Конан и Торквал отступили в тронный зал.

Мертвые воины устремились к ним. Гиганта окружило пять мумий, а Конану досталось трое. Они уже не нападали поодиночке.

— Эй, Торквал, — крикнул Конан, — похоже эти твари чему-то научились. Те, первые были глупее!

Гигант не ответил, шумно сопя, он крошил черепа обитателей подземелья.

Мумии кружили вокруг Конана, дожидаясь удобного момента, чтобы напасть. Наконец, один из бойцов решил, что настал удобный момент, и сделал выпад. Но меч киммерийца был быстрее — он пронзил мертвое тело насквозь.

Другой воин атаковал Конана спереди, посчитав, что варвар замешкается, вытаскивая клинок, застрявший в чужой плоти. Но ошибся.

Конан выдернул меч и ловко рубанул. Хрустнул позвоночник и мертвое тело переломилось пополам. Верхняя его часть, продолжая размахивать боевым топором, по инерции понеслась к киммерийцу, но он встретил ее хорошим ударом кулака в лоб. Последний из троицы попытался сделать ложный выпад, но тщетно — клинок киммерийца превратил его в грудку сухих обломков.

Конан утер пот со лба и оглянулся.

— Торквал! Кром! Торквал!

Северный гигант лежал в луже собственной крови. Из его спины торчал топор, живот был разрезан до груди. Взгляд его постепенно мутнел — жизнь покидала некогда сильное тело.

Конан рванулся ему на подмогу, но помочь Торквалу уже было невозможно. Последние четыре головы Гекатонхейра с тупой сосредоточенностью мясников рубили останки Торквала на мелкие кусочки, словно разделявая кабанью тушу.

Конан сунул меч в ножны, с рычанием схватил длинную скамью и бросился на врагов. Край

скамьи снес голову одному из бойцов, но другие тотчас оценили обстановку и разбежались в стороны. Конан поскользнулся на крови Торквала — и едва не свалился в провал в полу. Пытаясь удержать равновесие он замахал руками. Ему пришлось выпустить скамью, и она с грохотом упала вниз, в подвал.

Пытаясь воспользоваться ситуацией, мертвый воин бросился к варвару, вращая боевым молотом.

Варвар не стал доставать меч. Он просто чуть посторонился и когда мумия поравнялась с ним, дал ей хорошего пинка.

Мертвец рухнул в отверстие. Конан услышав звук падения, удовлетворенно хмыкнул и отбросил прядь волос со лба.

Он огляделся. Пол устилали отрубленные конечности, сломанные ребра и проломленные черепа. Похоже битва подходила к концу.

Осталась последняя голова Гекатонхейра и его последняя пара рук.

Конан отступил в сумрак колонн. Последний из преследователей приближался, взбегая по стенам и спрыгивая с потолка.

Варвар пытался следить за ним взглядом, но тварь была чересчур проворна и варвара это утомило.

В конце концов любой бой нужно вовремя закончить. Конан замедлил движения, сделал вид, что потерял из виду врага — и стал растерянно озираться.

Узрев незащищенную спину противника, мертвец бросился на него, но в решающий момент северянин ловко извернулся — и всадил свой клинок в живот твари.

— Последний!, — подытожил Конан и потянулся за баклажкой.

18

Конан разорвал Круг.

Сделал то, что от него ждали жители Терена.
Вечность остановилась.

Песчинки мгновений устремились сквозь внезапно расширившееся горлышко слюдяных часов. И ветер перемен, до этого медливший тысячу зим, обрушился на город, словно мифический зверь таннин, упавший с неба.

Черный хвост времени хлестнул по мертвому дворцу. Строения, поросшие кустарниками и травами, задрожали, и с их кромок посыпались мелкие камушки, а потом стены зазмеились трещинами и стали разваливаться.

Башня мертвой половины дворца зашаталась, будто мачта корабля, схваченного кракенем. Вниз полетели камни. Кости и черепа в круглом пруду зашевелились. Но не потому, что колебалась почва. Что-то большое и живое расталкивало груду костей, поднимаясь из-под земли.

Показалась голова.

Крыло.

Второе.

И вот уже большая черная птица сидела на груди черепов и, наклонив голову, рассматривала Конана круглым желтым глазом.

Волна разрушения устремилась вширь от храма, расходясь как круги по воде. Люди с криками выскакивали из своих жилищ, забывая про свой скудный скарб. Да в этом и не было необходимости: сундуки с драгоценными тканями распадалась в труху, золото превращалось в черепки, а самоцветы становились песком.

Терен напоминал муравейник, охваченный огнем. Только никакого пламени не было. Невидимый, неслышимый, неосоздаемый шквал времени метался по городу. Времени, которое сорвалось с цепи, как дикий зверь, и пожирало все, что попадалось на его пути.

Меч у палача был настолько тяжел, что когда он поднял его первый раз, ему показалось, что сейчас у него отвалятся руки. Толпа замерла, глядя, с каким трудом орудие возмездия отрывается от земли. Мальчишки принялись свистеть и улюлюкать.

Но старик твердо вознамерился исполнить свой долг. Руки и плечи его дрожали, рот был приоткрыт. Он бормотал молитву небожителям, надеясь, что Солнцеликий смилуется и вдохнет в его дряблые жилы хотя бы малую толику силы.

Наконец, старику удалось поднять меч на достаточную высоту, но старческие руки в пигментных пятнах не выдержали и тяжелый клинок со свистом опустился вниз прямо на шею жертве. Раздался глухой удар, меч отскочил от шеи, но голова осталась на месте. Вор завопил.

Толпа ахнула.

— Да кто ж так рубит! Сильнее, отец, сильнее! Крепче держи меч, сделай хороший замах и попробуй еще раз! У тебя получится! — послы-

шался голос, до боли знакомый незадачливому вершителю правосудия. Много лет он не слышал его.

Датарфа! Его девочка.

Она пришла насладиться его триумфом.

— Руби! Руби! — завопила толпа.

Палач вновь поднял меч, и вдруг почувствовал, что он стал еще тяжелее. Он украдкой посмотрел вверх и вздрогнул. На острие меча, шумно взмахивая крыльями, пыталась усидеть большая черная птица с лоснящимся оперением.

Толпа ахнула громче.

Палач встряхнул мечом, но наглое создание лишь громче захлопало крыльями, не покидая свой насест.

Он с силой опустил меч на шею вора — на середине пути птица сорвалась с места и улетела, но удар был безнадежно испорчен. Вор снова завопил.

— Руби, руби! — кричали кругом.

Палач проводил улетающую птицу взглядом — и вдруг увидел то, чего не могло быть. Черная башня мертвой половины дворца задрожала и начала шататься. Старик помотал головой, пытаясь избавиться от наваждения. Но башня продолжала раскачиваться и ее черный силуэт колебался, как будто его окружало полуденное марево.

Раздался грохот. Теперь шаталась не только башня. Дома вокруг площади стали крошиться и рушиться.

Люди возле эшафота больше не кричали «руби». Они вопили от страха.

Вор встал, поворачивая пораненной шеей.

— Я больше не хочу умирать от старости, — заявил он. — Это слишком мучительно. Оказывается Старость не в состоянии даже ударить как следует. У Старости слишком слабые руки, уже не способные обрывать нити жизни. Поэтому я передумал. Теперь я умру не от Старости, а от Молодости!

И он толкнул палача, одновременно выхватив у него меч.

Старик упал и сжался в углу эшафота. Стигнец поднял клинок, развернул его острием к себе и принялся не спеша перепиливать собственное горло.

У него это получилось лучше.

Всего несколько движений и голова злодея слетела с плеч и, стукнувшись о плаху, подмигнула палачу.

— А меч ты наточил неплохо, — успела сказать голова, прежде чем начала разлагаться.

20

Косоглазый Арфаст лежал в постели и смотрел в потолок, на котором были изображены дерущиеся рыбы. Это были большие рыбы с плоскими мордами и маленькими глазками. Рыбы схватились в суровом и красивом поединке, по прихоти художника, симметрично расположившись друг к другу.

Арфаст когда-то сам изучал геометрию и даже пару лун провел в школе Мастера Росписи. Но за нерадивость его выгнали. Малый любил поспать, и не мог не опаздывать. Кроме того, косые глаза все время его подводили и рисунки получались слегка кривыми. В конце концов, Мастеру это надоело и он, призвав все проклятия на голову дурного ученика, хорошим пинком указал ему на дверь.

Странно было находиться в доме дочери палача. Она лежала рядом и мирно посапывала, положив тяжелую руку на грудь своего возлюбленного. Арфасту было тяжело. Он дышал с трудом, но не смел снять руку, чтобы не обидеть почтенную женщину. Потом, может быть, и

следует проявить своенравие, но в первую ночь этого делать не пристало.

Арфаст видел Меропу и раньше. Видел, когда был еще мальчишкой. Уже тогда Меропа отличалась от остальных дев. Другие были худосочными, а дочь палача дразнила взор аппетитными формами и была сдобной, как сладкая медовая лепешка. Арфаст всегда хотел ее потрогать. Но боги не даровали ему такой возможности. Из-за своего косоглазия Арфаст был робок, словно мышь. Он пытался обратить на себя внимание тучной крастоки и краснея и смущаясь, прилежно покупал у нее мясо. Но Меропа исправно продавала ему сочную вырезку, но отказывалась замечать пламенные взгляды воздыхателя.

Наконец, ему повезло. Он смотрел на красавицу рядом с собой и едва верил свалившемуся счастью. Она безумно хотела его, и когда дело дошло до ложа, почти свирепо содрала с него одежду. При воспоминании об этом его сердце вновь сладко забилося.

Он все еще пребывал в блаженном состоянии, когда с улицы раздались вопли, в которых сквозили неподдельные ужас и боль.

Арфаст встрепнулся.

Рыбы на потолке вдруг зашевелились.

Посыпалась штукатурка.

— Меропа, Меропа! — вскричал Арфаст. — Проснись!

Меропа со счастливой улыбкой открыла глаза.

— Возлюбленный мой, — еще сквозь сон произнесла она. Потом нахмурилась и пристально уставилась на мужчину.

Она смотрела, будто не узнавала его.

— Это я, Арфаст, — тихо пробормотал бывший ученик Мастера.

Меропа сняла руку с его груди и приподнялась на локте. Ее тяжелая грудь заколыхалась словно бурдюк, наполненный зрелым вином.

— Любимая! — воскликнул Арфаст и, не в силах более сдержаться, страстным поцелуем прильнул к огромному коричневому соску.

— На улице крики! Слышишь? — пробормотал он, с трудом отрываясь от предмета своего вожделения. И вдруг почувствовал, что кровать под ними словно ожила. Она принялась раскачиваться и проседать, дерево закрипело. Шелковая подушка, набитая мягчайшим пухом, стала жесткой, как содома.

— Меропа! Что это? — завопил смертельно напуганный Арфаст.

— Мясa, я хочу мясa! — тупо промолвила торговка и вонзила крепкие зубы в плечо Арфаста. Он заорал и попытался оттолкнуть дочь палача, но поздно — та вцепилась мертвой хваткой. Боль застила Арфасту разум. Он с ужасом посмотрел на плечо из которого хлестала кровь. Его возлюбленная сидела на раскачивающемся ложе, грозная словно богиня Кали, принимающая кровавую жертву. С ее губ, жующих свежее мясо, стекала кровь.

Арфаст очнулся и, истошно завопив, попытался сползти с кровати.

Меропа поймала его за щиколотку и, не обращая внимания на его вопли, втянула обратно на ложе. Приблизив к нему свое лицо с бешеными белками глаз, она сделала резкий выпад и откусила нижнюю губу бедняги.

— Вкусно, возлюбленный мой. Вкусно! — повторяла она, будто в забытии.

— Меропа... — прошептал Арфаст остатком рта.

В закатившихся глазах дочери палача полыхнуло пламя и она, с ужасным воем набросилась на свою жертву.

Арфаст с побагровевшим от натуги лицом пытался исторгнуть из себя хотя бы один-единственный крик. Но звуки застряли в горле, словно он проглотил колючую рыбу тхану. От кровати уже остались одни обломки, покрывала превратились в лохмотья, а роспись на потолке полностью осыпалась.

Дверь в спальню Меропы вдруг распахнулась, и на пороге появился судья Ахупам. Он был обнажен по пояс, и в руке его был меч. Глаза сверкали огнем, а изо рта текла кровавая пена.

Меропа мгновенно соскочила с Арфаста, и искусанному возлюбленному все-таки удалось вдохнуть немного воздуха. Правда, облегчения это не принесло, потому что мгновение спустя его собственный нос сделался мягким, как сгнившая груша.

— Я не звала тебя! — закричала Меропа и бросилась к судье.

Ахупам взмахнул мечом, в полной уверенности, что услышит хруст разрезаемой плоти. Но раздался только свист воздуха. Несмотря на тучность, дочь палача была весьма проворной. Она схватила руку судьи и шутя сломала ему запястье. Ахупам завопил от боли тоненьким, как у птенца голосом. Дочь палача вырвала у него меч и ловким движением перерезала толстяку горло.

— Он был плохим судьей, — покачала головой торговка.

Тело Ахупама со стуком упало на пол. Кровь из рассеченной гортани брызнула на стену.

— Жди меня, возлюбленный, — крикнула Меропа и выбежала из спальни.

Вряд ли Арфаст ее слышал. Потому что вслед за носом внутрь черепа провалились и его уши. Еще миг — и его тело стало похоже на тающий воск. Терция — и от ученика Мастера Росписи осталась только влажное пятно на истлевшей ткани.

Меропа сбежала по лестнице вниз и увидела двух подростков, слуг Ахупама. Один держал опахало из страусиных перьев, а второй — серебряное блюдо с виноградом. Оба выглядели настолько нелепо, что Меропа не смогла удержаться от хохота.

Давясь от смеха она взяла кисть винограда и поднесла к окровавленному рту.

— Никогда не видел голых женщин? — осведомилась она, глядя прямо в глаза мальчишке.

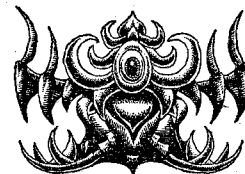
Тот оцепенел от ужаса, не сводя глаз с меча судьи, лезвие которого было покрыто алыми пятнами.

Попробовав ягоды, она сморщила лицо в гримасе отвращения, и смачно сплюнула:

— Есть невозможно, — сообщила она, и точным движением снесла подростку голову.

Лицо на покотившейся голове ничуть не изменило выражения.

На второго слугу Меропа не стала тратить время. Схватив отрубленную голову за курчавые волосы, она отправилась к месту казни. Пусть ее старик-отец порадуется, увидев, как его девочка ловко управляется с мечом.

21

Царь Нилам сидел на троне, чуть наклонившись вперед. Перед ним танцевала обнаженная девочка-подросток, высокая и тонкая, с золотистыми кудрями, зелеными глазами и подвижными бедрами. Но царя она уже не волновала. Спору нет: ее гладкая нежная кожа, благоухающий рот, быстрый острый язычок, робкие прикосновения, глупый смех — были прекрасны, но это было в прошлом, а владыка с нетерпением ждал будущего. Оно уже готово было распахнуть окна и двери, и бесцеремонно ворваться в монотонную жизнь.

Лицо царя было сосредоточенным. Он чувствовал, как Грядущее рождается из глубин мертвой половины дворца, как Время, давно превратившееся в лед, готово растаять от жара новых мгновений.

Вдруг девочка-подросток сбилась с ритма.

Нилам нахмурился.

Танцовщица остановилась и испуганно посмотрела на потолок. Потом ее детские губы изогнулись в робкой улыбке.

Царь проследил за ее взглядом и увидел птицу.

Большую черную птицу с блестящим, лоснящимся, оперением. Птица металась, шумно хлопая крыльями, не в силах найти путь на свободу.

«Вот так и моя душа бьется в клетке бесконечно повторяющегося времени», — подумал владыка Терена.

— Черная птица! — визгливо воскликнул юноша, сидевший у подножия трона.

Царь медленно встал.

Он смотрел на крылатую тварь, и не мог оторвать от нее взгляда. Из соседних залов слышались вопли. Пол вдруг заходил ходуном, по нему змеились трещины.

— Птица убивает нас! — заголосили подданные.

И в крылатое создание полетела посуда и куски пищи. Несколько трещин на потолке устремились навстречу друг другу, и через мгновение сошлись в одной точке. Раздался хруст. Вниз посыпались камни и дресва. И в месте пересечения изломов появилась дыра.

— Царь! — воскликнул шут.

Нилам опустил голову и увидел у своих ног уродца, который скрашивал ему однообразные будни. Карлик лежал на животе, изображая, будто барахтается в воде.

— О, могущественный из смертных, спаси нас! — глумливо заверещал шут. Но огромный

кусок потолка оборвал его возглас — обрушился на спину и сломал позвоночник. Раздался шлепок, какой бывает, когда псам кидают на плиты пола сырое мясо, и из-под карлика стала растекаться кровавая лужа.

Прошло всего несколько мгновений — и труп карлика стал выглядеть, так, как будто он пару лун пролежал в воде. Раздавленное тело распухло, кожа местами полопалась. Один глаз вывалился из глазницы и болтался на кровавой ниточке возле рта с крошевом зубов.

Юная танцовщица, застывшая в последнем движении, истошно закричала.

Мертвый карлик повернулся к ней.

Девушка, обезумев от ужаса, споткнулась о вздыбившуюся плитку пола и упала. Железные пальцы мертвого шута сомкнулись на ее лодыжке.

Юная плясунья взвизгнула и попыталась вырваться. Рядом с ней грохнулся кусок потолка, осыпав точеную головку белой извешкой. В беспомоществе девушка подняла его обеими руками, и, размахнувшись, опустила на череп шута. Раздался противный треск. Мозги брызнули в стороны. Девочка вскочила, оторвав шуту руку, которая все еще цеплялась за ее щиколотку, и бросилась прочь.

Царь спрыгнул с трона.

— Царь покидает нас! Мы обречены! — завопила служанка, стоявшая у трона с кувшином в руках.

Царь с удивлением обнаружил в своей руке золотой кубок. Он совсем забыл, что пил вино. Кубок был пуст.

Нилам усмехнулся и опустился на трон.

— Успокойтесь, презренные! — загремел его голос. — Ваш повелитель остается с вами! Круг времен разорван. Древнее пророчество сбылось!

Он протянул кубок съжившейся рабыне.

— Налей мне вина, женщина! Я хочу выпить за Исход Гекатонхейра!

Служанка тряслась от ужаса, руки ее дрожали, и пытаясь наполнить царский фиал, расплескала драгоценное вино на землю.

В иную пору ее приказали бы высечь за дерзость, но сейчас владыке было не до таких мелочей.

Нилам понял, что северный варвар исполнил порученное. Древняя тварь Гекатонхейр, был умерщвлен — и время покатилося по улицам Терена.

Не дожидаясь, пока служанка наполнит кубок, царь отбросил его — и выхватил у служанки кувшин. Запрокинув голову, обливаясь, он опустошил сосуд до дна.

— Подай мне меч! — воскликнул он, отшвырнув сосуд в сторону.

Рабыня метнулась за трон, и с трудом вытянула длинный меч из ножен. Царь с усмешкой наблюдал за ней. Она держала меч двумя руками, не зная, как его подать своему повелителю.

— Ну, что же ты? — изогнул бровь Нилам.

Девушка опустила меч острием в пол — и перехватила его за лезвие. Кровь потекла из ее ладоней. Сжав зубы от боли, она все-таки подняла меч и протянула рукоятью к царю.

Он выхватил оружие рывком, так что рассек ее ладони до костей. Брызнула кровь. Служанка вскрикнула. Царь быстро поднял меч — и одним ударом снес ей голову.

— Ты скверно держала меч, женщина, — вздохнул владыка Терена.

Голова покатилося в сторону толпы придворных, которые уже сцепились между собой в драке. Люди бились, не разбирая, кто мужчина, кто женщина, кто молод, кто стар. Все были одинаково беспощадны и яростны. Дрались всем, что попадало под руку — посудой, ножами, серебряными кубками, глиняными кувшинами со сладким вином. Царь, смеясь, сбежал по ступеням, и принялся крушить подданных мечом, отсекая руки, ноги, головы. Иногда лезвие вспарывало подданным животы — и тогда становилось видно, какая мерзость таится внутри брэнного человеческого тела.

Шатаясь от усталости, Конан спустился по ступенькам разваливающегося дворца, обогнул пруд, заполненный черепами, и вышел на площадь, как раз в тот момент, когда стена живой половины дворца обрушилась. По площади, как обезумевшее стадо метались нищие.

Голый грязный ребенок со спутанными черными волосами, бежал не разбирая дороги, наткнулся на Конана, зарычал, словно пес, и вцепился в ногу северянина. Конан поймал ребенка за волосы, с трудом оторвал от собственной ноги и поднял перед собой на вытянутой руке. Это была девочка. Теперь она жалобно хныкала.

— Отпусти! — пролепетала она.

Конан разжал пальцы. Малышка шелпнулась наземь, вскочила, отряхнулась. Потом встала на четвереньки, и вновь вцепилась варвару в лодыжку.

— Кром!

Резким движением он стряхнул маленькую дикарку. Девчушка отскочила и ее затрясло, словно в нее вселился демон. Ее худенькое

тельце выгнулось, заходило ходуном. Казалось, что под ее кожу забрались сотни червей. Кости размягчились и стали гнуться.

Всего через несколько мгновений, ребенок превратился в мохнатое существо, с тонкой гусиной шеей и острыми ушами. Тварь оскалила зубы на Конана и метнулась в сторону. Стоило киммерийцу потянуться за мечом, как оборотень с утробным рычанием ускорился прочь.

Варвар бросился за ним и двумя ударами меча расправился с монстром. Кем бы ни было это создание, какие бы Темные силы не вызывали его к жизни, ему не следовало кусать Конана за ногу.

Конан вытер клинок о тусклую шерсть твари и огляделся. Погоня за монстром привела его на площадь Терена. В центре площади красовался дощатый помост с плахой, а возле него бесновалась толпа.

По эшафоту металась странная фигура, которая размахивала двумя предметами: отрубленной человеческой головой и мечом.

— Остановитесь, несчастные, иначе вас ждет смерть! — вопила она. Из толпы в нее летели нечистоты, обломки и черепки разбитой посуды.

— Ты не можешь лишить жизни даже себя! — кричали горожане. — Ты дряхл! Руки твои не способны держать меч! Ты опозорил наш город, не сумев покарать злодея! Ты слаб, как младенец! Спрячься в выгребную яму, старик, ты не смеешь смотреть в глаза добрым людям!

— Отец, отец! — раздался грубый женский голос с противоположной стороны площади. — Держись! Я иду к тебе!

Конан узнал ее. Это была та самая торговка, которая затеяла свару на рыночной площади, но сейчас она выглядела так, как будто сам Нергал призвал ее к себе в услужение. Она было совершенно обнажена, на губах ее запеклась кровь, а в огромном руке она сжимала отрубленную голову, которая качалась в так ее грузным шагом.

— Меропа! Дочь моя! — возбужденно заголосил старик на эшафоте. Глаза его увлажнились.

— Отец! — раздался вопль с другой стороны. Он принадлежал Датарфе.

Расталкивая толпу, дочь палача двигалась к центру площади. Конан усмехнулся. И эту женщину от также встречал. Кром, кто бы мог подумать, что в этом приюте безумцев на Кабаньем острове у него отыщется столько знакомых.

Тем временем Датарфа протиснулась к эшафоту и грузно вскарабкавшись на него, рванула рубаху. Груды выскользнули на свободу и заколыхались, как наполненные вином бурдюки. Похоже у этой достойной жительницы Терена была слабость прилюдно демонстрировать свои прелести.

— Отец, я всегда любила тебя! — закричала Датарфа.

Палач смотрел то на нее, то на ее сестру. Слезы лились по его морщинистым щекам.

Датарфа вытащила из-за пояса топор, крутанула в воздухе — и вновь поймала.

Толпа ахнула.

Женщина ударила себя топором в грудь. Лезвие с хрустом вошло под левый сосок. Датарфа выдрала топор и рубанула вновь.

— Смотрите все! Хороший дровосек может не только валить деревья!, — демонически захохотала она, продолжая наносить себе удар за ударом, пока не упала замертво.

В это время кто-то из толпы метнул здоровенный деревянный брус в палача. Удар был точен и старик повалился с раздробленными ногами. Толпа одобрительно загудела. Мальчишки засвистели.

— Меропа, дочь моя! — слабеющим голосом пробормотал старик.

— Ах вы, твари! — завопила торговка, и бросила в толпу отрубленную голову.

Пока та летела, многие успели разобрать черты лица убитого.

— Да это же достойнейший судья Ахупам! — закричали люди. — Меропа убила его!

— Смотрите, презренные! Это его меч! — взревела Меропа, поднимая над головой клинок. — Этот жалкий трус сдох от своего же оружия. Этот жирный слизняк не мог за себя постоять. Я зарезала Ахупама как свинью, его собственным мечом! А теперь умрете вы!

С этими словами она опустила меч на голову ближайшего зеваки. Тот вскрикнул и упал. Ме-

ропа по-собачьи наклонила голову, облизнулась и рассекла грудную клетку другого.

Тот с изумлением посмотрел на свою грудь и вдруг резким движением извлек собственное пульсирующее сердце.

Меропа захохотала.

— Оно тебе уже ни к чему! — и вырвав сердце из его слабеющих рук, жадно впиалась в него зубами.

Толпа бросилась к Меропе, размахивая ножами и дубинами.

— Ну идите все к мамочке! Мамочка вас приласкает! — орала Меропа, орудуя мечом с паразитической ловкостью. Она успела умертвить пятерых, прежде чем людская волна отхлынула назад.

Горожане пустились в бегство. Обезумев от ужаса, они вопя и толкаясь бросились в сторону киммерийца. Вдруг одна из женщин с красными белками глаз и в лохмотьях, когда-то вполне приличного платья, заметила Конана.

Она остановилась и завизжала.

— Чужеземец! Это он виноват во всем!

Толпа угрожающе заворчала. Появился некто на кого можно было свалить вину за все те ужасы, которые отныне их окружали.

Конан встал в боевую стойку и взял меч обеими руками.

— Идите сюда, дети Нергала, — прорычал он. — Идите сюда и вы увидите, как сражаются настоящие воины!

Поток обезумевших горожан захлестнул огромную фигуру варвара. Тому ничего не оставалось делать, как орудовать мечом направо и налево. Митра Солнцеликий, ему было совсем не по душе сражаться с безоружными, но выбирать не приходилось. Меч — неплохой аргумент в споре с разъяренной людской массой. Пусть он не может вразумить, но зато может остановить.

Через пару терций вокруг варвара валялись искромсанные тела безумцев. Сам северянин отделался несколькими ссадинами и ушибами. Да и что могли сделать изнеженные горожане, привыкшие коротать одинаковые дни за вином и игрой в кости с воином, чей жизненный путь был устлан телами демонов и чудовищ.

Неподалеку от него на эшафоте, умирающий палач разбитыми губами звал свою дочь.

— Меропа!

Вся покрытая своей и чужой кровью, словно богиня мщения, бывшая торговка мясом брезгливо перешагнула через труп и двинулась к отцу.

Он силился встать, опираясь на меч, но у него ничего не получалось. Переломанные ноги отказывались повиноваться.

— Отец! — вскрикнула Меропа, взобравшись на эшафот.

— Казни меня, дочка! Время пришло! Серые Равнины зовут меня! — прохрипел старик, захлебываясь кровью.

Меропа зарыдала и что есть мочи рубанула отпа по шее, исполняя его последнюю волю. Сталь пронзила дряхлую плоть и голова старого палача покатиалась по эшафоту.

Меропа пнула мертвое тело.

— Безголовый старикашка! Я говорила тебе, не лезь не в свое дело! Ты слишком стар для него! Ты не послушал собственную дочь и вот чем все закончилось! Теперь твоя душа отправится в огненные подземелья Зандры! Чей Рдяный Серп будет кромсать твой дух до тех пор, пока мир не канет в пучину Хаоса!

Услышав крики, лязг стали и гул за своей спиной, она медленно повернулась.

Киммериец уже был внизу. На лестнице валялось много искромсанных тел. Конан шел сквозь толпу, прорубая путь мечом, словно через мангровые заросли. Он двигался легко, не задерживаясь, как будто люди были не из плоти и крови, а из сухой соломы, как чучела на крестьянских полях.

Меропа сжала в руках меч.

— Вот кто истинная причина бедствий! — сказала она тихо и страшно.

Конан не услышал ее слов, а если бы и услышал, то что бы он мог возразить? Он действительно виноват. Виноват в том, что поддался на уговоры безумного царя, который решил разомкнуть Круг Времен, установленный небожителями. И вот — Круг разомкнут, но цена этого: город, в руинах, жители истребляющие друг

друга, и вместо сытого счастья и всеобщей благодати — кровь и пепелище.

Меропа и Конан пробивались сквозь толпу друг к другу, пока их клинки со звоном не скрестились.

Варвару претило сражаться с женщинами, но выбора не было. Погибать от меча этой безумной демоницы северянин не собирался, поэтому единственное, что он мог для нее сделать — это даровать Меропе легкую смерть.

Легко отбив ее выпад, Конан нанес глубокий удар в ее мясистую грудь, которую так беззаветно обожал кривой Арфаст. Сердце ее стукнуло в последний раз — и замерло.

Она еще открывала рот, пытаясь выдать последние слова, но это было равносильно попытке рыбы поговорить с рыбаком.

Повсюду были птицы и цветы.

На потолке, на ширмах, на стульях. На занавесах из красного шелка и синих покрывалах из бархата. И среди этих птиц и цветов, словно в чертогах шемитской богини любви Ашторет, на персницы Матери-Иштар, на резной кушетке возлежала Стефания. Ее многочисленные косички свешивались вниз, а вплетенные в них серебряные шнуры, вились по полу, составляя витиеватые узоры.

Стефания замерла в чудесном предвкушении. Мнилось ей, что наступило мгновение, ради которого стоит приходить в этот мир и терпеть его несовершенство. Это — мгновение Абсолютной Красоты, за которой нет ничего: ни морали, ни логики, ни даже самого Хаоса. Красоты, ощутив которую можно плакать от счастья или хохотать от восторга, единственное, чего невозможно сделать — так это устоять перед ней

Из окна, выходявшего в сад, лился свет. Проникая сквозь узорчатые ставни, он становился призрачным, и все, что находилось в комнате

выглядело слегка нереально, словно на полустертой мозаике лемурийских мастеров.

Перед красавицей Стефанией, весь дрожа, переминался юный раб, впервые достигаемый перед властные очи хозяйки. Она приобрела его его взамен прежнего, который потерял рассудок, почему-то вообразив, что он не вещь, а человек.

Жестокосердная хозяйка не пыталась его взрумить. К чему? Тем более, что она уже пресытилась его совершенным телом. Если он человек, то должен быть свободным — рассудила она и приказала сбросить дерзкого строптивца с вершины башни.

Вероятно, тот испытал мимолетные мгновения свободы, пока летел вниз. По крайней мере ей нравилось думать именно так.

Новый раб, почти мальчик, еще не изведал женской ласки. Но Стефания знала, что именно в таком возрасте в юных телах начинает бродить смутное желание, еще не осознанное, но уже полное силы.

Он стоял перед ней, полностью обнаженный. Юноша был великолепно сложен, Митра наделил его бархатистой нежной кожей, которую хотелось гладить кончиками пальцев и слизывать с него капельки пока еще душистого молодого пота.

Но раб и не подозревал — какие мысли бродят в красивой головке его новой хозяйки. Самому себе он казался неуклюжим и уродливым.

Стефания провела кончиком ногтя по его коже, покрытой мурашками: в комнате было прохладно.

— Ты прекрасен, как юное божество. Все части твоего тела гармоничны и их линии ласкают взор совершенством. Твои губы как ягоды дикого дерева элайо, что плодоносит раз в двенадцать зим. Руки твои, гибкие словно лианы. А волосы, подобны гриве неукрощенного жеребца. Я довольна раб! Я не зря потратила деньги.

Она поманила мальчика — тот робко приблизился и встал на колено перед ее ложем. Стефания кончиками пальцев взяла его за подбородок и подняла его голову.

— Я чувствую, нам предстоят многие дни блаженства. Конечно тебе еще недостает мужской силы и выносливости, но мой колдун сварит для тебя эликсир из мочевого пузыря заморийского древесного лиса, после которого ты влетишь в мое лоно зеленой пчелой, несущей мед любви.

Мальчик задрожал еще больше.

Стефания улыбнулась.

— Я голодна! Эй, рабы, несите фрукты и сладости! — воскликнула она, и тотчас занавеси всколыхнулись.

Десяток хорошо вышколенных слуг бросились исполнять прихоть своей хозяйки.

— Не бойся, раб, мое нежное божество, — сказала она томным голосом. — Тебе нечего бояться, воплощение сладости. Пока ты будешь

послушен моей воле, твоя жизнь будет столь же приятна, как купание в теплом вине.

Похоже, мальчик не верил ее словам. Он продолжал смотреть испуганно, будто его хозяйка пообещала содрать с него кожу.

Стефания ласково коснулась его живота.

— Не бойся, — повторила она. — Я угощу тебя такими яствами, которых ты никогда не пробовал. Тебе понравится!

Мальчик вдруг поднял взгляд и посмотрел в сторону окна.

— Птица! — сказал он.

Стефания тоже посмотрела туда, но ничего не увидела.

Лишь в промежутке между занавесями, которыми хлопал легкий ветерок с моря, мелькнул крылатый силуэт.

— Ты видел птицу? — ласково спросила Стефания.

Мальчик кивнул.

Красавица снисходительно улыбнулась.

— Что это была за птица? Разноцветный кимарин из береговых джунглей?

— Нет, — отрицательно замотал головой раб, — это была черная птица.

Занавеси вдруг всколыхнулись и ткань стала тлеть, словно ее пожирал невидимый огонь. Красный шелк покрывался темными пятнами, нити распадалась на волокна и медленно кружа, слетали на пол. Слуги принесли яства на серебряных подносах. Но что это? С ужасом и

отвращением Стефания увидела, что гнилые фрукты кишат червями, а сладости напоминают нечистоты.

— Вон! — взвизгнула Стефания и вскочила с ложа.

Она посмотрела мальчику в лицо, и застыла от страха.

Кожа его стала почти черной, словно у стигийской мумии, которую извлекли на свет спустя тысячу зим после погребения. Глаза отсутствовали, нос провалился, зубы раскрошились.

Стефания истошно завопила и оттолкнула тварь, которая еще мгновение назад была ее новой игрушкой. Монстр пошатнулся. Шея его надломилась. В ней появилась трещина, но крови не было. Жилы демонического создания были наполнены пеплом.

Стефания бросила взгляд на собственные руки. И тут ужас сковал ее тело и пригвоздил к ложу ледяным мечом Имира. Ее прекрасные пальцы, некогда умащиваемые лучшими вендийскими благовониями теперь напоминали высохшую лапку нетопыря, которую бродячие комедианты вешают на свои погремушки. Кожа сморщилась и пожелтела, ногти пошли чешуйками, вены набухли и покрылись узлами.

Стефания обернулась. Вместо обнаженных молодых рабов ее комната была наполнена острозубыми мерзкими тварями, покрытыми свалывшейся шерстью. Они тянули к своей бывшей хозяйке когтистые лапы и рычали.

Все еще надеясь на спасение, женщина бросилась к окну: распахнула узорчатые створки и выпрыгнула в сад. Но внизу сада уже не было: деревья на ее глазах рассыпались в труху, а цветы превратились в пыль.

Стефания склонилась над водой в каменной ванне, стоявшей посреди сада, и пыталась разглядеть свое отражение. Через миг она отшатнулась и по-звериному завывала: из воды на нее глядела старуха, покрытая коростой багровых струпьев.

Та, что еще терцию назад была первой красавицей Терена, вцепилась ногтями в щеки — и застонала.

Как в тумане она добрела до края террасы и посмотрела вниз. Подслеповатые глаза плохо различали предметы вдалеке, но она все же сумела рассмотреть на узкой улочке две фигуры размахивающие мечами. На мгновение ей показалось, что эти люди ей знакомы. Но Стефания так и не сумела вспомнить — кто они.

Силы оставили бывшую красавицу. Она пошатнулась — и, словно зеленая пчела из колдовского эликсира заморийского некроманта, — полетела вниз, на камни мостовой.

Терен разваливался и умирал. Конан старался больше не ввязываться в драки. Люди и без него вполне успешно отправляли своих сородичей на Серые Равнины.

Конан решил, что разумнее всего побыстрее убраться из этого места, с каждой терцией становившимся все менее гостеприимным, и устремился по направлению к городской стене. Это оказалось не так-то просто сделать. Узкие кривые улочки имели обыкновение предательски сворачивать в противоположном направлении, переплетаться друг с другом, а то и вообще — заканчиваться тупиком.

Наконец он набрел на узкую кривую улочку, казавшейся несмотря на разрушения, смутно знакомой, Конан двинулся вперед и вскоре вышел на рыночную площадь.

Некогда оживленное место теперь выглядело ужасно. Кругом валялись трупы горожан, разломанные прилавки и раздавленные фрукты. Остро пахло пряностями, просыпавшимися из про-

резанных мешков и свежeproлитой кровью. В воздухе кружили перья и жужжали мухи.

— Остановись, варвар! — слышалось сзади.

Конан оглянулся. Перешагивая через тела своих подданных, к нему приближался Нилам, царь Терена. Его развевающиеся золоченые одежды были пропитаны кровью, лицо покрыто тонким слоем известки, в волосах запутался колючий плющ.

В безжизненных глазах владыки плескалась смерть, а изрезанные руки сжимали длинный клинок, с бурыми ручейками на лезвии.

Конан наметанным глазом отметил, что по всему выходит — царь неплохо владеет мечом. Хорошего бойца можно определить уже по тому, как он держит в руках клинок.

Чувствуется, что остановившееся время не мешало владыке постоянно тренироваться в рукопашном бое. Впрочем, может быть Круг Времени застал его как раз за этим занятием и все последующие зимы Нилам уже был, вынужден совершенствовать мастерство, вне зависимости от собственного желания.

Конан усмехнулся.

— Я никуда и не уйду, царь! Как видно ты вспомнил о той награде, которую обещал мне, если я успешно справлюсь с твоим поручением? Что ж, я готов ее получить!

Нилам ловко перепрыгнул через обломок каменной скамьи и подошел к Конану на расстояние равное длине копья.

— Сейчас ты получишь, свою награду, варвар! И, клянусь Нергалом, ты останешься доволен, ибо я дарую свободу твоей душе, выпустив ее из этого неуклюжего тела. Скоро ты предстанешь перед своим богом Кромом, варвар, и сможешь поведать ему, что пал от меча настоящего воина. Ты умрешь от руки царя — и это самая щедрая награда, смертный, которую только бы мог измыслить твой скудный разум!

— Я уже говорил тебе, царь, что предпочел бы звонкую монету! — ответил киммериец, — но почему сердце твое полно ненависти? Ведь до сих пор я не был твоим врагом?

Нилам посмотрел на него с презрением:

— Ошибаешься, варвар! Теперь ты мой враг! Но это не твоя вина. Ты сделал, что обещал, но теперь мой город и мой народ катятся в преисподнии Зандры. И душа моя не успокоится до тех пор, пока я не вырву твое сердце и не положу его на третище Темной Кали, моля ее о милости для себя и своих подданных. Ты разгневал небожителей, варвар и только твоя смерть может искупить это! Теперь ты будешь умерщвлен. Так повелели боги и я каждое мгновение слышу их тихие голоса.

Конан прекрасно понимал, что Демоны Темных Глубин отобрали у несчастного последние крупинки разума, но даже это, не могло его примирить с необходимостью становиться жертвой на затерянном островке Жемчужного архипелага. В конце концов у него еще оставалось еще

много незавершенных дел, и он вовсе не собирался бросать их на середине, только потому, что кому-то так захотелось.

— Защищайся, царь! — крикнул Конан, и первым бросился в атаку.

Тот легко отбил удар и даже сумел слегка задеть киммерийца, начертав на его предплечье будущий шрам.

— Смирись, варвар! — пробормотал Нилам, — Смирись и покорись воле Бессмертных!

— Ты убедил меня, царь, что богам потребна жертва! — отозвался Конан, — только почему бы ей не стать тебе? Ведь жертва царской крови куда лучше, чем тело какого-то варвара.

Конан попытался сделать обманное движение, потом стремительно ударил слева. Нилам отбил его атаку со скукой на лице.

— Сражайся, как мужчина, варвар!, — захохотал он, обнажив крепкие зубы, — подойди ближе и ударь мечем. Или прими смерть, как и подобает воину.

Конан сделал выпад, потом еще один. Темный меч взвихривал тяжелый воздух, но правитель по-прежнему не получил ни одной царапины. В ярости Конан нагнулся, нащупал обломок деревянного бруса и запустил его в Нилама. Царь ловко отпрыгнул в сторону и укрылся в тени, под террасой одного из домов, выходящих на площадь. Краем глаза варвар увидел какое-то движение наверху. Не упуская из виду своего противника — он чуть сощурил глаза — вверху

на третьем ярусе бесновалась безобразная старуха с ворохом седых косичек на голове.

Варвар занял оборонительную позицию. Он решил беречь силы и больше не нападал, рассчитывая, что рано или поздно царь хотя бы на мгновение потеряет бдительность. Когда безумец устанет, вот тогда и следует наносить удар. В конце концов в бою не всегда побеждает сила, часто верх одерживает тот у кого больше терпения и выносливости. Он осторожно перехватил меч левой рукой, а правой вытащил ханасульский кинжал, тот самый, что он обнаружил близ останков Шевадана.

Вдруг в воздухе мелькнула какая-то тень и что-то тяжелое рухнуло прямо перед Ниламом, подняв тучу разноцветной пыли от рассыпанных пряностей.

Царь, не ожидавший этого вздрогнул и на мгновение отвел глаза, бросив взгляд на мертвое тело у своих ног.

Этого хватило.

Конан резко взмахнул рукой.

Ханасульская сталь, которая как гласит легенда, режет даже утренний туман, запев песнь крови и пустоты, рассекла вязкий воздух и, блеснув в лучах солнца, вонзилась в глазницу безумного владыки.

Нилам несколько раз судорожно сглотнул, как будто что-то невысказанное застряло в его горле и медленно осел на землю.

— Дешевле было бы рассчитаться за рабо-

ту, — тряхнул головой Конан, — Кром, ну почему же мне так не везет с нанимателями?

Варвар подошел к распростертым телам. Одежда старухи показалась ему знакомой. Он наклонился и перевернул труп. Сомнений нет, перед ним была та самая красотка, которая предлагала оскотить варвара и бросить в море.

Теперь красоткой ее не назвал бы даже слепец.

— Никогда бы не подумал, что сварливость так быстро уродует женское лицо, — вздохнул варвар. — Боги, вы зря разгневались на эту несчастную женщину, я ведь уже и позабыл о ее наветах.

Он сделал несколько шагов, нагнулся и выдернул кинжал из царской глазницы. Нилам лежал полуоткрыв рот, как будто силился что-то произнести напоследок.

— Не знаю, что ты там хотел сказать, но думаю это уже неважно, — заметил Конан.

Стена дома перед киммерийцем задрожала. Варвар отскочил. Камни, из которых она была сложена, раскрошились и поползли вниз. Со страшным грохотом дом обрушился, погребя под своими обломками тела безумного царя и старухи с тысячей косичек.

Конан двинулся прочь.

На краю рыночной площади бились мертвецы-мальчишки. Они яростно рвали зубами друг друга в клочья и играли отрубленными головами, словно мячом. Поодаль носились изувеченные трупы шакалов: отрезанные лапы стучали

когтями по брусчатке, оторванные хвосты извивались, а головы клацали зубами, норовя вцепиться мертвым сорванцам в лодыжку.

По земле мелькнула быстрая тень. Затем другая. Конан поднял голову. Это Тысячи черных птиц опускалось на город. Шелест множества крыльев по звуку напоминал листопад в осеннем аквилонском лесу.

Черная стая прилетела за мертвецами и — и не собиралась улетать без добычи.

Птицы кружили в воздухе, некоторые пикировали вниз, чтобы отхватить сильным клювом кусок от валяющегося трупа. А мертвецы поднимались и пытались ловить птиц непослушными окоченевшими руками.

Пару терций Конан наблюдал за битвой мертвецов и птиц, потом ему это наскучило и он пошел прочь.

— Есть в хайборийском мире много вещей, которые я люблю гораздо больше, — рассуждал он, обращаясь к трупу шакала, который увязался за ним, и бежал рядом на отрубленных лапах, — это доброе вино, знойные красотишки и звон золотых монет.

Шакал высовывал разложившийся язык и ничего не отвечал. Впрочем, будь он живым — вряд ли и тогда он смог бы оказаться достойным собеседником.

Улиц больше не было. Терен лежал в руинах.

Кое где шевелились мертвецы, пытались выкарабкаться из под упавших на них каменных

плит. Но это им не удавалось, потому что бурное разложение тотчас превращало их тела в гниль, плоть отваливалась кусками, оставляя голые скелеты, которые в следующее мгновение распадалась в прах. Сквозь обломки со скоростью летящих стрел прорастали деревья, вороша и раскалывая камни.

Две черные башни двух половин дворца провалились одновременно. Ушли в землю, как уходят в воду мачты тонущего корабля. Втянулись, словно чудовищные жвала Затха, заморийского Бога-Паука...

В городской стене, неподалеку от того места, где спускался Конан, появилась трещина. Она становилась все шире и шире, пока огромный кусок стены не рухнул, подняв тучу пыли. А когда пыль осела, Конан увидел лес. После грохота, запаха падали и искромсанных обломков стен было как-то странно видеть деревья, мирно покачивающиеся под легким морским ветерком.

Конан бросился к ним, мечом пролагая себе путь сквозь тучу черных птиц. Он ловко перепрыгивал через мгновенно растущие корни, уклонялся от веток, которые на глазах вытягивались из стволов, стремительно пробивающихся сквозь камни. Деревья всего за пару терций вырастали в человеческий рост, а через половину поворота клепсидры, они уже достигали небес, пронзая своими острыми ветками черных птиц, и возносили к небу наколотые на свои наверхия человеческие трупы.

Наконец Конан вырвался за пределы города и еще долго мчался среди деревьев, увитых лианами. Остановился он только возле ручья. Несколько пестрых рыбок словно застыли в прозрачной воде, едва пошевеливая плавниками. Только сейчас Конан понял, как его мучит жажда. Погрузив лицо в воду, он принялся жадно глотать, чувствуя, как прохладная живительная влага разливается по всему телу. Открыв глаза, он увидел блестящие монетки капитана Гураба, и вспомнил о золоте, которое было в царском дворце: кубках и блюдах, птичьих клетках, диадемах, браслетах и перстнях.

Знал бы Гураб, какие сокровища скрывает Кабаний остров! Пожалуй, когда-нибудь стоит вернуться сюда, снарядив хороший корабль и набрав команду из отъявленных головорезов.

Подняв голову, Конан оглянулся. Развалины Терена уже поросли густым лесом. Невозможно было представить, что пару колоколов назад на этом месте стоял цветущий город.

Лес на развалинах продолжал расти. Камни покрывались мхом, лианы взбирались на стволы. Слишком быстро возносившиеся к небу деревья со скрипом обрушивались вниз, ломая молодняк и сухостой. Другие деревья поднимались на их месте, и в свою очередь умирали. Вскоре развалины были погребены под лесом и более ничто не напоминало о Терене и Круге Времен.

25

Рыбы способны видеть сквозь воду.

Жаль только, что они неспособны осмыслить увиденное и не умеют говорить. Иначе они смогли бы рассказать, как на закате из леса на берег вышел покрытый кровью черноволосый человек. Он брел, шатаясь, с трудом волоча за собой меч. Дойдя до полосы прибоя, он остановился, приподнял меч и воткнул его в песок.

Набежавшая волна, принесшая с собой нескольких мертвых мальков и полуживых раковин, забурлила вокруг него, шипя как закипающий котел. Она закружилась вокруг ног человека, смывая с него пыль и кровь. Но он будто бы не замечал этого. Его синие глаза смотрели вдаль. Туда, где у кромки окоема белел косой парус рыбацкого суденышка.

Солнце распласталось над горизонтом, как бычий глаз, выпавший из глазницы мертвого животного. Оно окрасило в багрянец поверхность воды и мазнуло пурпуром по белому парусу, мгновенно сделав его цвета крови. Улыбка осветила уставшее лицо человека, и он принялся

заплетать жесткие черные волосы в косу, как это делают моряки, чтобы длинные волосы не мешали плыть.

Заплетая косу, он шаг за шагом входил в воду. Когда море достигло его бедер, он отпустил волосы и обернулся.

Эфес меча блестел в свете закатного солнца, словно золотой скипетр.

Это было все, что осталось от славного города Терена.

ХАЙБОРИЯ: история оружия

Нет особой нужды повторять всем известные слова о том, насколько многолик и разнообразен Хайборийский мир, созданный Робертом Ирвином Говардом более восьмидесяти лет назад. Пожалуй, это единственная «литературная вселенная», вобравшая в себя черты почти всех эпох человеческой цивилизации — здесь мы можем увидеть как государства, весьма напоминающее Древний Египет (Стигия) и Оттоманскую империю (Туран), так и вполне развитые страны более приближенные к Франции и Испании времен Высокого Средневековья и, даже Возрождения (Аквилония, Зингара, отчасти — Немедия).

Не менее многообразны и технологии, использующиеся в Хайбории. Еще в самых ранних рассказах Р. Говарда, а затем и его ближайших последователей, строго придерживавшихся говардовской концепции мира, мы находим упоминания об изделиях как из бронзы, так и из стали, хайборийцам известно, как изготавливать

стекло и хрусталь, шелк и бумагу. Но, разумеется, нет смысла сравнивать, допустим, киммерийцев (очень похожих на древних шотландцев времен римского завоевания Британии) и высокоразвитых зингарцев, которым известны такие изобретения позднего Средневековья, как косой и прямой парус, благодаря которым Христофор Колумб достиг побережья Нового Света.

Многие критики уверяют, что Говард «соединил несоединимое». На одних и тех же землях не могут одновременно существовать цивилизованная Аквилония и пикты, считающиеся в Хайбории едва ли не образцом дикости и варварства. Давайте, однако, согласимся, что Хайбория — мир фантастический, причем в значительно меньшей степени, чем, к примеру, Средиземье Д. Р. Р. Толкина.

Во-вторых, скептикам можно возразить и с помощью других аргументов: даже сейчас, в XXI веке, при развитой информационной и техногенной цивилизации, в эпоху компьютеров и полетов в космос, можно встретить сообщества, живущие буквально в каменном веке — индейцы Амазонии, аборигены Новой Гвинеи или Австралии. Всего полтора столетия назад на территории США и Канады существовали индейские племена, решительно отказывающиеся принимать новшества, принесенные на их земли переселенцами из Европы.

Следует заметить, что «дикие» индейцы были для Р. Говарда не литературными персонажами,

а вполне материальной реальностью — так и появились хайборийские «пикты», беспрестанно атакующие «форты» колонистов Аквилонии. Замечайте в текстах классика слова «пикты» на «индейцы», а «подданные Аквилонии» на «американцы», уберите из рассказов магию и проставьте географические названия соответствующие Техасу или Аризоне — в результате вы получите обычный вестерн.

...Само собой разумеется, что разница в уровне развития технологий между регионами Хайборийского материка, подразумевает и колоссальные отличия в вооружении различных народов.

Хайбория — мир беспрестанных войн и сражений, недаром изобретенный Говардом жанр именуется именно «меч и магия», где слово «меч» стоит на почетном первом месте. Кузнецы в Киммерии могли ковать клинки из бронзы и железа не насыщенного углеродом, но противостоять стальному оружию аквилонцев такие мечи не могли из-за того, что материал являлся более мягким, или наоборот — хрупким.

Некоторые авторы «Саги о Конане» (да и многих других произведений жанра *fantasy*!) в описании оружия допускали множество прямо-таки смехотворных нелепостей, путали термины, именовали дол «кровостоком» и даже иногда заставляли Конана носить «двуручный меч» в «ножнах за спиной». Давайте же попробуем разобратить наиболее часто встречающиеся ошибки.

Итак, что же такое «меч» как таковой? Меч, как основное вооружение нашего Вечного Героя?

Большинство справочников сходится на одной общей формулировке — мечом является клинковое оружие с длинным прямым обоюдоострым клинком, рукоятью и гардой. В абсолютном большинстве случаев изготавливается из металла, хотя известны, к примеру и костяные мечи.

Вполне понятно, что меч является прямым потомком примитивного ножа, какими пользовались еще в доисторические времена. Древнейшие упоминания об употреблении мечей встречаются в Библии, это оружие можно увидеть и на рисунках, покрывающих памятники древнего Египта и Вавилона.

Вполне понятно, что после формирования древних государств, обострились и конфликты, люди сражались за пригодные для земледелия территории, начала развиваться военная наука, появились рода войск — пехота, конница, затем и инженерные части. Оружие так же совершенствовалось и трансформировалось в соответствии с требованиями времени и обстоятельств. Например, выяснилось, что кавалерийский клинок вовсе не обязательно должен быть заточен с обеих сторон, поскольку конный воин в основном рубит сверху вниз, задействуя только одну сторону лезвия — так появились сабли. В ближнем пешем бою удобен короткий меч, и римляне в течении почти тысячи лет использовали

незаменимый гладиус до поры, пока цивилизация не вышла на новый виток и не потребовались новые виды оружия.

Приведу цитату из научно-исследовательского труда известного писателя-фантаста Айзека Азимова «Темные века»: «...Европейское рыцарство стало мощной защитой и гордостью Европы, символом ее побед. Больше никогда, за исключением монгольского нашествия 1240 года, европейцы не чувствовали себя беспомощными перед нападениями извне. Больше никогда в центре Европы не раздавались просьбы о пощаде, обращенные к свирепым варварам. Потому, что между варварами и цивилизацией стояла железная стена — рыцарство, быстро доказавшее превосходство над ордами врагов».

Первая победа рыцарства, как новой формы организации войска, и первой победой нового оружия стала битва на реке Лех в Южной Баварии, происшедшая 10 августа 995 года. Племена мадьяров собрали огромное конное войско, в прежние времена способное смести со своего пути любого противника. Мадьяры переправились через реку и узрели перед собой несокрушимый строй тяжелой кавалерии германского короля Оттона вооруженной длинными прямыми мечами. Первая атака захлебнулась, рыцари не сдвинулись ни на шаг, а вскоре и обратили трехкратно превосходящего численностью противника в бегство — эта битва считается «днем рождения» европейского рыцарства.

Наследие Римской Империи навсегда кануло в прошлое, исчезли короткие гладиусы. Европейцы создали «свой» меч с лезвием длиной 80-110 сантиметров и обязательным долом. Древние скандинавы уже употребляли похожее оружие, однако их мечи имели скругленное оконечье, таким клинком можно было только рубить, но не колоть. Европейский меч был универсальным колюще-рубящим оружием.

Автор данной статьи однажды посетил оружейный магазин и заинтересовался мечом сразу с двумя долами. Спросил у продавца — «Зачем два?». На меня взглянули неприязненно и с иронией ответили: «А это чтобы крови в два раза больше стекало!». Хорошая шутка, особенно если применить ее к месту и ко времени...

Неизвестно, кто и когда выдумал для дола название «кровосток», но этот неостроумный человек стал прародителем фантастического числа ошибок как в литературе *fantasy*, так и в романах с претензией на «историчность». Возможно, кровь по долу иногда и стекает, но углубление в виде желобка (или нескольких желобков) идущее вдоль лезвия клинка предназначено исключительно для облегчения веса оружия и придания ему большей жесткости и сопротивления изгибу. Вероятность того, что меч во время сражения переломится (что повлечет за собой смерть его владельца!) существенно снижается в случае, если лезвие «укреплено» долом, создающим дополнительные «ребра жесткости». При изготов-

лении современных ножей дол используется скорее в целях эстетики, нежели эргономики, хотя при экстремальных нагрузках на лезвие, он подействует так же, как и всегда: предотвратит переламывание клинка.

Необходимо заметить, что меч достаточно прост в изготовлении, если достаточно материала и кузнецов, мечи можно производить сотнями и тысячами за сравнительно короткий срок. Разумеется, мы не говорим сейчас о «штучных» экземплярах, которые дарились королям и императорам — такие клинки являются редкостью, их могут ковать годами, а украшать еще дольше! Однако, если мы хотим вооружить сотню пехотных воинов соответствующим количеством самых обыкновенных, но вполне надежных мечей и имеем в распоряжении десяток опытных кузнецов, будет вполне достаточно двух-трех дней работы.

На выкованной заготовке оттачиваются лезвия, устанавливается крыж (крестовина), рукоятка обматывается кожаными ремешками чтобы ладонь не скользила. Если есть желание, клинок можно отполировать до блеска. Меч готов, остается только заказать у шорника ножны и перевязь, чтобы не таскать острый предмет обнаженным на плече, а привычно пристроить его у левого бедра, если вы правша как и большинство людей...

Как же носят меч? Традиционный и наиболее удобный способ описан в предыдущем абзаце —

ножны крепятся ремешками к перевязи, таковая перебрасывается через плечо. Ножны с европейским мечом крайне редко крепятся к поясу, поскольку от тяжести оружия пояс перекашивается и сползает — это тоже одно из распространенных заблуждений!

Вариант второй: за спиной. Но и здесь существуют свои нюансы. Фраза «*Конан выхватил из висающих за спиной ножен свой двуручный клинок*» столь же нелепа, как «горячий лед» или «ледяной огонь». Проведите эксперимент: вытяните свою правую руку вверх и вправо под углом примерно сорок пять градусов. Представьте, что ножны заканчиваются на уровне вашего первого грудного позвонка. Таким образом расстояние между вашей ладонью и первым грудным позвонком и окажется предполагаемой длиной меча — в противном случае вынуть его из ножен не получится, длины руки не хватит! Посему бредовые измышления о «двуручнике в ножнах и за спиной» мы с негодованием отмечаем и рассматриваем классический вариант, описанный многими историческими авторами и доныне используемый бойцами военно-исторических клубов Европы.

Прежде всего, в ситуации чрезвычайной, меч необходимо достать мгновенно — от секунды до трех, в противном случае вы просто не успеете отразить удар противника. Ножны расположены за спиной наискосок, так, чтобы рукоять находилась за левым плечом. Крепление достаточно

свободное, ножны должны «гулять», иначе выхватить меч так же окажется затруднительно. Зато вы моментально сможете ответить рубящим ударом сверху слева — ношение оружия за спиной было более предпочтительным для кавалеристов, чем для пеших, поскольку пехотинцу зачастую мешает тяжелый щит в левой руке. Однако и здесь длина меча не должна превышать 75-85 сантиметров...

А вот летописные двуручные мечи никогда не носили в ножнах — оружие или мирно путешествовало в обозе, или на плече владельца, как в знаменитом фильме Поля Верховена «Плоть и кровь», где главный герой действует именно таким оружием. Двуручный меч, кстати, появился в эпоху позднего Средневековья и Ренессанса, весьма слабо ассоциируемого с миром Хайбории. Иногда двуручник носили под мышкой, в специальной петле закрепленной на плече, но насколько удобен такой способ транспортировки — неизвестно, никто из ландскнехтов не оставил мемуаров.

Несколько слов об эстетике оружия и его эргономичности. В магазинах сувениров и подарков периодически можно встретить устрашающие сооружения самого немыслимого облика с обязательной надписью на ценнике: «Меч Конана». Лезвия самых немыслимых форм, удивительные «украшения» в виде черепов, зачем-то прикрепленных к гарде, стражики на рукояти, и так далее, и тому подобное. Мало того, что

использовать такое, с позволения сказать «оружие» по прямому назначению решительно невозможно, так оно еще и выглядит до крайности безобразно. Подобные «мечи Конана» можно смело проводить по ведомству кольчужных бюстгалтеров, рогатых шлемов и прочей небывальщины, излюбленной некоторыми фантастами.

Меч является прежде всего оружием и используется в целях сугубо практических. В какой-то мере, это предмет настолько же утилитарный, как стакан, стол или ложка — у меча есть прямое предназначение. Пользоваться им должно быть прежде всего удобно, а удобство зависит от совокупности самых разных факторов — баланс, рукоять, легкость. Да-да, меч не должен быть слишком тяжелым и фразы отдельных авторов, посвященные «неподъемному мечу киммерийца» без смеха воспринимать невозможно. Обычный европейский клинок весит приблизительно 1,5-2,5 килограмма, иногда даже меньше! На рукояти не должно быть никаких украшений и тем более ограненных камней — можно порезать ладонь! Ну а невероятные «украшения» просто утяжеляют оружие.

Бесспорно, существует множество образцов коллекционных клинков — позолота, гравировки, фигурные эфесы. Но в прежние времена такие мечи являлись прежде всего церемониальными, и во вторую очередь — предметами роскоши, в сражениях их никто не использовал. Император Карл Великий на официальной цере-

монии мог носить именно такой роскошный меч, но отправляясь на войну, он брал куда более простой и надежный стальной клинок!

Исходя из всего вышеизложенного мы теперь можем составить представление о настоящем мече Конана. С большой долей вероятности это был добротный и весьма дорогой тщательно выкованный клинок с хорошей закалкой, без лишних украшений, с шершавой рукоятью, которую удобно держать в ладони. Длина лезвия вряд ли превышала метр, носить меч можно было на перевязи — в пешем строю, или за спиной — в конном.

Давайте не забывать о том, что основной варварской чертой является практичность — все римские авторы, описывая варваров, будь то германцы или кельты, сходятся на том, что они очень ценили удобные вещи. Таким образом неподъемный вычурный клинок с черепами-каменьями исчезает, заместившись весьма простым и надежным оружием, не способным подвести в бою.

* * *

Как уже было сказано выше, ручное холодное оружие с течением времени совершенствуется, военная наука не стоит на месте и стремительно развивается. Появляются новые средства защиты, следовательно им должны быть противопоставлены принципиально иные средства нападе-

ния. За несколько тысячелетий человечество создало огромное количество видов как холодного оружия, так и доспехов, способных защитить человека в бою.

Точно так же и в произведениях «Саги» встречается множество разнообразных видов оружия и военного снаряжения, включая сложные метательные машины наподобие требюше или баллист.

Рассмотрим, с чего начиналась «Сага» и какое вооружение описывал Роберт Говард в своих рассказах.

Ручное оружие — то же самое, что использовалось в исторический период до изобретения огнестрельного оружия: меч, копье, топор, палица, алебарда, кинжал. Меч распространен значительно шире, чем в большинстве исторических культур доримской цивилизации. За несколькими исключениями (например, критяне и шарданские наемники из Египта, пользовавшиеся длинными бронзовыми мечами) доримские армии были вооружены в основном копьями, римляне ввели в обиход пилум — короткое копье с очень длинным металлическим наконечником, который было невозможно перерубить при попадании в щит.

Говардом упоминаются Хайборийские мечи всевозможной длины, прямые и изогнутые, от двуручных, наподобие шотландского клеймора, и до «зайбарского ножа» или «ганатского ножа», по описанию больше напоминающих широкий

меч весьма похожий на мачете — что это за оружие, известно одному Говарду.

Доспех включает в себя чешуйчатую кольчугу, кольчугу из колец, кольчугу из цепей, панцирь типа «бригандин» и даже стальные латы у аквилонцев. Техническое отличие кольчуги из колец от кольчуги из цепей состоит в том, что в первой кольца попросту нашиваются на кожаный жилет, не сцепляясь между собой, в последней же звенья переплетены. Происхождение их до конца не установлено. Существует фрагмент этрусской кольчуги из цепей; возможно, парфяне придумали ее независимо от этрусков. Панцирь «бригандин» (был широко распространен в Европе XII века) — это жилет или куртка из плотной ткани, у которой изнутри подшиты стальные пластины. Цельные стальные латы, которые носят хайборийские тяжелые кавалеристы в Аквилонии, Немедии и Зингаре, появились в Европе лишь в XIV веке, одновременно с огнестрельным оружием.

В качестве средств защиты головы встречаются кольчужный шлем-оголовье, множество разнообразных шишаков, бронзовый шлем с гребнем (использовался в Ассирии, около 1000 года до нашей эры), шлем с забралом (Европа, XIV век), морион (Европа, XV век), и ряд других, появившихся в Европе в то же время.

Постоянные упоминания Р. Говардом «рогатых шлемов» в нынешние времена не вызывает ничего кроме улыбки — в Древней Скандинавии

шлемы с укрепленными на них рогами животных использовались исключительно в ритуальных целях, а потому сочтем, что обитатели хайборийских Асгарда или Ванахейма использовали аналоги классических скандинавских гёрмундов (шлем-шишак с металлической маской, защищающей лицо). «Рогатый» шлем никогда не использовался в бою, поскольку он может свалиться с головы как только противник заденет один из «рогов».

Помимо того, Говард упоминает шлемы, появившиеся в Европе на протяжении пяти столетий, наряду с более древними — такими, как классический бронзовый шлем с гребнем — последние быстро вышли из употребления в IV веке до нашей эры, когда средиземноморские кузнецы научились делать шлемы из стали (один из таких шлемов был у Александра Македонского).

Говард относительно неплохо разбирался в истории брони, о чем свидетельствует его рассказ «Красные клинки черного Катая» (1931г.). Герой рассказа — европеец, сражающийся в Центральной Азии с ордами Чингиз Хана — носит латы, относящиеся к переходному периоду от кольчуги к панцирю.

Правда, Говард датировал этот переход веком раньше, чем следовало бы. В специальных трудах на эту тему можно найти описания различных типов шлемов, но Говард, совершенно не принимал эти различия всерьез. Он не только использует в своих рассказах виды вооружений,

изобретенные уже в эпоху огнестрельного оружия, но порой называет один и тот же шлем двумя-тремя названиями, относящимися к разным типам.

Говард не обошел своим вниманием и осадную технику — упоминаются «самострелы», которые правильнее было бы именовать «баллистами» похожими на гигантские арбалеты. Некоторые осадные машины Говард вообще предпочитает не называть специальными военно-историческими терминами (скорее всего, он просто их не знал).

В одном из рассказов встречается «mantlet» — видимо, имелся в виду большой щит, часто с бойницами, установленный вертикально, чтобы прикрыть нападающих.

Метательные орудия включают в себя катапульты, баллисты и мангонелы, хотя, строго говоря, катапульта и баллиста суть лишь общие термины для любых метательных машин появившихся еще в древнем мире у греков, египтян и римлян. Мангонел — средневековое название «онагр» — однорычажная катапульта, изобретенная римлянами в период империи. Когда Говард говорит о «мангонелах и баллистах», он чаще всего имеет в виду онагры и, с другой стороны, более древние двухрычажные катапульты, пускавшие как стрелы, так и каменные ядра. Требуя или катапульта с противовесом не упоминается, равно как и китайская «пау», от которой она произошла. Хайборийским строителям были

известны хитроумные приспособления для устройства люков, желобов и прочих ловушек. Более того, похоже, что создание подобных устройств было у них излюбленным и самым доходным занятием.

Прикладная наука была достаточно развита в хайборийскую эру и способна произвести гигантский магнит, достаточно сильный, чтобы удерживать меч Конана, несмотря на все его усилия освободиться. Подобный магнит вряд ли мог быть естественного происхождения, но с другой стороны, довольно трудно вообразить электромагнит созданный хайборийскими мастерами. Можно предполагать, что Конан попросту замахнулся на одного из призрачных чудищ Ваал-Птеора и ударил мечом по деревянному столу с такой силой, что никак не мог извлечь свое оружие. Автор «Немедийских хроник» просто добавил магнит в историю для пущего интереса.

О кавалерии. По версии Говарда верблюды были приручены. В исторический период они издавна использовались в Аравии и Иране, но в Египте и Северной Африке появились лишь во времена Ахменидов. Стремена были также известны, хотя в Европе они появились только в IV веке от Рождества Христова — европейцы переняли стремя у гуннских завоевателей. Нередко Говард проявляет вопиющую неосведомленность — например, когда говорит, что римский всадник в Британии пользуется стремянами («Ночные Рыцари»), тогда как на самом деле стремяна появи-

лись у римлян только после падения Западной Империи!

Война на море в говардовской Хайбории хорошо известна, но и в этом случае классик допустил невероятное смешение исторических эпох. К примеру, кушитские и гирканские пираты плавают на галерах, а Говард не утруждается столь деликатным вопросом, как расположение гребцов и вопросом их набора — это рабы или вольные люди? Кроме того, кораблям зачастую дают названия «карака» или «галеон», хотя такие суда, подобно некоторым типам шлемов, датируются XIV-XVII веками. Этим моментам Говард не придает большого значения, лишь бы использовать побольше красивых слов на которые так падка непритязательная техасская публика читающая журнал «Волшебные истории». Собственно говоря, караками и галеонами назывались соответственно небольшие и более крупные суда с квадратным парусом.

В ранних рассказах упоминается и купеческая галера, довольно редкий корабль, у которого больше гребцов и меньше парусов, чем у обычного купеческого каботажного судна, но меньше весел и больше оснастки, чем у военного корабля. Такие корабли известны в Средиземноморье под названием «ракушек» и были не слишком распространены, поскольку обладали обычными недостатками гибридов, хотя использовались зачастую как вспомогательные суда пиратами и купцами. Они плавали в Средиземном море вплоть

до XVI века и были особенно популярны среди паломников в Святую Землю, поскольку крупные суда шли напрямик из европейского порта в Левант, тогда как менее мореходные «ракушки» ползли вдоль берега, заходя во все знаменитые порты античности, а пилигриму, как любому туристу, хотелось взять от путешествия как можно больше.

Имеется также якорь, что отнюдь не удивительно, учитывая расцвет кузнечного дела и металлургии. Оснастка включает в себя верхний парус (топ), а также, самое поразительное, кливер, появившийся в Голландии шестнадцатого века!

В более поздних произведениях упоминаются и военные флота приморских держав наподобие Аргоса и Зингары, но никаких подробностей не приводится. Вооружение пиратов Барахских островов ничем не отличается от обычного пиратского оружия в романах Рафаэля Сабатини или Диккенса — abordажные сабли и топоры.

В целом можно заключить, что Р. Говард довольно слабо разбирался в военном деле как Древнего мира, так и Средневековья, допуская множество ошибок, однако это ничуть не умаляет его заслуг перед литературой *fantasy* — мы должны помнить, что не появившись в «Волшебных историях» первые маленькие рассказы о похождениях Конана-киммерийца, жанр «меч и магия» не начал бы свое победное шествие по миру, продолжающееся уже более восьмидесяти лет...

Ручное холодное оружие: словарь терминов

Алебарда (*helebard*) — колющее и рубящее древковое холодное оружие в виде увенчанного пикообразным острием топора (часто с шипом на обухе), посаженного на длинное древко. Излюбленное оружие пехоты с XIV в. Английский вариант алебарды — с клювоподобным крюком, «вырастающим» из верхней части небольшого лезвия — в английском языке называется «клюв» (*bill*). Поздние алебарды часто использовались в качестве церемониального оружия, при этом их лезвия или уменьшали, или наоборот увеличивали до гротескных размеров и украшали прорезями, гравировкой и позолотой.

Альшпис (*awl-pike, ahlshpiess*) — колющее древковое оружие с длинным граненым клинком и небольшим круглым щитком (ронделем) в основании клинка.

Ангон (*angon*) — тонкое метательное копье, с длинным наконечником с невозвратными зубцами.

Акинак — скифский меч. Первоначально короткие, акинаки удлинялись с развитием металлургии.

Арбалет (*crossbow*) — метательное оружие. Состояло из лука, первоначально сложного (из дерева и

рога), позднее стального, укрепленного на ложе и спускового механизма. Мощные модели использовались совместно с натягивающим устройством (поясной крюк, козья нога, блок и веревка, английский, французский или немецкий ворот).

Баделер (*badelaire*) — нож с изогнутым лезвием, расширяющимся к острию, с XIV в.

Баллестр (*ballestre*) — арбалет, предназначенный для стрельбы пулями. Ложа баллестров делалась изогнутой, а тетива — двойной, с небольшим кармашком для пули. Баллестры — средневековый аналог духового ружья — использовались в основном для охоты на мелкую дичь.

Бастард (*bastard sword*) — меч-бастард «полуторный меч». Этот термин, встречающийся иногда в средневековых рукописях, начал широко (и без особых оснований) использоваться в XIX веке для обозначения мечей с удлинённой рукоятью, которые нельзя было классифицировать как двуручные.

Бердыш (*bardiche, berdishe*) — восточноевропейское рубящее древковое оружие в виде топора с широким лезвием в форме полумесяца на длинном древке. Во многом аналогичные алебардам, бердыши также использовались как церемониальное или парадное оружие. Лезвия таких парадных бердышей могли быть больше метра в длину и украшались (впрочем, как и лезвия боевого оружия) отверстиями и гравировкой.

Болт (*bolt*) — метательный снаряд для стрельбы из арбалета. Отличался от стрелы меньшей длиной и большей толщиной. Мог не иметь оперения. Часто

древко болта делалось в форме веретена для уменьшения трения о ложе арбалета.

Брус — разновидность булавы с головкой призматической формы.

Булава (*mace*) — ударное оружие, состоящее из шаровидной ударной головки, укрепленной на рукояти. Булавы часто богато украшались и служили признаком высокого ранга их владельца.

«Воловий язык» — другое название чинкуэды. Также название длинного древкового оружия (одной из разновидностей протазана) с наконечником той же формы.

Вуж (*voige*) — название двух типов древкового оружия: оружие, сходное с рункой или совней (*voige francaise*) а также ранний вариант алебарды с лезвием, крепящимся к древку двумя кольцами, иногда называемое «швейцарским вужем» (*voige suisse*).

Гарда (*garde*) — часть эфеса клинкового холодного оружия с рукоятью, выполненная в виде чаши и предназначенная для защиты от удара пальцев руки, охватывающей рукоять.

Гвизарма (*guisarme*) — разновидность боевой ковы. Длинное изогнутое лезвие, снабженное длинным шиповидным лезвием направленным вверх. Также может быть отнесено к совнам (глефам).

Гладиус — короткий прямой римский меч.

Глефа (*gllaive*) — слово, первоначально обозначавшее копье, позже стало употребляться, как поэтический и литературный синоним меча. В настоящее время используется для обозначения древкового оружия с тяжелым однолезвийным клинком в форме

тесака или косы. В XVI-XVII веках глефы использовались как церемониальное оружие (аналогично протазанам) и богато украшались.

Дага (*dague*) — короткоклинковое колющее оружие, являющееся дополнительным к основному длинноклинковому (шпаге, палашу и т. п.), обычно удерживается в левой руке. Часто снабжалось захватами, зубьями и ловушками для захвата и обламывания клинка противника.

Дол (*fuller*) — углубление в виде желобка овального, треугольного или четырехугольного сечения, идущее вдоль клинка. Предназначаются для облегчения веса клинка и увеличения его жесткости (сопротивления изгибу).

Джирд, джид (*djerid*) — дротик (арабск.). Обычно джирды хранились в специальных футлярах.

Древковое оружие (*polearms*) — общее название холодного оружия, поражающие элементы которого укреплены на длинной деревянной рукояти (древке).

Дротик (*javelin*) — собирательное название коротких метательных копий.

Елмань — уширение сабельного лезвия в верхней части.

«Кабаний меч» или охотничий меч — охотничье оружие, использовавшееся для охоты на кабана. Представляло собой меч со специальным отверстием в верхней части лезвия, для укрпления в нем специальных рогов-ограничителей.

Колчан (*quiver*) — футляр для стрел. Вместе с налучем (садаком) составляли саадачный набор.

Кибить — рабочая часть лука, предназначенная для натягивания тетивы.

Кортелас — однолезвийный меч с коротким слегка изогнутым в верхней части клинком.

Килич, клыч (*kilic, kilij*) — турецкая сабля, оказавшая большое влияние во время турецкого нашествия XV века на форму европейских сабель. Собственно говоря, «килич» по-турецки означает «меч» или «клинок» вообще.

Кинжал (*dagger*) — общее название колюще-режущего обоюдоострого оружия с коротким клинком.

«**Кинжал милосердия**» — название стилетообразного кинжала, использовавшегося для добивания противника.

Кистень — ударное оружие, состоящее из ударной головки на ремне или цепи. Вторым концом ремня или цепь могли крепиться к короткой рукояти.

Клевец — ударное оружие предназначено для пробивания доспехов. Ударная поверхность выполнена в виде заостренного клюва или толстого шипа.

Клеймор, клаймора (*claymore*) — от гэльского *claidheamh-more* «большой меч» — двуручные шотландские мечи с узким клинком, длинной рукоятью и прямыми, поднятыми кверху ветвям крестовины. С XVIII века «клайморами» называют и шотландские палаши.

Клинок (*blade*) — общее название поражающей части холодного оружия. В зависимости от формы и принципа использования клинки делятся на колющие, режущие, рубящие или смешанные.

«**Козья нога**» (*goat foot lever*) — приспособление для натягивания тетивы арбалета.

Кончар (*kanzer*) — с XV в. ввосточно-европейское название эстока.

Копье (*spear*) — собирательное название длинного древкового оружия, предназначенного для нанесения колющего удара и состоящего из древка и наконечника.

Корсека (*corseque*) — см. Рунка.

Крестовина, крыж (*crosspiece*) — часть клинкового оружия отделяющая рукоятку от клинка и предназначенная для защиты руки.

Куза (*couse*) — то же, что и совна.

Лабрис — древнегреческая двухлезвийная секира.

Лангсакс (*langsax*) — германский обоюдоострый меч, увеличенная модель сакса. Лезвие (*edge*) — поражающая часть режуще-рубящего клинка.

Лук (*bow*) — метательное оружие, предназначенное для стрельбы стрелами. Состояло из древка и тетивы, натягиваемой на древко.

Малхус — кривой тяжелый меч балканских стран.

Махайра — кривой серповидный древнегреческий меч с лезвием на внутренней стороне клинка.

Меч (*sword*) — собирательное название длинного клинкового оружия. В более узком смысле — оружие с длинным, прямым обоюдоострым клинком.

Мизеркорд — см. «Кинжал милосердия».

Молот боевой (*warhammer*) — ударное оружие, поражающие элементы которого выполнены в виде бойка молотка (отнесены от древка и имеют малую площадь удара). Также см. чекан и клевец.

«Моргенштерн» (*morgenshtern*) «утренняя звезда» (нем.) «звезда Жижки» — название ударного оружия с шаровидной боевой поверхностью снабженной металлическими шипами. Это название могло применяться к булавам, палицам, кистеням.

Налуч (*bowcase*) — футляр для лука. Часто назывался монгольским словом саадак. Вместе с колчаном составляли саадачный набор (иногда также называвшийся саадаком).

Ножны (*scabbard*) — футляр для хранения клинкового оружия. Предохраняет клинок от воздействия внешней среды.

Обух (*back*) — часть клинка, обратная лезвию.

Острие (*point*) — поражающая часть колющего клинка.

Палаш (*backsword*) — однолезвийное коляще-рубящее оружие с прямым или слегка изогнутым клинком.

Палица (*club*) — простейшее ударное оружие, представляющее собой массивную деревянную дубину. Могла также использоваться для метания.

Паразониум (*parazonium*) — короткий римский меч.

Пернач (*flanged mace*) — род ударного оружия, ударные поверхности которого выполнены в виде пластин (перьев), торцом прикрепленных к рукояти.

Перекрестие — то же, что крестовина.

Пика (*pique*) — копье с небольшим наконечником (иногда граненым), на длинном, обычно частично окованном железом, древке. Применялось в позднем средневековье пехотинцами, получившими название пикинеров. Позже слово «пика» в русском языке стало обозначать легкое кавалерийское копье.

Пилум (*pilum*) — метательное копье римских легионеров. Имело очень длинный металлический наконечник, предотвращающий перерубание древка при попадании в щит. Поясной крюк (*belt hook*) — крюк, крепившейся на поясе арбалетчика. Одно из самых первых приспособлений для натяжения тетивы арбалета.

Праща (*sling*) — метательное оружие, состоящее из веревочной петли, в которую вкладывали ядро или пулю. Известны варианты крепления пращи на рукояти. Протазан (*protazan*) — древковое оружие с большим обоюдоострым прямым клинком. Часто снабжалось небольшими усами в основании клинка (XVI в.), богато украшалось и использовалось в качестве церемониального оружия.

Пуля (*bullet*) — метательный снаряд. Представляет собой шарик из металла, камня или глины. Использовался для метания из балестра или пращи, позднее — для стрельбы из огнестрельного оружия.

Рапира (*rapier*) — колющее, (первоначально колюще-рубящее) оружие с узким прямым клинком. Рапиры появились в начале 16 века и быстро завоевали популярность в качестве дуэльного оружия.

Рогатина (*boar spear*) — охотничье древковое оружие. Состояло из широкого листовидного копейного наконечника (часто с поперечиной под наконечником для удержания наколотого зверя на безопасном расстоянии от охотника) на недлинном древке.

Рукоять (*hilt*) — часть оружия, предназначенная для удержания клинка.

Рунка (*runca*) — древковое оружие с длинным колющим наконечником, от основания которого отходят два уса в форме полумесяца. Мароццо (1536) использует термин *roncha* для обозначения алебарды, а *spiedo* — для обозначения трезубца.

Сабля (*sabre*) — общее название режуще-рубящего клинкового оружия с изогнутым клинком.

Сабля абордажная (*cutlass*) — сабля с укороченным массивным лезвием и сильно развитой гардой. Применялось в XVIII-XIX веках в абордажном бою.

Саадак — см. Налуч.

Сакс (*sax, seax*) — германский нож с клинком прямой или слегка изогнутой формы.

Сарисса — длинное тяжелое копье. Вооружение македонской фаланги.

Самострел — русское название арбалета.

Секира — рубящее оружие. Топор с расширенным лезвием, иногда на удлиненном древке. В восточных странах богато украшенные секиры использовались как знаки высокого ранга. Скрамасакс (*scramasax*) — тяжелый короткий однолезвийный меч германцев.

Скутум — римский строевой щит прямоугольной, овальной или шестиугольной формы.

Скьявона (*schiaivona*) — меч с длинным клинком и ажурной закрытой гардой, XVI в. Использовался венецианскими наемниками из Далмации.

Совна, совня — восточно-европейское древковое оружие с наконечником в виде ножа, прямого или изогнутого. Могло дополняться крючками или шипами. Западноевропейские аналоги: вуж, глефа и куза.

Спетум (*spetum*) — длинное колющее древковое оружие с прямым узким лезвием и длинными крюкам в его основании, загнутыми книзу.

Стилет (*stiletto, stylet*) — колющее кинжалообразное оружие с узким граненым или круглым клинком без режущей кромки.

Стрела (*arrow*) — метательный снаряд, предназначенный для стрельбы из лука или арбалета. Состоит из древка, поражающего наконечника, стабилизирующего оперения и пятки.

Тетива (*bowstring*) — часть лука, веревка, удерживающая древко лука в согнутом положении и служащая для наложения стрелы.

Топор (*axe*) — простейшее рубящее холодное оружие или собирательное название рубящего оружия и его элементов.

Фаларики (*falarigues*) — зажигательные стрелы или болты.

Фальката (*falcata*) — испанский (иберийский) меч с изогнутым лезвием, подобный махайре.

Фальшион (*falchion*) — однолезвийный меч с массивным, расширяющимся к острию клинком. Основное предназначение — нанесение мощных рубящих ударов (острия фальшионов часто делали закругленными).

Фламберг — эспадон с волнистым лезвием.

Фрамея (*framea*) — метательное копьё древних германцев, напоминающее римский пилум.

Франциска (*francisca*) — метательный топор германцев и франков.

Шамшер — арабская сабля.

Шестопер — вариант перначи, имеющий шесть перьев.

Шотландский палаш (*highland broadsword*) — шотландский меч, схожий со скьявоной, с XVI в. до нашего времени. С XVIII века, когда двуручные мечи вышли из употребления, их также стали называть клайморами.

Шпага — см. Рапира.

Цеп боевой — ударное оружие, состоящее из древка и ударной головки, соединенных гибким сочленением (цепь, кожаный ремень).

Чекан — небольшой топорик.

Чинкуэда (*cinquedeia*) — итальянский прямой короткий меч с обоюдоострым клинком, очень широким у рукояти.

Эспадон — большой пехотный двуручный меч, кон. XV — нач. XVI вв.

Эсток — двуручный меч-шпага с длинным, жестким клинком преимущественно треугольного сечения, предназначенный для пробивания доспехом мощным колющим ударом (немецкое название эстока — *Panzerstecher* — означает буквально «панцирпробойник»).

Эфес (*gefass*) — часть рапиры или шпаги, состоящая из рукоятки, крестовины, перекрестия дужки или гарды.

Ятаган (*yatagan*) — изогнутое однолезвийное клинковое оружие, с лезвием на вогнутой стороне клинка.

СОДЕРЖАНИЕ

Дуглас Брайан	
Глаз Кали. Повесть	6
Терри Донован, Мартин Шерр	
Круг Времен. Повесть	206
Керк Монро	
Хайбория: история оружия	354
Ручное холодное оружие: словарь терминов	372

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас, Донован Терри,
Шерр Мартин, Монро Керк

КОНАН И КРУГ ВРЕМЕН

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Андрей Мартынов*

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс» 190121, г. Санкт-Петербург,

Наб. кан. Гринбеедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А

copan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»

144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

САҖА О КОҢАҢЕ

КОҢАҢ И ТҮҢЬ ВҠҢА 73	КОҢАҢ И ПЕРҢЦ ЭҢЦАРЫ 74	КОҢАҢ И ЖЕМҠҢҢНА ПУСТЫҢА 75	КОҢАҢ И ДУХИ ТОР 76	КОҢАҢ И СӨҢҠҢҢҢ ТАҢҢҢҢҢҢ 77	КОҢАҢ И НЕҢҢҢҢҢҢҢ КУҢҢҢҢ 78	КОҢАҢ И УҢҢҢҢҢҢ ТУДОҢҢҢҢ 79	КОҢАҢ И СҢҢҢҢҢҢҢ МОҢҢҢҢ 80	КОҢАҢ И ПУТЬ ҢҢҢҢҢҢ 81
КОҢАҢ И КААҢҢҢ АҢҢҢ 82	КОҢАҢ И ПӨҢҢҢҢ НАҢҢҢҢҢҢ 83	КОҢАҢ И АҢҢҢҢҢ ЗАҢҢҢ 84	КОҢАҢ И ПААҢҢ ВОЗҢҢҢҢҢҢ 85	КОҢАҢ И ТҢҢҢҢ ВЕДАҢҢҢҢ 86	КОҢАҢ И ЧҢҢҢҢҢ ИМПҢҢҢҢҢ 87	КОҢАҢ И МҢҢҢҢ БҢҢҢ 88	КОҢАҢ И КАМҢҢҢ ЖҢҢҢҢҢҢ 89	КОҢАҢ И ВОАҢҢҢ БАШҢҢҢ 90
КОҢАҢ И КҢҢҢҢҢ ВАҢҢҢҢҢ 91	КОҢАҢ И СӨҢҢҢҢҢ МАҢҢҢ 92	КОҢАҢ И ЖӨҢҢҢҢ ПАҢҢҢҢҢ 93	КОҢАҢ И АҢҢҢҢҢ АМУҢҢҢҢҢ 94	КОҢАҢ И ЯҢҢҢҢҢ ТҢҢҢҢҢҢҢ 95	КОҢАҢ И ТАҢҢҢ ПҢҢҢҢҢҢ 96	КОҢАҢ И РАҢҢ ТАҢҢҢҢҢҢҢ 97	КОҢАҢ И ПОҢҢҢ ОБҢҢҢҢҢҢҢ 98	КОҢАҢ И ЧҢҢҢҢ КОАДУҢҢҢҢ 99
КОҢАҢ И ПҢҢҢҢҢ ХҢҢҢҢҢҢҢ 100	КОҢАҢ И ЧҢҢҢҢҢ СОАҢҢҢҢҢ 101	КОҢАҢ И ЖӨҢҢҢҢҢҢҢ РОКА 102	КОҢАҢ И ПАҢҢҢҢҢ СҢҢҢ 103	КОҢАҢ И РҢҢҢҢҢ АУҢҢҢҢҢ 104	КОҢАҢ И АҢҢҢҢҢ СТҢҢҢҢҢҢ 105	КОҢАҢ И ТҢҢҢҢҢҢҢ ОХОҢҢҢҢҢҢ 106	КОҢАҢ И КАҢҢҢҢ АСУҢҢҢҢ 107	КОҢАҢ И СУҢҢҢҢҢ КОҢҢҢҢҢҢ 108
КОҢАҢ И ПҢҢҢҢҢ ВӨҢҢҢҢҢҢ 109	КОҢАҢ И АҢҢҢҢҢ АҢҢҢҢҢҢҢ 110	КОҢАҢ И ПӨҢҢҢҢҢҢҢ ОСТҢҢҢҢҢ 111	КОҢАҢ И ДҢҢҢҢҢҢҢ СТҢҢҢҢҢҢҢ 112	КОҢАҢ И ЧҢҢҢҢҢҢҢ КОҢҢҢҢҢҢҢ 113	КОҢАҢ И УҢҢҢҢҢҢҢ КАМҢҢҢҢҢҢ 114	КОҢАҢ И КҢҢҢҢҢҢҢ БҢҢҢҢҢҢҢҢҢ 115	КОҢАҢ И ТАҢҢҢҢҢ ПАҢҢҢҢҢҢҢ 116	КОҢАҢ И ЦҢҢҢҢҢҢҢ ОБОҢҢҢҢҢҢҢ 117
КОҢАҢ И ФӨҢҢҢҢҢ ЖҢҢҢҢҢҢҢ 118	КОҢАҢ И РЕКА ЗАҢҢҢҢҢҢҢҢ 119	КОҢАҢ И ДОАҢҢҢҢҢ ДҢҢҢҢҢҢҢҢ 120	КОҢАҢ И ЗҢҢҢҢҢҢҢ ПҢҢҢҢҢҢҢҢҢ 121	КОҢАҢ И ОҢҢҢҢҢҢҢ СМҢҢҢҢҢҢҢҢ 122	КОҢАҢ И СӨҢҢҢҢҢҢҢ ЖҢҢҢҢҢҢҢҢ 123	КОҢАҢ И ИҢҢҢҢҢҢҢҢ ИҢҢҢҢҢҢҢҢҢҢҢҢ 124	КОҢАҢ И МОҢҢҢҢҢ ЧҢҢҢҢҢҢҢҢҢ 125	КОҢАҢ И КҢҢҢҢҢҢҢҢ ВҢҢҢҢҢҢҢҢҢҢҢҢ 126

ISBN 978-5-17-038566-9

9 785170 385669

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС